ПАЩЕНКО Е.В.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАТЕРИК

очерки о церковных подвижниках
Архангельской области
14-20 вв.

АРХАНГЕЛЬСК
2000

УДК :281. 93 (470. 11)

Архангельский Патерик (Очерки о церковных подвижниках Архангельской области 14- 20 вв.). Е.В. Пащенко.- Архангельск: АГМА.- 2000.- с.-141.

Книга Е.В. Пащенко посвящена малоизвестным аспектам истории Архангельской области. В ней рассказывается о тех церковных подвижниках, которые родились или жили на ее территории. Книга предназначена для студентов факультета социальных работников, преподавателей истории, а также людей, интересующихся прошлым Архангельской области.

На обложке : Старинный вид Кожеозерского монастыря

Рецензент: Заведующий кафедрой социальной медицины, экономики и управления здравоохранением, профессор А.М. Вязьмин.

Печатается по разрешению редакционно - издательского совета АГМА

Рисунки: Е.В.Пащенко
Художник-оформитель, верстка: А.В.Пащенко

© Архангельская государственная медицинская академия, 2000.

ПАЩЕНКО Е.В.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАТЕРИК

очерки о церковных подвижниках
Архангельской области
14-20 вв.

АРХАНГЕЛЬСК
2000

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ Е.В. ПАЩЕНКО АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАТЕРИК (ОЧЕРКИ О ЦЕРКОВНЫХ ПОДВИЖНИКАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ) 7
ВВЕДЕНИЕ 9

XIV ВЕК 14

ПРЕПОДОБНЫЙ КИРИЛЛ ЧЕЛМОГОРСКИЙ 15

XV ВЕК 19

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕВФИМИЙ КОРЕЛЬСКИЙ. ПРАВЕДНЫЕ АНТОНИЙ И ФЕЛИКС КОРЕЛЬСКИЕ. 20
ПРЕПОДОБНЫЕ САВВАТИЙ И ГЕРМАН СОЛОВЕЦКИЕ . 23
ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА СОЛОВЕЦКИЙ 27
ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРЛААМ ШЕНКУРСКИЙ 32
ПРАВЕДНЫЙ ГЕОРГИЙ ШЕНКУРСКИЙ 34
ПРАВЕДНЫЕ ЗАХАРИЯ И АФАНАСИЙ ШЕНКУРСКИЕ .. 36
ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДР ОШЕВЕНСКИЙ 36
ПРАВЕДНЫЙ КИРИЛЛ ВЕЛЬСКИЙ 40

XVI ВЕК 42

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАХОМИЙ КЕНСКИЙ 43
ПРАВЕДНЫЙ АРТЕМИЙ ВЕРКОЛЬСКИЙ. 43
ПРАВЕДНАЯ ПАРАСКЕВА ПИРИНЕМСКАЯ 47
ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ СИЙСКИЙ 50
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ МАЛОПИНЕЖСКИЙ 53
ПРЕПОДОБНЫЙ ЛОНГИН КОРЯЖЕМСКИЙ 54
ПРЕПОДОБНЫЙ ХРИСТОФОР СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЙ 57
ПРЕПОДОБНЫЙ СИМОН СОЙГИНСКИЙ 60

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕВФИМИЙ АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ 62
СВЯТИТЕЛЬ ФИЛИПП, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ .. 67
ПРЕПОДОБНЫЕ ИОАНН И ЛОНГИН ЯРЕНГСКИЕ 74
ПРЕПОДОБНЫЕ ВАССИАН И ИОНА ПЕРТОМИНСКИЕ ... 75
ПРАВЕДНЫЙ ПЕТР ЧЕРЕВКОВСКИЙ 77
ПРЕПОДОБНЫЙ КИРИЛЛ СЫРЬИНСКИЙ 78

XVII ВЕК 79

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОВ УЩЕЛЬСКИЙ 80
ПРЕПОДОБНЫЙ ДИОДОР ЮРЬЕГОРСКИЙ 83
ПРЕПОДОБНЫЙ ИРИНАРХ СОЛОВЕЦКИЙ 85
ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛЕАЗАР АНЗЕРСКИЙ 86
ПРЕПОДОБНЫЕ АВКСЕНТИЙ, АКСИЙ, ТАРАСИЙ КАШКАРАНСКИЕ, КАССИАН МУЕЗЕРСКИЙ, ИСАИЯ И НИКАНОР РУЧЬЕВСКИЕ 88
ПРЕПОДОБНЫЕ НИФОНТ И СЕРАПИОН КОЖЕЕЗЕРСКИЕ 88
ПРЕПОДОБНЫЕ ЛОНГИН, ГЕРМАН, БОГОЛЕП, КОРНИЛИЙ, АВРААМИЙ КОЖЕЕЗЕРСКИЕ 91
ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ КРАСНОГОРСКИЙ 91
БЛАЖЕННЫЕ ФОМА, ИОАНН, ИРОДИОН, МИХАИЛ, ВАСИЛИЙ СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЕ 95
ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ СИЙСКИЙ 95
ПРЕПОДОБНЫЙ НИКОДИМ КОЖЕЕЗЕРСКИЙ (ХОЗЬЮГСКИЙ) 97
ПРАВЕДНЫЙ ПРОКОПИЙ УСТЬЯНСКИЙ 101

XVIII ВЕК 104

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОВ (ИИСУС) СОЛОВЕЦКИЙ 106

XIX ВЕК 109

ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ 110

XX ВЕК 115

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЕНИАМИН, МИТРОПОЛИТ ПЕТРОГРАДСКИЙ 116

СВЯТИТЕЛЬ КРЫМСКИЙ ЛУКА (ВОЙНО- ЯСЕНЕЦКИЙ) 121

ПРИЛОЖЕНИЕ 128

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ 129

ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ ФЕДОСИХИН 131

ЕПИСКОП НИКОН И АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ 132

ИЕРОМОНАХ ИГНАТИЙ 134

ИНОКИНЯ ЕВДОКИЯ 137

ПРОТОИЕРЕИ ВАСИЛИЙ ГОЛЬЧИКОВ И НИКОЛАЙ ВОТЧИНСКИЙ 139

МОНАХИНЯ ЕЛЕВФЕРИЯ 141

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 144

О КНИГЕ Е.В. ПАЩЕНКО АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАТЕРИК (ОЧЕРКИ О ЦЕРКОВНЫХ ПОДВИЖНИКАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Книга Е.В. Пащенко посвящена малоизвестным для современного читателя страницам истории Архангельского Севера. В ней рассказывается о людях, которые родились или жили на территории Архангельской губернии ии впоследствии были причислены к лику святых. За основу ее взята изданная в 1901 г. в Санкт- Петербурге книга архимандрита Никодима (Кононова) « Архангельский Патерик». Однако, к настоящему времени книга эта стала библиографической редкостью, а в некотором отношении нуждается сейчас в исправлении и дополнении. Поэтому поиск сведений о северных святых для тех, кто интересуется историей Архангельской области, затруднен. Книга Е.В. Пащенко является попыткой создания справочника- персоналии о судьбах церковных подвижников Архангельской земли. Впервые их жизнеописания даются с учетом современных территориальных границ Архангельской области.

В книге Е.В. Пащенко показаны различные стороны социального служения северных святых. Это- и миссионерская деятельность среди коренных северных народов, и освоение выходцами из различных монастырей необжитых земель, и их положительное нравственное влияние на местное население.

Помимо судеб известных церковных подвижников, автор прослеживает судьбы и малоизвестных северных святых. К их числу относятся Параскева Пиринемская, а также малоизвестный « небесный покровитель» г. Архангельска, Евфимий Архангелогородский.

Особенностью книги является то, что в нее включены биографические сведения о церковных подвижниках 19- 20 столетий, которые не вошли в первую версию « Архангельского Патерика», написанную архимандритом Никодимом (Кононовым), в связи с тем, что причисление их к лику святых состоялось в 90- е годы 20 века. Речь идет об уроженце Пинежья- Иоанне Кронштадтском, а также-о митрополите Вениамине Петроградском, который родился в окрестностях Няндомы, и знаменитом хирурге- архиепископе Луке (Войно- Ясенецком), который в 1931- 1933 гг. находился в ссылке в г. Архангельске. Помимо этого, в « Приложении» приводятся сведения о неизвестных для современного читателя судьбах некоторых церковных подвижников г. Архангельска 30- 90 годов, собранные автором из устных источников. Рассказывая о них, автор пытается доказать преемственность культурно- нравственных традиций на Севере- от минувших времен до наших дней.

В качестве источников широко используется житийный материал. Причем нередко очерки о святых составлены на основании нескольких источников, как известных, так и малоизвестных современным читателям. Однако Е.В. Пащенко относится к используемому материалу творчески, не просто копируя его, а пересказывая его современным языком, с учетом менталитета человека нашего времени, пытаясь найти в судьбах людей далекого прошлого то, что могло бы оказаться понятным даже далеким от религии людям.

Книга Е.В. Пащенко « Архангельский Патерик» может представлять интерес для студентов факультета социальных работников, студентов-историков, а также для людей, интересующихся историей Архангельской области. и может быть рекомендована к изданию.

Заведующий кафедрой социальной медицины,
Экономики и управления здравоохранением,
профессор А.М. Вязьмин

Памяти архимандрита (впоследствии епископа Белгородского) Никодима (Кононова) – автора первой версии « Архангельского Патерика».

ВВЕДЕНИЕ

В связи с возрастающим в наше время интересом к культурно-историческому наследию прошлого, особенно прошлому своего родного края, особенное внимание уделяется тем его сторонам, которые до настоящего времени были недостаточно освещены. В частности, это касается судеб людей, причисленных Русской Православной Церковью к лику святых, которые родились или жили в Архангельской области. К сожалению, доступного для современного читателя сборника, содержащего их биографии, в настоящее время, можно сказать, не существует.

Правда, в начале 20 века иеромонахом (впоследствии архимандритом, а позднее архиепископом Белгородским, погибшим в годы гражданской войны) Никодимом (Кóнóновым, с ударением на втором слоге) была предпринята попытка создания книги, которая бы содержала сведения о жизни святых Архангельской губернии. Сведения о них он собирал в течение 7 лет (с 1893 по 1900 гг.). Первое издание этой книги, получившей название « Архангельский Патерик» (слово это в переводе с греческого означает «отечник»- собрание житий и поучений святых, как правило, монахов), с подзаголовком « исторические сказания о жизни и подвигах русских святых и некоторых других приснопамятных мужей» (1, 2), вышло в 1901 году в Санкт- Петербурге. Впоследствии, когда Никодим Кононов стал архимандритом, книга эта переиздавалась. Поэтому, ссылаясь на ее автора, мы будем называть его не иеромонахом, а архимандритом.

В областной библиотеке г. Архангельска хранился экземпляр « Архангельского Патерика» с автографом автора. Это была дарственная надпись. Книга предназначалась в подарок Соловецкому монастырю. К сожалению, в 1999 г. этот автограф был утрачен.

Помимо « Архангельского Патерика» перу архимандрита Никодима принадлежал и ряд других, аналогичных сборников. Например, «Олонецкий Патерик» (1, 2), изданный в 1910 г. в Петрозаводске, и содержавший жития святых Карелии, Онежского и Каргопольского районов. К сожалению, в областной библиотеке г. Архангельска этой книги нет. Также, судя по материалам одного из выступлений на третьих общеобразовательных Иоанновских Чтениях, Никодим Кононов был автором многотомного свода биографий русских подвижников благочестия, который в настоящее время был переиздан Оптиной пустынью. Характерной особенностью книг этого свода, а также и « Архангельского Патерика», является, с одной стороны,

АРХАНГЕЛЬСКІЙ ПАТЕРИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ
РУССКИХЪ СВЯТЫХЪ
И
НѢКОТОРЫХЪ ПРИСНОПАМЯТНЫХЪ МУЖЕЙ,
Подвизавшихся въ предѣлахъ
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.

составилъ
Іеромонахъ Никодимъ,
смотритель Спб. Александро-Невскаго духовнаго училища.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Вассейная, 14.
1901.

Титульный лист первого издания « Архангельского Патерика»)

популярное, доступное для читателей различного образовательного уровня, изложение. С другой- использование, где это представлялось возможным, документальных материалов, с соответственно оформленными ссылками на них.

« Архангельский Патерик» содержал сведения о судьбах не только известных северных святых (таких, как Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Сийский), но и о малоизвестных или почти неизвестных (таких как Параскева Пиринемская, Захария и Афанасий Шенкурские). Он был подразделен на ряд частей, посвященным либо подвижникам той или иной местности, либо представителям того или иного известного на Севере монашеского направления. Среди них он выделял, например, Ошевенское иночество, представленное Александром Ошевенским и продолжателями его традиций Пахомием Кенским, а впоследствии учеником Пахомия- Антонием Сийским. Был раздел, посвященный монахам- подвижникам Соловецкого монастыря. Еще в одном разделе шла речь о святых Пинежья- Артемии Веркольском, Параскеве Пиринемской, Макарии Красногорском.

Стоит сказать и о том, что к судьбам героев своей книги- северных святых- архимандрит Никодим отнесся с особым уважением и любовью. В предисловии к « Архангельскому Патерику» он нашел для характеристики Архангельской земли такие замечательные слова- « по справедливости можно сказать, что по числу местных святых мужей Архангельская епархия уступает только « Матери градов русских- Киеву и древнему «Господину великому Новгороду» (2, 3). Пожалуй, над этим стоит задуматься и нам, живущим на этой северной земле сейчас.

К сожалению, в настоящее время изданный почти столетие назад « Архангельский Патерик» архимандрита Никодима стал библиографической редкостью. Помимо этого, сейчас он нуждается в исправлениях и дополнениях. Прежде всего потому, что современные территориальные границы Архангельской области не совпадают с границами дореволюционной Архангельской губернии. Сейчас Архангельская область включает в себя ряд территорий, которые раньше относились к другим губерниям. Например, современные Сольвычегодский и Устьянский районы в минувшие времена относились к Вологодской губернии. Каргопольский район- к губернии Олонецкой. С другой стороны, относившаяся ранее к Архангельской губернии территория Кольского полуострова сейчас входит в состав Мурманской области. В связи с этим, такие святые, как преподобные Трифон Печенгский и Варлаам Керетский, биографии которых вошли в « Архангельский Патерик» архимандрита Никодима, сейчас являются святыми уже не Архангельской, а Мурманской области.

Кроме того, в 90-е годы к лику святых было причислено несколько личностей, чьи судьбы непосредственно связаны с Архангельской областью. Это прежде всего- канонизированный в 1990 г. уроженец пинежского села Суры Иоанн Кронштадтский. А также- причисленный к лику святых в 1992 митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, местом рождения которого было село, находившееся близ Няндомы. Мы посчитали необходимым поместить в наш сборник также и рассказ об удивительной судьбе выдающегося хирурга, чей опыт совмещения медицинского и архипастырского служения не имеет себе равных. Речь идет о Святителе Луке (В.Ф. Войно-

Ясенецком), который в 1995 году был причислен к лику местночтимых святых Крымской епархии. Для него Архангельск с 1931 по 1933 гг. стал местом ссылки. Безусловно, даже за трехлетний срок пребывания на Севере, Святитель Лука не мог не оставить свой яркий след и на нашей земле.

В связи с этим, а также с тем, что принятая в дореволюционные годы форма повествований о святых может оказаться во многом непонятной для современного читателя, нередко далекого от религии, мы решили составить новую, переработанную и дополненную, версию сборника жизнеописаний церковных подвижников Архангельской области. При этом- сохранив ее историческое название- « Архангельский Патерик».

В качестве образца для его написания было взято несколько книг. Конечно, прежде всего, в качестве основы- дореволюционная версия « Архангельского Патерика», написанная архимандритом Никодимом. Во-вторых, изданное в 1993 г. Свято- Троицким Ново- Голутвиным монастырем «учебное пособие» в шести томах - « Жития русских святых», в котором, почти всегда в современной орфографии, были представлены заимствованные из разных источников (со ссылками на них) биографии церковных подвижников, как живших во времена давно минувшие, так и в относительно недавние. В частности, в это собрание вошли жития Иоанна Кронштадтского и Вениамина Петроградского. Однако, у этой книги есть ряд недостатков. Прежде всего, ее малодоступность для читателя- северянина. Кроме того, сборник этот- сугубо духовно- назидательное чтение, с соответственным изложением материала. Поэтому читать его людям, не придерживающимся православного мировоззрения, может оказаться нелегко. Третьей книгой, стиль которой был взят в качестве основы для предлагаемой редакции « Архангельского Патерика», стал выпущенный в 1991 г. в г. Свердловске сборник « О жизни православных святых, иконах и праздниках». В нем в краткой форме, на основе сборников, содержащих повествования о чудотворных иконах Божией Матери и жития святых, излагались сведения о церковных подвижниках, иконах и праздниках. Однако, стиль повествования существенно отличался от традиционно принятого в церковной литературе. В результате этого материал, включенный в эту книгу, оказывался одинаково интересен и понятен и верующим, и неверующим людям. В таком же стиле попытались изложить биографии святых Архангельской области и мы. Периодизация в хронологическом порядке (по векам), заимствована из дореволюционной книги « Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии».

Наш сборник не претендует на полноту биографических сведений о святых Архангельской области. В частности, это касается судеб Соловецких подвижников. Более подробные сведения о них читатель сможет найти в переизданном в 1991 г. Синодальной библиотекой сборнике под названием « Соловецкий Патерик». В настоящее время он является относительно доступным. Мы ограничились только рассказами о тех святых, о которых поведал в своем « Архангельском Патерике» архимандрит Никодим, а также-

о судьбе святого 18 столетия- Иова (Иисуса) Соловецкого. Также мы не смогли отыскать сведений о некоторых малоизвестных святых (например, Иулиании Сольвычегодской, Параскеве Кеврольской). По этой причине рассказов о них в нашем сборнике нет.

Для рассказа о судьбах северных церковных подвижников, в связи с практическим отсутствием научных источников, мы пользовались различными сборниками житий святых, переиздающихся в наше время. Перечень их приводится в списке литературы. Однако, по возможности, не ограничивались простым копированием житий. А пересказывали их современным языком, чтобы приблизить их к восприятию людей нашего времени. Причем не только церковных, а и нерелигиозных. Поэтому в нашем изложении эти жития приобрели характер биографических очерках о судьбах тех или иных лиц, причисленных к лику святых.

Следует упомянуть и о том, что жития святых не всегда являлись их подлинными и обстоятельными с научной точки зрения биографиями. В прошлом веке знаменитым русским историком В.О. Ключевским была предпринята попытка исследовать, как исторический источник, жития древнерусских святых. Результатом этого явилась опубликованная в 1891 г. его монография «Древнерусские жития святых, как исторический источник» (в 1888 г. переизданная издательством « Наука»). В. Ключевский, в частности, отмечал, что жития преследовали почти исключительно назидательную цель. « Единственный интерес, который привязывал внимание общества, подобного древнерусскому, к судьбам отдельной жизни, был не исторический или психологический, а нравственно- назидательный. Он состоял в тех общих типических чертах или нравственных схемах, которые составляют содержание христианского идеала и осуществление которых, разумеется, можно найти не во всякой отдельной жизни» (3, 367). Нередко жития писались спустя долгие годы после смерти их героев, по своеобразным сюжетным схемам и стереотипам. «Биографический рассказ в житиях вообще отличался недостатком хронологических и других указаний, иногда повесть о жизни святого по объему и содержанию является только беглым предисловием к описанию чудес»(3, 417). Из своего исследования житий с научной, исторической точки зрения В. Ключевский сделал довольно неутешительные выводы о том равнодушии, «с каким древний биограф того или иного святого относился к биографическому факту в его действительной простоте» (3, 432).

Однако, даже несмотря на это, в повестях о судьбах церковных подвижников Архангельской области можно найти сведения хотя бы о некоторых характерных особенностях их личности, событиях из их жизни. На основании их можно составить групповой психологический портрет северных святых различных веков. Насколько эта попытка оказалась удачной- пусть судит читатель.

XIV ВЕК

Это столетие представлено только одной биографией- Кирилла, выходца из Новгорода, основателя первого в Архангельской области монастыря- Челмогорского. Судьба его, а также основанной им обители- достаточно типична для впоследствии возникавших на Севере многочисленных монастырей, одни из которых со временем исчезали, а другие- сохранились до наших дней, привлекая к себе внимание историков, паломников, туристов, любителей « родной старины».

ПРЕПОДОБНЫЙ КИРИЛЛ ЧЕЛМОГОРСКИЙ

Этот подвижник был одним из самых первых святых, живших в пределах современной Архангельской области. В православных святцах он именуется, как Преподобный Кирилл Челмогорский (или Челменский, по названию местности около г. Каргополя, где он жил и умер).

Терминология, с которой знаком каждый православный человек, для светского читателя может оказаться непонятной. В самом деле- кто такой «преподобный»? Кому он подобен? И что имеется в виду, когда святого называют « преподобным»?

Чтобы понять это, следует вспомнить библейский рассказ о сотворении человека. Как известно, он был сотворен Богом по Его образу и подобию. Библия повествует об этом так : « И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему…» (Бытие, 1. 26). Комментируя этот стих, «святоотеческая традиция отмечает, что «образ»- это общее достояние людей, а…достижение богоподобия- цель человеческой жизни. Выполнение этой задачи зависит от свободной воли человека…Святой Иоанн Дамаскин, отмечая разницу между образом и подобием, пишет: «выражение «по образу» указывает на способность ума и свободу, тогда как выражение « по подобию» означает уподобление Богу в добродетели, насколько это возможно для человека». А преподобный Максим Исповедник отмечает, что «по образу Божию есть всякое существо разумное, по подобию же- одни добрые и мудрые» (4, 211). Человек, в своей жизни максимально достигший богоподобия, и именуется « преподобным» (т.е., тот, кто в наибольшей степени стал подобен Богу « в добродетели, насколько это возможно для человека»). Но все- таки « преподобными» традиционно называют святых, которые были монахами. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в сочинениях известного русского духовного писателя 19 века, епископа Игнатия (Брянчанинова). Он писал, что «древние иноки называли монашеское жительство евангельским жительством.. Святой Иоанн Лествичник (духовный писатель 6-7 вв.) определяет монаха так: « Монах- тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время, руководствуется Божиими заповеданиями и Божиим словом» (5, 37).

И, если человек, живущий среди соблазнов мира, не может в той или иной мере не поддаться им, то монах, посвятивший себя исключительно служению Богу, сопротивляться соблазнам просто обязан. Поэтому- то, по ставшему крылатым выражению того же Иоанна Лествичника, « свет мирянам- иноки, а свет инокам- ангелы». Беря пример с праведной жизни иноков, и миряне могут, если захотят, стать в своей повседневной жизни лучше и чище.

Сделав этот необходимый экскурс в область православной терминологии, вернемся к рассказу о судьбе преподобного Кирилла Челмогорского.

Он родился в конце 13 века. В возрасте 20 лет пришел в Новгородский монастырь, основанный преподобным Антонием Римлянином. Там он принял монашеский постриг с именем, под которым он остался в истории нашего края- Кирилл. В Новгороде Кирилл прожил шесть лет, а затем отправился странствовать по другим монастырям. В скитаниях он провел 3 года.

В 1316 г. Кирилл пришел на гору Челму, которая находилась « в 53 верстах от Каргополя» (6, 504) « между Челмозером и Лекшлюзозером». В это время ему исполнилось 30 лет. Монастырей в тех местах не было. А местные жители принадлежали к финскому племени, которое прозывалось « чудь». Разумеется, они держались своей, языческой, веры. Молились и приносили жертвы идолам. Лишь единицы из чудинов были крещены. И вот в таких-то диких, чужих и чуждых местах, в лесной чаще, и поселился Кирилл, построив себе небольшую келью. В полном одиночестве он прожил три года.

Через три года к Кириллу пришел еще один монах, по имени Корнилий, который приходился пустыннику родным братом (6, 504). Однако, вместе они прожили недолго, Корнилий вскоре « ушел для безмолвия в другую пустынь», и Кирилл опять остался один.

История возникновения монастырей на Севере (и не только на Севере) зачастую довольно однотипна. Сперва где- то среди лесной глуши в полном одиночестве поселяется монах- подвижник (а изредка- и не монах, а мирянин, каким был, например юноша Варфоломей (впоследствии Сергий), основатель знаменитой Троице- Сергиевой Лавры). Как правило, приходил он в эти края из какого- либо, расположенного южнее, монастыря с крепкими традициями и строгим уставом. Проходят годы, и об отшельнике узнают местные жители, которые приходят посетить его, а то и остаться с ним, чтобы вести под его руководством монашескую жизнь. Постепенно среди леса возникает небольшой монастырек с пока малочисленной братией. С деревянными кельями и небольшой церковью. Дальнейшая судьба таких монастырьков складывалась по- разному. Одни, из- за своей бедности, а также и из-за того, что пустынная жизнь оказывалась не под силу их насельникам (обитателям), исчезали. Другие держались немного дольше, но тоже исчезали со смертью последних ревностных своих жителей. Третьи, несмотря на все испытания, оставались. Росли, становились известными, строились. И из их стен

выходили все новые подвижники- энтузиасты, которые, покидая родной монастырь, уходили все дальше и дальше в северные леса, основывая новые обители. Так постепенно возникали в наших северных краях великие и малые, знаменитые и не столь известные монастыри…

Именно так произошло и с Челменским (или Челмогорским) монастырем. Спустя несколько лет о нем уже было известно местным жителям. « И к преподобному стали приходить многие христиане, ради назидания и душевной пользы» (6, 504). Приходили и чудины. Причем некоторые, познакомившись с пустынником, возможно, желая походить на него, изъявляли желание стать христианами. «Трудами преподобного Кирилла христианство среди них стало успешно распространяться»(6, 504).

В своем пустынном уединении Кирилл прожил 52 года. Умер он 8 декабря 1368 года, уже глубоким стариком (в возрасте 82 лет). При жизни монастыря он не создал. Возможно, потому, что тогда в тех краях не находилось желающих разделить с ним лишения пустынной жизни.

Впоследствии, спустя несколько лет после кончины Кирилла, в этих краях появились два человека, задумавшие повторить подвиги святого Кирилла. Они даже поставили над его могилой гробницу. Но, видимо, не всякому под силу было то суровое житье, на которое добровольно обрек себя пустынник Кирилл. И эти двое тоже не выдержали- ушли. Пожалуй, осуждать их за это не стоит. Не каждый человек способен на дела, нередко превышающие человеческие силы. То, что смог вынести Кирилл, они просто-напросто не смогли повторить…

Позднее на том месте, где в одиночестве жил Кирилл, все- таки возник мужской монастырь. Основал его некий иеромонах Арсений. К нему постепенно собралось до 24 человек братии. « Подвижники построили храм в честь Богоявления (Праздника Крещения) Господня, завели пашни и огороды» (6, 505). В Богоявленском храме под спудом (то есть не открыто, а под полом или каменной плитой) были положены мощи Кирилла Челмогорского.

Впоследствии по молитвам к нему стали совершаться чудеса- выздоравливали неизлечимо больные люди, получали надлежащее вразумление те, кто не прочь был поживиться монастырским имуществом. Например, некий иеромонах Герман, человек уже преклонного возраста (он прожил в обители 30 лет. А до ухода в монастырь имел семью) и больной, надумал сделать подарок своей дочери и ее мужу. В качестве гостинца он предложил зятю «взять с монастырского двора две скотины». Естественно, что тот был рад нежданному дару.

Ночью Герман увидел в своей келье неизвестного монаха, стоявшего на молитве. Окончив ее, незнакомец обратился к нему с такими словами:

- Иеромонах Герман, зачем ты монастырское добро расхищаешь, губя свою душу? Зачем велишь зятю своему и дочери брать монастырскую скотину? Думаешь восполнить их нищету? Но они еще сильнее обнищают. Великий грех принимаешь ты на себя и тяжкое осуждение»(6, 505- 506).

После этого неизвестный монах исчез. Наутро, когда к перепуганному Герману пришел зять, тот рассказал о своем видении, умоляя не брать из обители ничего. Напротив- по мере сил помогать монахам.

В другой раз, в середине 17 века, преподобный Кирилл помог иконописцу написать свой образ. Было это так. Священник Иоанн из соседнего с монастырем села, почитая память Кирилла, решил написать его икону. Только вот беда- он не знал, как тот выглядел. Ведь с тех пор, как жил и умер святой Кирилл, прошло почти три столетия…

Но на помощь ему пришел сам Кирилл. Как-то раз Иоанн увидел сон. Будто стоит он в притворе одного из храмов Челмогорского монастыря во время Богослужения. И вот к нему подходит диакон и говорит : «смотри- как видишь, так и напиши». И показывает на изображение Кирилла Челмогорского на иконе. Когда Иоанн проснулся, то он уже мог бы по памяти написать лик Кирилла.. Только почему-то медлил с написанием иконы. Тогда ему явился уже сам Кирилл, снова напомнив Иоанну о своем образе- «пиши так, как меня видишь». Будучи по делам в Каргополе Иоанн рассказал знакомому священнику о своих видениях. Тогда тот признался, что он сам видел святого во сне. Причем точь-в-точь таким, как описывал его Иоанн. Тогда тот поспешил написать икону Кирилла и подарил ее Челмогорскому монастырю. Между прочим, тот же священник Иоанн написал житие Кирилла Челмогорского, а также составил перечень чудес, совершившихся после его кончины (6, 506).

Конечно же, наиболее почиталась память Кирилла Челмогорского на Каргопольской земле, где стояла основанная им Кирилло- Челмогорская пустынь. По новому стилю день памяти его приходится на 21 декабря.

XV ВЕК

ятнадцатое столетие замечательно тем, что в этот период возник такой известный не только в Архангельской области, но и за ее пределами монастырь, как Соловецкий. Основателями его стали монахи Савватий и Герман. Впоследствии выдающуюся роль в истории этого монастыря сыграл еще один инок- Зосима. Поэтому на наиболее распространенных иконах Соловецких святых обычно изображаются вместе Преподобные Зосима и Савватий. Один- как основатель Соловецкой обители. Другой- как человек, при котором и благодаря трудам которого она из малонаселенного маленького монастырька стала известным на Севере монастырем с немалым числом братии.

Среди церковных подвижников этого времени особо следует отметить также монаха Кирилло- Белозерской обители Александра Ошевенского, который перенес традиции этого монастыря на Архангельскую землю. Как отмечает архимандрит Никодим, « свет иноческой жизни был преимущественно распространен по Архангельской епархии» именно учениками Александра Ошевенского (2, 79). Это- время продолжающейся монастырской колонизации земель Архангельской области, результатом которого стало появление на ее территории ряда мужских обителей- Николо-Корельской, Ошевенской, Шенкурской Иоанно- Богословской.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕВФИМИЙ КОРЕЛЬСКИЙ. ПРАВЕДНЫЕ АНТОНИЙ И ФЕЛИКС КОРЕЛЬСКИЕ.

Биография Евфимия Корельского (по современному правописанию- Карельского) известна в немногих чертах. Он поселился «на корельском берегу, недалеко от Белого моря, около 1410 г.»(2, 127), где построил храм в честь наиболее почитаемого в России святого- Николая Чудотворца, а также несколько келий, где поселились монахи.

В те времена местность, где он поселился, считалась полудикой, языческой. Как пишет архимандрит Никодим, « в приморском прибрежии, между русскими колониями, жили тогда 5 видов финского племени, или, как называли их новгородцы, «корельских детей». Эти корелы и лопари имели в поморье свои вотчины…Какова была вера их- об этом вот что говорит старинная соловецкая повесть: «древле быша сии родове, яко зверие дивии,…отнюдь Бога истинного ни знати, ни разумети хотяху, но имже кто когда чрево насытит, тогда оно и бога си поставляше. Аще иногда каменем зверя убивает, тогда камень почитает, и аще палицею поразит ловимое, палицу

благотворит...» (2, 129). В связи с этим архимандрит Никодим не может ни заметить –«вот с какими людьми довелось жить Преподобному Евфимию! Подвижник Божий, по своей любви к людям и к истине Небесной, просвещал заблудших и словом, и жизнию своею»(2, 129). То есть пытался научить их истинам Православной веры и неотделимым от них нравственным заповедям. Безусловно, ведущую роль в этом играл его собственный пример.

Однако маленький монастырек, основанный им, существовал недолго. «В 1419 г. норвежцы напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили несколько иноков»(2, 127). Казалось бы, уже не суждено было возродиться маленькой Никольской обители. Однако случилось иначе. К судьбе созданного Евфимием монастыря оказалось причастным одно из интереснейших и ярчайших лиц в истории России- знаменитая Марфа Борецкая. Или- Марфа-Посадница, как обычно величали ее и историки, и писатели (а Марфа-Посадница является действующим лицом около 15 литературных произведений, написанных в разные времена (7, 95).

«О Марфе сохранилась память, как о женщине властной, своенравной и решительной»(7, 28). Вдобавок- жестокой. Горько приходилось тому, кто смел в чем- то ей перечить. Например, новгородский боярин Мирославский, «решившийся вести тяжбу с боярыней Марфой», угодил за это в тюрьму (7, 28). Разумеется, немалую роль в том почете и влиянии, которыми пользовалась в Новгороде Марфа, играло ее богатство.

Марфе- посаднице и ее роду принадлежали в наших краях огромные земельные территории. И вот, как повествует житие Евфимия Корельского, два сына Марфы (от первого брака- впоследствии она овдовела и вышла замуж за посадника Исаака Борецкого)- Антоний и Феликс, отправились осматривать свои обширные владения. Путешествие их завершилось трагически- они «утонули в устье Двины и были погребены в обители»(7, 20). Произошло это незадолго до нападения норвежских разбойников на Никольский монастырь, в 1418 году. Архимандрит Никодим замечает, что погибшие сыновья Марфы «окончили земное течение свое (т.е. жизнь- авт.) людьми молодыми»(2, 128). Один из них -Феликс, «при жизни своей был известен благотворительностью- он передал Михайло- Архангельскому монастырю, что в устье Северной Двины, земли с тонями на морском берегу»(7, 20).

Когда Марфа узнала о гибели своих детей, горю ее не было предела. «Согласно одной из легенд, она приказала сжечь несколько деревень в Золотицкой волости, заподозрив их жителей в умышленном убийстве ее сыновей»(7, 28). Но когда гнев ее улегся, и стала окончательно понятной непоправимость утраты, Марфа решила позаботиться о том, чтобы не ушла в небытие память об ее погибших сыновьях. Чтобы всегда были люди, которые бы могли молиться о них Богу. Именно поэтому она « пожертвовала значительные средства для возобновления церкви и келий и просила молиться в монастыре о своих скончавшихся сыновьях»(7, 20). Причем в тексте дарственной грамоты на земельные владения, которую дала Марфа Николо-

Корельскому монастырю, содержится ее желание- «поставить храм Святителя Николая в Корельском, над гробами детей моих, Антония и Феликса»(2, 128) Несмотря на свою властность и жестокость, в этом завещании Марфа видится, как любящая и безутешная мать, чье горе понятно спустя века и нам.

Преподобный Евфимий Корельский, праведные Антоний и Феликс Корельские. Современная икона

Память об Антонии и Феликсе пережила их на долгие века. Она жива и теперь. Ведь и основатель Николо- Корельского монастыря- Евфимий (скончавшийся в 1435 году), и они- под именем праведных (или- преподобных) Антония и Феликса Корельских- «были внесены в хронологический список всех Русских святых, почитаемых Русской Православной Церковью»(7, 12). Память их почитается 1 мая по новому стилю.

Мало того. Впоследствии на том месте, где Преподобным Евфимием был основан Николо- Корельский монастырь, возник город. Названный Северодвинском. В 1998 году праздновалось шестидесятилетие его основания. При этом у стен Николо- Корельского монастыря (закрытого в двадцатые годы и не возобновленного в наше время) был отслужен молебен тем, кто оказался «невольными основателями города Северодвинска» (7, 7)- Евфимию, Антонию и Феликсу Корельским. Поэтому они являются и небесными покровителями этого города.

Возрождение памяти о Преподобном Евфимии и праведных Антонии и Феликсе Корельских в настоящее время произошло благодаря деятельности местного краеведа, А.И. Климова. К 60- летию Северодвинска им (в соавторстве с П.В. Лизуновым) была написана и издана книга «Небесные покровители города», где содержится собиравшаяся им в течение нескольких лет информация об этих святых. Там же можно найти и их современную икону, находящуюся в Воскресенском храме о. Ягры г. Северодвинска.

ПРЕПОДОБНЫЕ САВВАТИЙ И ГЕРМАН СОЛОВЕЦКИЕ

Соловки... При этом слове перед глазами того, кто хоть раз побывал на Соловецких островах, или кто знаком с теми местами лишь по фотографиям и книгам, встают величественные стены Соловецкого кремля, за которыми высится не менее величественный главный храм этой обители- Преображенский. Соловки стали своеобразной эмблемой Архангельской земли, местом, где стремятся побывать, попав в наши края, и паломники, и туристы, и просто любители «родной старины». Разумеется, при посещении Соловков вспоминают они и имена тех церковных подвижников, благодаря которым появился этот монастырь- преподобных Савватия, Германа и Зосимы, Соловецких чудотворцев.

Савватий был первым монахом, поселившимся на Соловках. К этому времени он был уже весьма немолодым человеком и имел обширный опыт монашеской жизни. Сперва он жил в знаменитой Вологодской Кирилло-Белозерской обители, где, по свидетельству его жития, « работая Господу день и ночь, умерщвлял тело свое постом, трудами и совершенным послушанием игумену и братии» (8, 3). Стало быть, считался образцовым монахом, за что вполне заслуженно пользовался уважением со стороны братии.

Собор Соловецких чудотворцев. Хромолитография 20 века. Слева направо- митрополит Московский Филипп, Преподобные Елеазар Анзерский, Зосима, Савватий, Иринарх, Герман Соловецкие

Однако, Савватий, не желая славы от людей, стремясь к более суровому подвижничеству, с благословения настоятеля покинул Кирилло- Белозерскую обитель. Путь его лежал на Ладожское озеро, где на острове стоял основанный, по преданию, еще в конце 9 века Валаамский Преображенский монастырь, где «иноки вели жизнь самую строгую» (8, 4). Здесь он прожил некоторое время. Однако, как повествует житие, и здесь « не избежал он славы и уважения братии»(8, 4). Поэтому Савватий стал думать о том, где бы найти ему уединенное, безлюдное место, где бы уже не смогли потревожить его почет и уважение от людей.

Кто рассказал Савватию про необитаемый Соловецкий остров, до которого можно добраться спустя двое суток плавания по Белому морю- неизвестно. Но он решил отправиться туда. А так как валаамский настоятель и братия не хотели отпустить его, Савватий покинул Валаам тайно.

И вот он уже дошел до побережья Белого моря. Местные жители охотно рассказали ему о Соловецком острове. От них Савватий узнал, что на острове том есть и пресная вода, и леса, и озера, где водится рыба. А самое главное- то, что остров этот необитаем. Только иногда к нему приставали местные рыбаки. Но поселиться там никто не отваживался. Потому что добраться дотуда даже в тихую погоду, когда море спокойно, было нелегко, и путь занимал два дня. А зимой сообщение с Соловками прерывалось совершенно. И впрямь, с учетом всего этого, кто бы решился жить на Соловецком острове постоянно?

Однако, узнав, что Савватий хочет именно на нем и поселиться, люди приходили в изумление. В самом деле, уж не шутит ли этот старик? Неужели он думает, что сможет жить один на необитаемом острове? Неужели он считает, что выдержит такие лишения, которые и молодому- то не под силу?

Но Савватий был непреклонен. Он надеялся, что с Божией помощью вынесет все. И это заставляло местных жителей невольно уважать нездешнего старика- монаха.

Вскоре Савватий нашел человека, пожелавшего разделить с ним пустынную жизнь на острове среди моря. Человеком этим был инок Герман, живший при часовне на реке Выге. Родом он был из Тотьмы. Грамоте не учился, но « ум и сердце его без школы и книг были воспитаны в строгих правилах христианской нравственности и благочестия» (1, 34). Герман уже успел побывать на Соловецком острове вместе с местными рыбаками. Поэтому он подтвердил Савватию все то, что тот уже слышал от местных жителей об этом острове. И вот, приготовив лодку, а также кое- какие съестные припасы и вещи, которые могли им пригодиться на необитаемом острове, Савватий и Герман отправились в плавание по Белому морю. Путь их лежал на Соловецкий остров. Было это в 1429 году (8, 5).

Путешествие их прошло удачно. Погода была ясной, а море- спокойным. Высадившись на берег, они нашли живописное место, где решили поселиться. Поставили там крест, а также небольшую келью и «начали жить о Господе, в непрестанных трудах, молитве и пении псалмов»(8, 5). Так было положено начало Соловецкому монастырю.

Однако, местным жителям- корелам отчего- то пришлось не по нраву, что на необитаемом острове вдруг кто- то поселился. Тем более- монахи. « Мы прямые наследники этого острова и имеем неоспоримое право владеть им» (8, 6) - заявили они. При этом было забыто то, что раньше они же находили этот самый остров непригодным для жилья… Один местный рыбак вдруг ни с того, ни с сего загорелся желанием жить на Соловецком острове и вместе с семьей перебрался туда. В связи с тем, что поселился он поблизости от монахов- пустынников, было очевидно- кто- то должен покинуть эти края навсегда.

Известна поговорка: «человек предполагает, а Бог располагает». Именно так и случилось в это время на Соловецком острове. Рыбак надеялся, что монахи не выдержат соседства с его семейством, и уйдут. А покинуть Соловки все- таки пришлось не монахам, а самому рыбаку и его семье. Вот как и почему это произошло.

Как- то в воскресный день, после молитвы, Савватий вышел, чтобы покадить (окурить ладаном из специального приспособления для этой цели- кадила или ручной кадильницы- «кацеи») крест, который они поставили, когда поселились на острове. Вдруг он услышал крик и плач женщины. Савватий счел это за наваждение. А Герман все- таки пошел на шум и увидел рыдающую женщину. Незнакомка оказалась женой рыбака. Сквозь слезы она рассказала монаху о том, что произошло с нею. «Когда я шла на озеро к своему мужу, встретили меня два светлых юноши. Схватив меня, они били меня прутьями, говоря : « уходите с этого места. Вам нельзя здесь жить. Потому что волею Божией оно предназначено для проживания иноков». После этого они сделались невидимы»(1, 20).

В память об этом чуде гора посреди Соловецкого острова получила название « Секирной». Так зовется она и поныне.

Узнав о происшедшем, Савватий вместе с Германом благодарили Бога. А рыбак, поспешно забрав семью, навсегда покинул Соловецкий остров. После этого никто из местных жителей уже не смел мешать монахам.

Савватий и Герман вместе прожили на Соловецком острове несколько лет. Затем Герман «отплыл на реку Онегу для приобретения жизненных потребностей»(1, 21). То есть - за провизией. Савватий остался в полном одиночестве…

В конце сентября 1435 года он почувствовал приближение смерти. Умирать он не боялся, но хотел приготовиться к смерти по- христиански- исповедаться и причаститься Св. Таин. Поэтому Савватий решил покинуть Соловецкий остров. Один, в небольшой лодке, он пустился в плавание по морю, и спустя двое суток был на Выге, у той самой часовни, при которой он встретил инока Германа. Как раз в это время там находился игумен Нафанаил, « прибывший для посещения православных христиан»(1, 21). Савватий обратился к нему с просьбой : «Прошу тебя, отец, отыми грехи, которые исповедую тебе, и сподоби меня причащения Св. Таин». Нафанаил отвечал : «Бог простит тебя, брат ,- и, помолчав в удивлении, со слезами произнес .-О, если бы я имел твои грехи, преподобный»!(1, 21). Савватий просил

Нафанаила причастить его, как можно скорее, хотя тот и предлагал ему подождать до утра. Ему предстояло еще отправиться в соседнее место, чтобы причастить больного. Но Савватий, предчувствуя, что он может умереть раньше, чем тот вернется, от больного, упрашивал его причастить его поскорее.

В конце концов игумен исполнил просьбу пустынника, а потом отправился к больному. Савватий « долго и усердно молился, благодаря Бога за причащение и за все милости Его, а потом, войдя в келью, стал приготовляться к отшествию из этой жизни»(1, 22).

Последним человеком, который видел святого Саввватия живым, стал новгородский купец Иоанн, оказавшийся в этих местах по своим торговым делам. «Он, вступив в беседу с купцом, поучал его нищелюбию, милосердию и другим добрым делам»(1, 22). От подарков, которые предлагал ему купец, старец отказался, и предложил Иоанну побыть на Выге до утра., чтобы « увидеть милость Божию». Купец хотел было поскорее отправиться в путь. Но вдруг на море поднялась буря. Поневоле он остался. Наутро, придя к Савватию за благословением, Иоанн нашел его мертвым. Было это 27 сентября 1435 г. Этот день- 10 октября по новому стилю, является днем церковной памяти Савватия Соловецкого.

Как раз в это время вернулся от больного и игумен Нафанаил. Вместе с Иоанном они приготовили тело Савватия к погребению. «Оба они- Нафанаил и Иоанн, с удивлением припоминали, как один преподал ему Св. Тайны, и как другой был удостоен слышать предсмертные наставления преподобного»(1, 22). Поэтому к печали о смерти пустынника Савватия примешивалась радость о том, что они успели увидать настоящего подвижника, услышать его поучения, хоть немного, да побыть рядом с ним. Вдвоем они похоронили Савватия.

С именем пустынника Савватия по справедливости связывают начало монашеской жизни «во отоце окиана- моря», на Соловецких островах. Позднее туда приходили новые насельники. И в наши времена тоже приходят. Но самым первым соловецким монахом был именно тот, про кого мы только что рассказали- преподобный Савватий.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА СОЛОВЕЦКИЙ

Казалось бы, со смертью Савватия жизнь иноков на Соловецком острове прекратилась навсегда. Однако, монашеская жизнь на Соловках не угасла. Напротив, даже расцвела. И пустынный скит на безлюдном острове со временем стал большим и славным монастырем, имя которого сделалась известным всей России, привлекая туда множество паломников со всех ее концов. Произошло это благодаря другому монаху. О нем- то и пойдет сейчас речь. Звали его- Зосима. Позднее в православных святцах он стал именоваться, как Преподобный Зосима Соловецкий.

Родиной Зосимы было село Толвуй на берегу Онежского озера (в те времена эти земли относились к области Великого Новгорода). Родители его, Гавриил и Варвара, были простыми крестьянами. Сына своего они «воспитали в благочестии и добрых нравах»(1, 24). Позаботились и о том, чтобы он знал грамоту. Это позволило будущему соловецкому подвижнику читать доступные ему книги духовного содержания. Наверняка имелись среди них и жития святых. Знакомясь с житиями древних монахов- пустынников, впечатлительный, задумчивый подросток не мог не мечтать о таких же подвигах, какие совершали герои патериков (сборников повестей о жизни древних святых, а также их изречений).

Знакомство с духовной литературой повлияло и на выбор жизненного пути, сделанный Зосимой. Он, « по достижении совершеннолетия не хотел вступить в брак, ушел из родительского дома, надел черное платье и поселился в одном пустынном месте»(1, 24). Стало быть, начал вести монашескую жизнь. Его житие сообщает, что это пустынное место было «близ его дома» (8, 12). Судя по этому, Зосима стремился подражать жизни египетского подвижника 4 века, преподобного Антония Великого. Первоначально, до своего ухода в пустыню, этот святой тоже жил в одиночестве недалеко от родного села, готовясь к более суровой жизни вдали от людей.

Однако Зосима чувствовал, что ему не хватает опытного духовного руководителя, «который бы собственным примером показал, чему должен научиться юноша, желающий жить добродетельно»(8, 12). Таким человеком оказался для него уже знакомый нам по рассказу о Преподобном Савватие его сподвижник Герман. Безусловно, Герман много рассказывал юноше о жизни Саваатия на Соловецком острове. Рассказы эти запали в душу Зосиме. Его желание подвигов, борьбы со страстями и силами тьмы осуществлялось. Он «пожелал быть наследником преподобного Савватия и просил Германа указать ему этот пустынный остров и наставить в жизни монашеской» (1, 25). Герман согласился. И, как некогда с Савватием, так теперь с юным Зосимой, Герман снова отправился морем на Соловки. Прибыв туда, пустынножители поставили шалаш и совершили в нем всенощную.

Наутро, когда Зосима проснулся, «он увидел яркий луч света и ужаснулся, видя такое необыкновенное явление. Устремив взгляд к востоку, он увидел обширную и прекрасную церковь»(8, 13). Изумленный Зосима рассказал Герману о своем видении. «Не ужасайся, мой возлюбленный, и поверь, что через тебя, я думаю, Господь хочет собрать здесь множество монахов» (8, 13)- так истолковал Герман то, что увидел Зосима. При этом он рассказал ему о том, как ангелы заставили удалиться с острова семью рыбака. Мы помним, что Герман был непосредственным очевидцем этого чуда.

Впоследствии то, о чем предсказал Зосиме Герман, действительно сбылось. И, посещая сейчас Соловки, стоит вспомнить о том, что начинался этот величественный монастырь с небольшого шалаша да деревянного креста, что поставили на необитаемом Соловецком острове Савватий и Герман. А

также не забудем и о том, что «пустынники должны были перенести много испытаний, прежде чем увидели свою обитель населенною иноками»(1, 25). То, о чем так поэтически пишется в книгах, на деле связано с трудностями и лишениями. И перенести их не каждому под силу.

Трудности и лишения пришлось сполна изведать и Зосиме. Причем они оказались сопряжены даже с опасностью для его жизни. Как мы помним, связь пустынников с материком поддерживал Герман. Он периодически отправлялся туда за припасами. Однажды из-за осенней непогоды он не успел вовремя вернуться обратно. В результате Зосиме пришлось остаться на необитаемом острове на много месяцев совершенно одному. Представить себе то, что пришлось ему пережить, современному человеку вряд ли возможно. Некоторая аналогия может быть проведена разве что с описаниями переживаний людей, изведавших одиночное заключение. Одно из таких описаний принадлежит замечательному историку 20-х годов XX в., автору интереснейшей книги об узниках Алексеевского равелина, П.Е. Щеголеву, который сделал его на основе собственного опыта. Вот оно-« в мертвящей тишине одиночного заключения создаются зыбкие психологические фантомы. Чувство действительности становится неверным, мечты сливаются с действительностью, между тем и другим теряются различия» (73, 201). Однако то, что атеист П. Щеголев называл « мечтами» и « психологическими фантомами», для верующих людей всех времен являлось и является одушевленной, грозной, глубоко враждебной христианину демонической силой. Из житийной литературы известно ,с какой яростью эта сила преследовала монахов, особенно пустынников. Пыталась внушить им ужас, желание бежать « в мир». А то и доводила их до отчаяния и самоубийства. Поэтому жизнь преподобного Зосимы в одиночестве, на необитаемом острове, была намного страшней, чем может себе представить атеист. Ведь бороться ему пришлось не с « психологическими фантомами», а с бесами... Вдобавок, съестных припасов у него оставалось мало... Трудно сказать, смог бы он перенести осень и зиму, если бы не его пламенная вера и желание преодолеть все испытания во что бы то ни стало... Особенно тяжело пришлось ему зимой, когда запасы еды кончились...От голодной смерти Зосима был спасен только чудом. Однажды к нему явились «два незнакомца и вручили ему запас хлеба, муки и масла, говоря: «возьми, отец, и употребляй, а мы, если Господь повелит, придем к тебе»»(1, 26). После этого неведомые гости исчезли. Зосима понял, что это были ангелы. Ведь ни один человек в эту пору не смог бы добраться до него. Благодаря запасу пищи, который они принесли ему, Зосима смог пережить зиму.

По весне Герман вернулся. Причем не один, а с рыбаком Марком, который остался на Соловках в качестве послушника. Постепенно монастырь разрастался, туда приходили все новые и новые обитатели. «Приплывая на остров, они строили себе кельи подле келий Зосимы и Германа и снискивали

пропитание трудами рук своих»(1, 26- 27). На месте, где Зосима видел чудесный храм, появилась деревянная церковь в честь Праздника Преображения Господня. От нее и получил свое название Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь.

Игуменом нового монастыря стал Зосима. Правда, не сразу. Сперва новгородский архиепископ Иона назначил на эту должность иеромонаха Павла. Но тот не вынес трудностей жизни на Соловках и покинул монастырь. То же произошло и с его преемниками- Феодосием и Ионой... Тогда по просьбе братии архиепископ сделал настоятелем Соловецкого монастыря Зосиму. Побывав в Новгороде, получив от тамошних жителей пожертвования в виде денег, сосудов, одежд, съестных припасов, он вернулся в свой монастырь.

Под его руководством обитель продолжала строиться. Мало того. С Выга на Соловки были перенесены мощи Преподобного Савватия. При этом торжественном событии присутствовал купец Иоанн. Тот самый, которому перед смертью давал Савватий последние наставления. «Купец Иоанн, бывший при погребении Савватия, и с братом своим Феодором, имея к нему особенную любовь, написал образ преподобного и с щедрым подаянием вручил его игумену Зосиме»(1, 29). Вот так Савватий снова оказался на Соловках, хотя бы уже после смерти своей...

Позднее Зосиме еще раз пришлось побывать в Новгороде. Причем встретиться там со знаменитой вдовой посадника Исаака Борецкого- гордой и могущественной Марфой, вошедшей в историю, как « Марфа- посадница». Она уже знакома нам по рассказу об Евфимии, Антонии и Феликсе Корельских. В это время Марфа была на высоте своей власти. «Считают, что по величине собственности Марфа Борецкая была третьей после новгородского владыки и монастырей. Марфе Борецкой принадлежали около 1200 крестьянских хозяйств»(7, 34). У нее были сыновья от второго брака. «В самом Новгороде в Неревском конце на Волховском берегу находился большой двор с « чудным домом» Борецких» (7, 35).И вот к этой гордой, сказочно богатой боярыне, вынужден был отправиться игумен тогда еще небольшого и бедного Соловецкого монастыря- Зосима. Отправиться, как смиренный проситель.

Причиной его путешествия в Новгород стало то, что « многие из боярских поселенцев, вельможных слуг и прибрежных жителей, совершенно завладев рыбными ловлями в озерах, запрещали ловить рыбу на продовольствие обители, а преподобного Зосиму и всю братию оскорбляли и поносили, хвалясь даже разогнать их»(8, 20). Особенно часто притесняли монахов люди Марфы Борецкой. Зосима уговорил многих влиятельных новгородцев «не допустить обители до разорения». Они, а также архиепископ Феофил, обещали помочь монастырю, и дали игумену Зосиме много пожертвований. Лишь одна Марфа- посадница не изволила выслушать Зосиму, велев своим слугам прогнать его со двора, как последнего нищего. Тогда Зосима сказал ученикам : «настанет время, когда жители этого дома не будут ходить по своему двору, двери дома затворятся и уже не отворятся: этот двор опустеет»(1, 30). Все- таки в конце концов своенравная женщина сменила

гнев на милость и «дала монастырю во владение землю, утвердив это пожертвование грамотой» (1, 31). Этого мало. Она даже пригласила Зосиму к себе в дом на обед. Гостя посадили на почетном месте, старались угостить, чем повкуснее. Но, к ужасу Зосимы, он увидел, что шестеро из главнейших новгородских бояр, которые так беззаботно пировали у Марфы, сидели без голов. Поэтому, как ни старалась посадница попотчевать гостя от души, тот отказался от ее угощений. Слишком страшным было то, что он увидел на развеселом пиру новгородской знати…

Впоследствии это видение Зосимы сбылось. В 1477 г. великий князь Василий Третий покорил вольный Новгород. И шестеро бояр, которых соловецкий игумен увидел без голов, действительно, сложили свои головы на плахе. Запустел и двор Марфы Борецкой. Сама она из всесильной и гордой посадницы превратилась в несчастную, сломленную горем женщину. Жертвами борьбы за власть между Новгородом и Москвой стали два ее сына. А сама Марфа вместе с маленьким внуком Василием в начале 1478 г. была арестована и отправлена в ссылку, далеко от родного дома. Сперва « в Москву, а затем в Нижний Новгород. Там она была пострижена под именем Марии в Зачатейном монастыре, где, вероятно, вскоре и умерла»(7, 57). Лишь в памяти людей да в книгах по истории и поныне хранится память об ее яркой и горестной судьбе…

17 апреля 1478 г., в глубокой старости, преподобный Зосима скончался. К смерти он приготовился заранее, как делали это многие благочестие люди того времени. Сам приготовил себе могилу и сделал гроб. Преемником себе назначил монаха Арсения. Простился с безутешной братией, завещав не отступать от монастырского устава.. А также дал такое обетование: «вы узнаете, что я обрел благодать пред Богом, когда, по моем отшествии, обитель распространится, соберется много братии, это место процветет духовно, и в телесных потребностях не будет иметь скудости»(1, 32). После этого, с молитвой на устах, Зосима умер.

Похоронен он был за алтарем Преображенского собора. Вскоре от его могилы стали совершаться чудеса.

Преподобный Герман пережил Зосиму. Во время игуменства Арсения он отправился по делам монастыря в Новгород, и, добравшись до монастыря, основанного Преподобным Антонием Римлянином, умер. Ученики не сумели довезти его тело до Соловецкой обители. Поэтому похоронили Германа у часовни деревни Хавроньиной на берегу реки Свирь. Уже при новом настоятеле, игумене Исайе, были обретены его мощи, оказавшиеся нетленными, и перевезены на Соловки.

В 1547 году преподобные Зосима и Савватий были причислены к лику святых. Позднее, в 1692 году, стали праздновать и память их сподвижника, преподобного Германа. По новому стилю преподобному Савватию празднуют 10 октября, Зосиме- 30 апреля, а Герману- 12 августа. Днем же памяти всех Соловецких святых считается 22 августа.

Наиболее часто на иконах Преподобных Зосиму и Савватия изображают вместе. Хотя два этих подвижника никогда не встречались друг с другом, их объединяет то, что их трудами был основан Соловецкий монастырь. Савватий положил ему начало, поселившись на Соловецком острове. А благодаря первому его настоятелю- Зосиме, обитель разрослась, наполнилась братией, постепенно став теми самими Соловками, которыми на протяжении многих веков восхищались люди, хоть раз побывавшие в тех местах.

Иногда на иконах Преподобный Зосима изображается среди пчелиных ульев. Связано это с тем, что в народе он почитался, как «покровитель пчеловодства и хранитель пчел»(9, 165). В день его памяти- 30 апреля по новому стилю, пчел вывозили на пасеки. Там, помолясь Зосиме и Савватию, «обходили вокруг пасеки с зажженной свечой, кропили ее освященной водою»(9, 165). Вот с чем связано появление ульев на иконах Преподобных Зосимы и Савватия.

В дореволюционные времена мощи Преподобных Зосимы и Савватия в серебряных гробницах находились в главном храме монастыря- Преображенском. А мощи преподобного Германа- под спудом в храме его имени. Там они находились до 1920 года, который стал роковым для большинства мужских и женских монастырей Архангельской губернии. Только в 1992 году, после более чем семи десятилетий запустения Соловецкого монастыря, они снова вернулись в стены возрожденной обители. Теперь уже они вместе почивают в одной раке в Благовещенском храме этого монастыря.

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРЛААМ ШЕНКУРСКИЙ

Преподобный Варлаам Шенкурский (или Важский) считается небесным покровителем города Шенкурска и его окрестностей. Судьба этого человека достаточно необычна. Ведь он был из тех людей, кому, по выражению поэта, «есть в мире что забыть». До того, как принять монашество, он прожил долгую и весьма необычную жизнь. Постриг, пожалуй, был закономерным ее финалом.

В своей светской жизни он принадлежал, что называется, к « сильным мира сего». Архимандрит Никодим Кононов, начиная рассказ о Варлааме Шенкурском, говорит о нем так : «в мире он был лицом весьма значительным. Он- новгородский посадник Василий Степанович Своеземцев, был весьма богат и уважаем великими московскими князьями. Один древний историк писал о нем : «посадник Василий по наследству владел Заволочьем. Река Вага со всеми ее окрестностями была в его владении» (2, 130). «По другим сведениям, дед Василия Степановича, Василий Матвеевич Своеземцев, новгородский посадник, ...приобрел у чудских старшин земли Шенкурские до Ростовских границ» (10, 418).

Итак, Василий Своеземцев, новгородский посадник, богатый человек, владелец обширных земельных угодий, глава счастливого семейства, дом которого был, что называется, «полной чашей»...Казалось, чего еще мог он желать? О чем, кроме удовольствий да умножения своего, и без того, несметного богатства, оставалось ему заботиться? Но, как видно, этот человек был несколько иного склада характера. И думал не только о себе, но и тех, кто жил на его землях. Сознавал себя в ответе за них. Между прочим, « Своеземцевы первые завели на Ваге хлебопашество»(2, 130). До того времени местные жители, большинство которых составляла уже знакомая нам по житию Кирилла Челмогорского, полудикая чудь, жили только за счет охоты и рыболовства. «Василий Степанович более, чем отец и дед, употреблял огромные средства свои для пользы этой дикой страны, особенно для нравственного развития ее жителей» (2, 131)- так пишет об его деятельности на подвластных ему землях архимандрит Никодим.

Почему он это делал? Какой интерес был ему до совершенно незнакомых и чуждых ему людей? Все эти вопросы вполне могут родиться у современного человека, который четко различает «проблемы свои» и «проблемы чужие», до которых ему дела нет. Ответ прост. Прежде всего, как глубоко верующий человек, Василий Своеземцев считал себя ответственным за судьбы и духовно- нравственное состояние подвластного ему населения. Он был убежден, что за них он ответит пред Богом. С этим связано то, что даже в Новгороде он « начальствовал честно и ненавидел все худое». Принимал в дом странников, оказывал помощь бедным и больным (10, 418). Что же говорить о тех землях, где он являлся полновластным хозяином? Кроме того- он просто любил Важские края за их красоту. Видимо, там он, что называется, «отдыхал душой» от хлопот и забот, с которыми была связана его деятельность посадника. Иначе невозможно объяснить, почему он так часто и охотно бывал на Ваге сам, несмотря на то, что управление краем осуществляли его доверенные люди.

«В Заволочье, над рекой Вагой Василий поставил городок и назвал его «Пинежским городком», как поставленный над рекой Пинежской» (10, 418). Помимо этого, на его средства было построено много храмов. А в 1444 г. Василий Степанович основал на Ваге мужской монастырь в честь Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. «Обители своей он дал много земель, утвердив свои пожертвования грамотами» (10, 419).

Спустя несколько лет, когда « Василий Иванович собственным опытом уверился, что дела мира- только тревоги и пустота» (10, 418), он навсегда покинул Новгород. За этими словами жития скрывается реальная причина его отъезда из родного города. Он «был вынужден со своим семейством бежать из Новгорода, спасаясь от преследований Марфы Борецкой»(7, 28). Стало быть, благодаря политическим интригам навсегда оказался не у дел. Свергнутый посадник на своем опыте изведал переменчивость земных счастья, власти и славы. Поэтому решил остаток дней посвятить Богу. Он поселился в том самом Иоанно- Богословском монастыре, который основал на Ваге. Здесь принял монашество с именем Варлаама. В житии его

упоминается о том, что монах Варлаам отличался необычайной скромностью, так что в этом смиренном иноке нельзя было признать могущественного и богатого посадника. 19 июня 1462 г., будучи уже весьма немолодым, Варлаам скончался. Перед смертью он « завещал кормить в монастыре бедных и раздавать хлеб» (10, 419). Это оказалось последним добрым делом, которое успел он совершить, живя на земле... Похоронили Варлаама на братском монастырском кладбище

В 1552 г. во время разлива Ваги часть этого кладбища оказалась размыта водой, так что показались из- под земли гробы похороненных давным- давно монахов. Конечно, тела их к этому времени истлели. Только останки Варлаама выглядели так, как будто он был похоронен только что. И иноческая одежда на нем, и даже его гроб оказались целехоньки.

После обретения мощей преподобного Варлаама от гроба его стали совершаться чудеса. Поэтому иноки поместили их под спудом в монастырском храме в честь Апостола Иоанна Богослова .В 1589 году, на основании памятных записей о жизни преподобного Варлаама, которые хранились в Иоанно- Богословском монастыре, инок Сийской обители Иона написал его житие. В 1613 году «было установлено празднование преподобному Варлааму» (10, 419). Память его совершается в день его кончины -2 июля по новому стилю.

ПРАВЕДНЫЙ ГЕОРГИЙ ШЕНКУРСКИЙ

Рассказ о Георгии Шенкурском можно найти в « Архангельском Патерике» архимандрита Никодима (Кононова). Он был коренным северянином, уроженцем «деревушки Яруполи, принадлежавшей к Велико-Николаевскому приходу, что близ города Шенкурска»(2, 135). Родители его были простыми крестьянами и носили фамилию Будиловых. Когда родители Георгия умерли, он принял на себя подвиг юродства, в котором провел всю свою жизнь.

Современный человек, особенно ведущий нерелигиозный образ жизни, обычно не делает различия между юродством и сумасшествием. И, когда речь идет о юродивых, то ему вспомнится разве что оборванный, жалкий с виду человек в рубище с картины В. Сурикова « Боярыня Морозова».

Безусловно, среди юродивых бывали и люди с больной психикой. Однако, далеко не всегда. И юродство не всегда тождественно потере рассудка. Известны случаи, когда юродивых подвергали медицинскому освидетельствованию. Так произошло, например, с жившей в 18 веке в Петербурге вдовой полковника и придворного певчего Ксенией, которая после смерти мужа стала юродствовать- ходила по городу в мужской одежде, называя себя именем своего покойного супруга. Вопреки тем, кто видел в Ксении женщину, от горя потерявшую рассудок, «обследование заключило, что она совершенно здорова»(11, 110). Таким образом, странное поведение этой женщины (в 1988 г. она была причислена к лику святых под именем

Блаженной Ксении Петербургской) было не безумием, а чем- то иным. Это « иное»- добровольный отказ ради служения Богу от не только от удовольствий, от собственности, но даже от собственного разума и есть юродство. Хотя внешне, в поведении своем, юродивые действительно напоминали сумасшедших. Лишь глаз духовно опытного человека мог разглядеть под маской безумца- подвижника, «человека Божия». Юродство зародилось на Востоке, и одним из первых юродивых был Симеон, сириец по происхождению, живший в 6 веке. Юродивым он стал только после длительной (в течение 29 лет) монашеской жизни в пустыне. Причину своего юродства он объяснил так –« одетый силой Христовой, пойду, чтобы смеяться над миром» (12, 66). Может быть, это станет более понятным, если вспомнить, что, по мнению философа 19 века С. Кьеркегора, «не истиной, но путем к ней является ирония» (13, 51). Обличать « безумием мнимым безумие мира», призывать к покаянию во все времена безнаказанно могли только юродивые. И нередко они это делали. Например, юродивый Никола Псковский в 1570 году остановил резню во Пскове, которую за мнимую измену собирался учинить в этом городе Иван Грозный. Как повествует житие, он предложил царю страшное угощение- кусок кровоточащего сырого мяса- «ведь ты, Иванушка, кровь человеческую пьешь!» (14, 246). В результате царь сменил гнев на милость. Между прочим, это бесстрашие юродивых перед « сильными мира сего» прекрасно выразил в своей картине « Боярыня Морозова» в. Суриков. Ведь из всей толпы, взирающей на опальную боярыню- староверку, лишь он один осмеливается осенить ее старообрядческим двуперстным крестным знамением…

Такой же подвиг юродства по доброй воле нес и Георгий Шенкурский. «Нося опоясание на чреслах, он терпеливо переносил и холод, и голод, и почасту для богомыслия уходил надолго в лес. Особенно часто любил он молиться в приходской Никольской церкви, откуда уходил на близлежащие болота. Среди болот был высокий холм, а на нем огромный камень. На этом камне много часов провел блаженный Георгий в своих думах и молитвах» (2, 135).

23 апреля 1462 г., в день своих именин, Георгий скончался. Перед смертью он завещал, чтобы его похоронили среди болота на холме под тем самым камнем, на котором он любил молиться. Когда же его спросили, в чем причина такого его желания, он ответил, что на этом месте впоследствии будет стоять Никольский храм. Действительно, его слова оказались пророческими. Впоследствии, когда вода реки Ваги размыла то место на берегу, где стояла Никольская церковь, ее действительно перенесли туда, где был похоронен юродивый Георгий Шенкурский. На иконах он изображался босым, одетым в рубище, с молитвенно сложенными на груди руками. Память его совершалась в один день с памятью другого шенкурского чудотворца, его современника, преподобного Варлаама. По новому стилю- 2 июля.

ПРАВЕДНЫЕ ЗАХАРИЯ И АФАНАСИЙ ШЕНКУРСКИЕ

Варлаам и Георгий Шенкурские были далеко не единственными святыми, которых почитали жители Шенкурска. В частности, в том же 15 веке « в окрестностях Шенкурска жил праведный иерей (священник) Захария, который был священником в Слободско- Благовещенском приходе», и где впоследствии он и был похоронен. Больше о его судьбе ничего не известно»(2, 136).

Другим небесным покровителем Шенкурска, жившим в том же столетии, был праведный Афанасий Наволоцкий. По рассказу архимандрита Никодима, который он поместил в свой « Архангельский Патерик», Афанасий «пришел на реку Вагу, в Верхоледскую слободку, из каргопольских пределов, и скончался в трех верстах от этой слободки, на пути, в лесу»(2, 136). Тело его некоторое время лежало среди леса не погребенным, пока Афанасий не явился во сне четырем местным жителям, страдавшим различными недугами и не исцелил их. После этого он велел им пойти в лес и похоронить его тело. Благодарные больные не только исполнили желание святого Афанасия, но и построили над его могилой часовню.

Архамандрит Никодим Кононов приблизительно датировал годы жизни Афанасия Наволоцкого 15 веком. В сборнике «Жития Русских святых» (т. 6), изданном в 1993 г. Ново- Голутвиным монастырем, временем его жизни считается период « не позднее 17 века», причем указывается, что до прихода на шенкурскую землю он «основал монастырь в 78 верстах от возникшего после Петрозаводска» (14 , 138).

Память Праведных Захарии и Афанасия праздновалась 31 января по новому стилю.

ПРЕПОДОБНЫЙ АЛЕКСАНДР ОШЕВЕНСКИЙ

Имя Александра Ошевенского имеет особое значение для Архангельской земли. Об этом автор « Архангельского патерика», архимандрит Никодим (Кононов) говорит так: «Для Архангельского края преподобный Александр Ошевенский был в некотором отношении тем же, чем был преподобный Савватий... Учениками его свет иноческой жизни был преимущественно распространен по Архангельской епархии.» (2, 79). В связи с этим необходимо познакомиться с его судьбой и нам.

В миру Александр звался Алексием. Как сообщает его житие, родился он в большой и дружной семье зажиточных крестьян, в 80 верстах от Белозерска. Несмотря на то, что у его родителей- Никифора и Фотинии (или Светланы) Ошевиных было уже четыре сына, им хотелось иметь еще одного. Особенно желал этого Никифор. Поэтому он даже укорял жену, которая никак не могла подарить ему желанного сыночка : «есть в тебе, женщина, какой- то

порок или грех!» (15, 576) Бедной женщине оставалось только просить Божию Матерь о чуде. И вот как- то Фотиния, после слезной молитвы к Матери Божией задремала. Во сне она увидела Богородицу, а также некоего благообразного старца. Божия Матерь сказала ей:

-«Исполнится прошение твое. И ради этого старца, подаст вам Господь дитя именитое (т. е. известное), которое прославит Бога и прославит его Бог. Имя же этому старцу Кирилл»(16, 228).

Через год, 17 марта 1427 года, у Ошевиных родился долгожданный сын, которого они назвали Алексием. Имя это означает « человек Божий». Возможно, выбор имени был связан с тем, что этот сыночек Алешенька был « вымоленным у Бога» ребенком. Таких детей во все времена родители особенно любили.

С детства Алексей отличался необычным для ребенка характером. Шумных игр избегал. Зато любил молиться по ночам. Строго постился по средам и пятницам, а к лакомствам, которые дети обычно очень любят, был совершенно равнодушен. В семь лет его отдали учиться грамоте к местному дьячку. Именно так и учились в те времена крестьянские ребятишки. Помолясь пророку Науму, чтобы «наставил на ум», родители отправляли свое чадо к сельскому грамотею. Грамотеями такими были в ту пору местный дьячок или пожилая женщина, так называемая «мастерица». При этом ребенок нес своему будущему учителю символические дары- шапку (или платок), полтину денег, да горшок каши. А качестве учебников использовались самые распространенные в народе богослужебные книги- Псалтирь (собрание псалмов царя Давида), а также Часослов (сборник богослужебных текстов, так называемых « часов», читающихся перед Богослужением или после него). Разумеется, в обучении большую роль играла зубрежка- заучивание наизусть непонятных слов и текстов. Поэтому редко дело обходилось без розог, которые тогда служили самым мощным стимулом учебного процесса. Это нашло отражение даже в старинных поговорках : «аз- буки- бери указку в руки. Фита- ижица- розга ближится»... В семнадцатом веке родился даже своеобразный гимн розге- « благословенны да будут те леса, что розги растят на детские телеса»...

Однако, Алексий оказался хорошим учеником. Его учитель- дьячок не знал, чему больше удивляться- необычайной одаренности мальчика или его аскетическим наклонностям. Между прочим, мать рассказала сыну о своем видении перед его рождением. А также поведала о том, кто был тот старец, по молитвам которого он родился . То был знаменитый Вологодский чудотворец- Преподобный Кирилл Белозерский. Год его кончины, 1427-й, стал годом рождения Алексия. Между прочим, монастырь, основанный святым Кириллом, стоял в 60 верстах от села, где жила семья Ошевиных. Безусловно, слова матери запали в душу маленькому Алексию.

В 18 лет Алексий решил уйти из родного дома и стать монахом. Правда, от родителей он утаил свое желание. Возможно, боялся, что его отличавшийся горячим нравом отец помешает ему осуществить свое желание. Поэтому родителям Алексий сказал, что просто хочет пойти помолиться в Кирилло-Белозерскую обитель. Взяв с собой немного хлеба и попрощавшись с отцом и матерью, он отправился в путь. Вскоре нашел попутчиков, шедших, как и он, в Кириллов монастырь.

Когда отчий дом скрылся вдали, Алексий не смог сдержать слез. Ведь всегда тяжело покидать родительское гнездо, отправляясь в неведомый и чуждый, а нередко и враждебный мир… Но вскоре печаль юноши сменилась радостью. Ведь он шел к тому, чьими молитвами появился на свет- к святому Кириллу.

Придя в монастырь, Алексий открыл его настоятелю свое желание стать монахом. К его радости, тот позволил ему остаться в монастыре. Разумеется, пока в качестве послушника. Так назывались те, кто собирался стать монахами. Странное прозвание их объяснялось тем, что, как и все обитатели монастыря, они выполняли в нем самые разнообразные работы, которые назывались « послушаниями». Кроме того, безоговорочное подчинение старшим составляло самую высокую добродетель, которую обязан был воспитать в себе каждый будущий монах. По ставшему крылатым в монастырской среде выражению, послушание ценилось « выше поста и молитвы».

Итак, Алексей остался в Кирилловом монастыре послушником. Но он все еще не решался поведать родителям о своем желании быть иноком. Поэтому с одним из своих попутчиков отправил отцу и матери письмо, в котором сообщал, что хочет некоторое время пожить в обители. Впрочем, они без объяснений догадались обо всем.

Надо сказать, что они были отчасти готовы к тому, что сын станет монахом. Поэтому они не стали требовать его возвращения домой. Хотя, конечно, отец не мог сдержать негодования, а мать- слез(15, 584). Но позднее они смирились со случившимся. Через год отец Алексия, Никифор, посетил Кириллову обитель, чтобы повидать сына. Когда он узнал о желании Алексия остаться там навсегда, то охотно разрешил ему это. Видимо, благолепие монастыря и строгая жизнь иноков, где было «много и бояр, и вельмож, и простых людей»(16, 230) произвели на него самое хорошее впечатление (15, 231),. Так что за судьбу своего младшего сына он мог быть спокоен.

Через семь лет житья в монастыре, Алексий принял монашеский постриг с именем Александра. А также был удостоен сана священства. Судя по этому, в обители он был одним из образцовых монахов. Об его жизни в монастыре старинное житие говорит так: «все наложенные на него службы монастырские он исполнял с великим терпением, послушанием и кротостью великой. Ранее всех приходил он в церковь, из церкви же уходил позднее

всех. Поэтому все, видя такие его труды и смирение, почитали его как отца или как ангела Божия»(15, 596). Разумеется, самого Александра этот почет только тяготил. Он считал, что слава и уважение «делают его труды напрасными и лишают загробного блаженства» (15, 596).

Впоследствии, «с благословения своего игумена и при помощи родного отца»(16, 231) иеромонах Александр основал мужской монастырь в честь Праздника Успения в 44 верстах от Каргополя на реке Чуруге. Отец Александра переселился в эти края вскоре после ухода сына в Кириллову обитель, и основал там слободу Ошевневу (15, 592). Между прочим, он- то и посоветовал Александру поставить монастырь близ этой слободы (15, 599).

Вскоре у Успенского монастыря появились благотворители. Или спонсоры, как бы сказали теперь. Новгородская боярыня Анастасия вместе со своим сыном Георгием пожертвовала для нового монастыря земельные угодья, лес и деревню. Она готова была дать на обитель и больше. Но Александр отсоветовал ее от этого-«зачем печалить наследников»? (16, 231) Судя по этому поступку, Александр Ошевенский отличался редкой честностью, и не злоупотребил щедростью этой благочестивой женщины.

Житье в Ошевенском Успенском монастыре первоначально было таким же суровым и полным лишений, как и в других северных обителях при их возникновении. Его не смог вынести даже пришедший вместе с Александром на Чургу опытный монах из Кириллова монастыря, и вернулся назад. А Александр остался. Терпел голод и холод, в одиночку корчевал лес и разрабатывал землю под огороды, «трудился неутомимо, освящая труды молитвами»(16, 231).

Долго ли, коротко ли прожил он один, но постепенно его труды увенчались успехом. К нему стали приходить люди, которые желали поселиться с ним и вести иноческую жизнь. И вот в лесной глуши появились деревянные кельи для новой братии... «Установив общежитие, преподобный ввел строгий чин во всем- в храме не говорить ни с кем, в трапезу приходить в молчании и слушать чтение, в келии не быть без дела, во время работ по послушанию иметь в уме (т.е. мысленно читать) псалом или молитву Иисусову (эта молитва читается так- «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»- чтение ее, по возможности более частое, считается обязательным для монахов)» (16, 231). Таким образом, в основу жизни в Ошевенской обители был положен строгий устав Кирилло- Белозерского монастыря, где начинал иноческую жизнь ее основатель- Александр.

27 лет прожил Преподобный Александр в созданном им монастыре. 20 апреля 1479 г., в возрасте 50 лет, он умер. Сохранилось описание его внешности, сделанное со слов знавших его людей. Судя по их рассказам, Александр «роста был среднего, лицом сух, очи имел веселые, приветливые, бороду небольшую, но весьма густую, и русые волосы» (16, 232). Мощи его хранились под спудом в основанной им обители. Память его почитается по новому стилю 3 мая.

Как уже упоминалось, преподобный Александр Ошевенский имел особое значение для Архангельской земли. « Учениками его свет иноческой жизни был преимущественно распространен по Архангельской епархии. Преподобный Антоний Сийский- ученик преподобного Пахомия- ученика преподобного Александра, основал знаменитую Сийскую обитель. А иноками Кирилло- Сырьинской обители было положено начало Кожеозерской пустыни. И из этой ветви Кирилло- Белозерского Ошевенского иночества в пределах Архангельского края мы видим следующих святых мужей- преподобного Кирилла Сырьинского. Серапиона и Авраамия Кожеозерских с их учениками, преподобного Никодима, пустынножителя Хозьюгского и Антония Сийского» (2, 79). С их судьбами мы познакомимся немного позднее.

ПРАВЕДНЫЙ КИРИЛЛ ВЕЛЬСКИЙ

Святой Кирилл почитался небесным покровителем г. Вельска с давних времен. На старинных иконах он изображался в виде юноши в белой одежде, стоявшего на берегу реки Ваги. Немногое известно нам об его жизни. И поэтому эти скупые сведения для нас бесценны.

Обретение мощей Кирилла Вельского произошло в 16 веке. Жила тогда в Вельске благочестивая женщина по имени Евлампия. Однажды, когда она была занята домашним рукоделием, ей явился неизвестный юноша и сказал: "Меня вымыло водою из могилы, и теперь тело мое- на берегу Ваги. Вели, чтобы его перенесли к храму Божию и поставили над ним часовню"(17, 366). Имени своего юноша не назвал. Женщина поведала о случившемся священникам и народу. И когда все они отправились на старое городское кладбище, которое находилось на речном мысу, то нашли старинный гроб, который был вымыт из земли речной водой. Когда гроб перенесли к церкви, то решили посмотреть, кто же лежит в нем. К удивлению жителей Вельска оказалось, что лежит в гробу прекрасный юноша. Несмотря на то, что гроб его потемнел от времени, человек, лежавший в нем, выглядел так, как будто погребли его только вчера. Даже одежда на нем была, как новенькая. После этого всем стало ясно, что в найденном гробе находятся мощи неизвестного святого.

Напрасно пытались местные священники выяснить у старожилов Вельска, кем был человек, останки которого так чудесно сохранились, несмотря на долгие годы. Никто не мог ничего вспомнить и рассказать о нем. Видно, слишком уж много лет минуло с тех пор, когда он жил на свете...

Однако, в конце концов отыскался один- единственный человек, который сумел рассказать хоть что- то о неведомом подвижнике. Этим очевидцем оказалась жившая при храме и кормившаяся подаянием древняя старушка - инокиня Акилина, по прозванию «Накапа». Вот что удалось ей вспомнить. "Давным - давно это было, еще когда Новгород не за Московским государем был... Жил тогда в нашем городе тиун (управляющий вотчинами- авт.) новгородских наместников. Звали его Кириллом. Разгневался за что-то

на него боярин, да так, что хотел убить слугу своего. Некуда было скрыться Кириллу. И тогда бросился он в реку Вагу. А вода вокруг него вдруг сама расступилась во все стороны...сажени на три...Понял тогда боярин, что напрасно хотел наказать своего слугу. Стал прощения просить. Простил его Кирилл. Но тут сомкнулись над ним воды Ваги-реки... А боярин, каясь в том, что верного слугу без вины погубил, приказал найти его тело, и похоронил его с почестью, при храме..."

Рассказ инокини Акилины имел неожиданный конец. Поведав все, что знала о Кирилле, она попросила подвести себя к его гробу. При этом с ее верхнего века исчезла большая, величиной с яблоко, опухоль, после чего «она стала видеть так же ясно, как бы не была слепою»(17, 368). Видя это чудо, жители Вельска окончательно убедились в том, что они нашли мощи святого. И что святой этот будет помогать им в их бедах, скорбях и болезнях, как помог старенькой инокине. Они не обманулись в своих надеждах. С тех самых пор и началось почитание святого Кирилла Вельского (или Важеского, так как в ту пору река Вага протекала рядом с Вельском (17, 366). Над гробом его построили часовню.

В 1587 г. мощи Кирилла Вельского были вновь освидетельствованы. Священнослужители Никольской церкви, отпев молебен святому, открыли его гробницу. Оказалось, что тело Кирилла осталось нетленным. Только верхняя губа отсутствовала. С колокольным звоном, при стечении народа, гроб Кирилла был перенесен в Никольскую церковь и поставлены открыто по правую сторону от алтаря. При этом произошло чудо- мальчик Симеон, страдавший неизлечимой "болезнью чрева", к радости родителей, сделался совершенно здоров.

Впоследствии Никольская церковь сгорела. А с нею погибли в огне и мощи Кирилла Вельского. Несколько уцелевших костей хранились в алтаре Троицкого храма, а затем были закопаны на том самом месте, где стояла когда- то Никольская церковь. (18, 7)

Но память о Кирилле Вельском не исчезла с утратой его мощей. И поныне почитают его жители Вельска, как небесного покровителя своего города. В Успенском храме Вельска находится его икона, которая считается чудотворной. На ней навсегда юным, светлым и прекрасным пребывает тот, к которому многие века обращались и поныне обращаются в молитвах жители Вельска- святой Кирилл.

XVI ВЕК

В этом веке на территории Архангельской области также появилось несколько новых обителей- Сийская Троицкая, Никольская Коряжемская, Кожеезерская (или Кожеозерская). К этому же времени относится обретение мощей ныне малоизвестного святого- покровителя г. Архангельска- Евфимия Архангелогородского. Но пожалуй, самым удивительным является то, что среди святых этого столетия можно встретить не только взрослых, но и детей. Причем даже приходившихся друг другу братом и сестрой. Эти дети- Артемий Веркольский и его сестра- Параскева Пиринемская, были уроженцами Пинежья. Другого подобного примера среди русских святых не существует. Наиболее же яркой среди судеб церковных подвижников 16 века, безусловно, является жизнь игумена Соловецкого монастыря Филиппа, выходца из боярского рода Колычевых, впоследствии- Московского митрополита. За свое открытое противостояние террору опричников- приближенных царя Ивана Грозного, митрополит Филипп заплатил собственной жизнью. Поэтому даже историки советского времени, по своим убеждениям атеисты, не могли не испытывать уважения к этому « стойкому и храброму митрополиту»(19, 106). Православная Церковь причислила его к лику святых уже в 17 веке.

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАХОМИЙ КЕНСКИЙ

Преподобный Пахомий был основателем Спасо- Преображенского Кенского монастыря, «который возник на позднее начала 16 столетия, а может быть, и в конце предшествующего века»(20, 219). Его учеником стал Антоний Сийский, впоследствии основатель знаменитого Антониево- Сийского Троицкого монастыря, который «в 1508 г. принял пострижение в Кенозерской обители и подвизался первоначально под руководством преподобного Пахомия»(20, 219). Впоследствии, по благословению наставника, Антоний вместе с двумя другими учениками Пахомия покинул Кенозерскую обитель, чтобы затем основать Сийский монастырь. Датой смерти Пахомия Кенского считается 1515 г. Память его почиталась местно.

ПРАВЕДНЫЙ АРТЕМИЙ ВЕРКОЛЬСКИЙ.

Иконы, на которых изображен этот святой, с первого взгляда удивляют своей необычностью. Ведь на них изображен не взрослый человек, а ребенок. Мальчик- подросток в белой рубашке, подпоясанной красным пояском, с крестом в руке, на фоне стилизованного северного пейзажа с храмом на заднем

Праведный Артемий Веркольский. Хромолитография 20 века

плане. В православных святцах он известен, как праведный отрок Артемий Веркольский. Это- почти единственный святой Архангельской области (не считая почитавшейся местно его сестры, праведной Параскевы Пиринемской), который угодил Богу, будучи еще совсем маленьким.

Впрочем, в православных житиях святых можно отыскать сказания о совсем еще юных подвижниках, посвятивших Богу свою недолгую земную жизнь. Это- младенец- мученик Кирик, сестры-мученицы Вера, Надежда и Любовь, блаженная отроковица Муза, царевич Димитрий Угличский. «Сколько таких детей знала Церковь, в сердцах которых обитал Бог»!- так говорил о них известный церковный писатель 19 века Евгений Поселянин в предисловии к одной из лучших своих книг « Святая юность». Но судьба Артемия Веркольского отличается от их судеб какой-то особой простотой и одновременно сокровенностью. Внутренний мир « маленького крестьянского мальчика из дальнего села русского Севера» для нас неизвестен. Житие отражает только немногие факты его биографии.

Артемий Веркольский родился в 1532 году на Пинеге, в селе Верколе. Родители его- Косьма и Аполлинария- были простыми крестьянами и кормились земледелием. По свидетельству жития праведного Артемия, «оба они были благочестивы и добродетельны» (21, 3). Доказательством того, что это в действительности было так, можно считать то, что на северной земле почиталась, как святая, и сестра Артемия Веркольского- Параскева Пириминская (или Пиринемская).

Традиционно мы представляем себе православного подвижника взрослым, а то и старцем. Чаще всего- монахом. Пустынником, изможденным от продолжительных молитв, поста и поклонов. Испытавшим себя в борьбе со всевозможными внешними и внутренними скорбями и искушениями. Ничего подобного отрок Артемий в своей недолгой земной жизни не успел совершить. Но все- таки было в нем нечто такое, чем он отличался от своих сверстников. По свидетельству его жития, он « удивлял всех соседей своим благоразумием и смирением, так что казался не по годам умным. Почитал своих родителей, был послушен им во всем, оказывал прилежание к земледельческому труду (т. е., по мере сил помогал отцу и матери), был прилежным к Церкви Божией»(21, 3-4). Отличался тихим нравом, и лет с пяти избегал ребячьих игр и шалостей. С того же самого возраста, когда детей еще традиционно жалеют и балуют, он стал помогать родителям в их повседневном труде (2, 137). Об его внутреннем мире можно лишь догадываться. Как и о том, кем бы стал этот не по годам задумчивый, тихий мальчик, если бы не суждено ему было жить на свете всего-навсего 12 лет…

23 июня 1544 года, когда маленький Артемий помогал отцу боронить поле, началась сильная гроза. Один из ударов молнии пришелся на то место, где стоял мальчик, после чего тот « от ужаса скончался»(21, 4). По другой версии жития, находящейся на обороте дореволюционной хромолитографии, изображающей Артемия Веркольского, смерть его наступила спустя несколько

часов после удара молнии. Как бы то ни было, он умер при странных, необычных обстоятельствах. А самое главное- внезапно. Он умер так, как всегда страшатся умереть верующие люди- без покаяния. И как, по традиционным представлениям, умирают только большие грешники.

Именно поэтому отроку Артемию было отказано даже в христианском погребении. «Односельчане Артемия сочли неожиданную кончину отрока праведным судом Божиим, наказавшим Артемия за какие- либо тайные грехи его. Тело Артемия, как умершего от внезапной смерти, осталось не отпетым и не погребенным, его положили на пустом месте в сосновом лесу, поверх земли, прикрыли хворостом и берестой и огородили деревянной изгородью. Так пролежало оно 32 года, всеми забытое»(22, 462-463).

Спустя 32 (вернее, 33) года отрок Артемий, безвинно оклеветанный, даже лишенный погребения своими односельчанами, стал почитаться ими же уже как святой. В 1577 г. дьячок (т.е. церковнослужитель, обычно чтец- авт.) веркольской Никольской церкви Агафоник, собирая в лесу грибы, увидел среди деревьев какой-то свет. Подойдя к месту, откуда он исходил, Агафоник с удивлением заметил, что это сияет тело, лежащее в деревянном срубе среди леса. Приблизившись, он увидел, что оно « совершенно цело и невредимо». Агафоник поспешил рассказать об удивительной находке односельчанам. Они принесли тело отрока Артемия в село и положили его на паперти Никольской церкви. Сразу же после этого от мощей Артемия, а также от бересты, покрывавшей его гроб, стали выздоравливать больные. Первым чудом стало выздоровление сына местного крестьянина от лихорадки, косившей в это время окрестное население. После того, как в 1584 году после молитвенного обращения к праведному Артемию исцелился человек по имени Павел , у которого «было болезненно обращено лицо назад и закрыты глаза так, что он ничего не видел»(21, 7), жители Верколы перенесли мощи Артемия в сделанный для этого при Никольской церкви особый придел, поместив их в новом гробу. На досках старого гроба были написаны несколько икон Артемия Веркольского. При этом « один человек с Пинеги, по имени Панкратий, бывший проездом в Верколе, в 1601 г. привез в Великий Устюг одну из икон Артемия, и от того образа многие получили тогда исцеление»(22, 464). Так постепенно имя Артемия Веркольского становилось известным и за пределами Пинежья.

«В 1619 г. Новгородский митрополит Макарий свидетельствовал мощи праведника и благословил перенести их в самый храм Святителя Николая. По его же благословению и распоряжению составлено было житие Артемия...»(22, 464).

В 17 веке в Верколе появился монастырь, построенный в честь Праведного Артемия. Причем к возникновению его оказался причастен человек, который вошел в историю, как «человек предприимчивый, смелый и энергичный, опытный администратор, вместе с тем отличавшийся жестокостью в обращении с подчиненными» (23, 203). Звали его Афанасий Пашков. Имя его обычно вспоминают в связи с судьбой известного старообрядческого деятеля и писателя 17 столетия, протопопа Аввакума,

который «познакомился» с жестокостями Пашкова (в ту пору- даурского воеводы- авт.) в пору своей сибирской ссылки, позднее тех событий, о которых сейчас пойдет речь. Аввакум дал Пашкову следующую яркую характеристику: «грех моих ради суров человек- беспрестанно людей жжет и мучит, и бьет. И я его много уговаривал, да и сам в руки попал» (23, 17). Так вспоминал он об Афанасии Пашкове в своем знаменитом автобиографическом «Житии». У этого-то жестокого воеводы был единственный сын- Еремей, которого он беззаветно любил. В 1636 году, когда Афанасий Пашков прибыл на воеводство в Мезень и Кевролу, Еремей «тяжко заболел лихорадкою и готовился уже к смерти»(22, 466). Обезумевший от горя отец счел болезнь сына наказанием за то, что будучи в Верколе, он не удосужился поклониться гробнице Праведного Артемия и не отслужил перед нею молебен. После того, как Афанасий Пашков пообещал, что непременно совершит богомолье в Верколу, его сын выздоровел. Причем, только- только встав на ноги, стал спрашивать отца, как добраться до Верколы… «Обрадованный отец, в благодарность за чудесное благодеяние, выстроил на свои средства церковь во имя соименного новоявленному чудотворцу святого великомученика Артемия на том самом месте, где были обретены мощи святого. Вокруг выстроенного храма воевода устроил ограду и кельи для монашествующих. Так возник близ Веркольского прихода монастырь»(24, 39). Этот монастырь существует в Верколе и поныне. В нем в минувшие времена в каменном храме в честь святого Артемия Веркольского (храм этот был построен в 1793 г. (22, 467)) находились мощи святого Артемия, поклониться которому шли паломники со всех концов России.

В настоящее время мощи Праведного Артемия утрачены. По рассказам местных жителей, в двадцатые годы, когда монастырь был закрыт, иноки, желая спасти их от поругания, увезли их и скрыли в неизвестном ныне месте. Поэтому в нынешнем Веркольском монастыре (он был возвращен Церкви в 1991 г.) сохранилась только рака, где они находились. Кто знает, может быть когда-нибудь они будут найдены, и снова, как в далеком 16 веке, к мощам Праведного Артемия Веркольского будут приходить люди, в непостыдной надежде на его заступление и помощь.

ПРАВЕДНАЯ ПАРАСКЕВА ПИРИНЕМСКАЯ

Вместе с Праведным Артемием Веркольским в сонме святых Архангельской земли издавна почиталась и его сестра- Праведная Параскева Пиринемская (или Пириминская). Это единственный случай, когда в православных святцах в один день (6 июля по новому стилю) почитается память двух детей, приходившихся друг другу братом и сестрой. Что же известно о Параскеве Пиринемской?

К сожалению, практически ничего. В «Архангельском Патерике» архимандрита Никодима о ней можно найти только краткое упоминание : « о Праведной Параскеве и ее жизни, кроме древнего предания, говорящего, что она была родной сестрой Праведного Артемия и скончалась отроковицею, ничего не известно» (2, 137). Можно лишь предполагать, что она была подобна своему брату, и, как и он, проводила время не в детских играх и шалостях, а в молитве, посещении храма. Помогала отцу и матери в их повседневных трудах и заботах. Нравственную высоту этой юной уроженки Пинежья нам сейчас трудно даже представить. По словам духовного писателя 19 века, Евгения Поселянина, « что может быть выше, как детская незлобивая и чистая душа, которая вместила в себе Бога»? Недолгую, но праведную жизнь прожила отроковица Параскева. Похоронена она была в селе Пиринемь (или Пиримень), в 90 верстах от Пинеги, в старинной часовне в честь Великомученика Георгия Победоносца, построенной в том селе в незапамятные времена.

Обретение ее мощей произошло через много десятилетий после ее кончины, в 1610 году. О нем нам известно из старинного повествования. Вот как это произошло.

Несколько лет подряд жители Пиринеми, приходя помолиться в Георгиевскую часовню, замечали, что в зимнюю стужу, когда ее обветшалые стены и пол покрывались инеем, один угол постоянно оставался не замерзшим. Мало того. Из- под половиц исходило тепло. 30 июня 1610 г., после утрени, прихожане Георгиевской часовни собрались, чтобы обсудить вопрос о ремонте ее прохудившейся крыши. Тогда- то они и надумали выяснить, что же скрывается под ее полом. Они приподняли половицы и обнаружили гроб, покрытый камнем, «а под камнем глава, а мощи землею покрыты». Однако, когда пиринемцы решили разглядеть получше, кто лежит в найденном ими гробу, их любопытство было остановлено сверхъестественным образом. Свеча, с помощью которой они пытались рассмотреть содержимое гроба, сама собой погасла, как бы от ветра. Но как только свечу отнесли прочь , она снова ярко вспыхнула.. Среди присутствовавших при обретении мощей Праведной Параскевы оказался больной, страдавший неизлечимым для того времени недугом. Помолившись Господу и Его Пречистой Матери и с верою прикоснувшись к гробу, он выздоровел (25, 243). Так было открыто пиринемцам, что в найденном ими гробу лежат мощи неизвестного им святого. Однако, кто этот неизвестный подвижник и как его зовут, они узнали лишь позднее.

Около года спустя священнику из находившегося рядом с Пиринемью села Чаколы, отцу Феофилакту в сонном видении было явлено, что обнаруженные в Георгиевской часовне мощи принадлежат «отроковице Парасковии, девическа лика, крестьянска рода» (25, 243). С тех пор мы и знаем ее, как Праведную Параскеву Пиринемскую. А чудеса от ее гроба продолжали совершаться.

В 1611 г. Праведная Параскева явилась во сне пинежскому крестьянину Евфимию Федорову, повелев ему, чтобы он собрал к ее гробу « скорбных и недужных, н кто чем недужен, Божия милость будет»(25, 244). Он готов был исполнить это. Однако его жена, не имевшая столь глубокой веры, принялась отговаривать его: «что о тебе люди подумают?» Действительно, сперва односельчане Евфимия приняли его рассказ за выдумку. Однако, после того, как внезапно ослепла жена Евфимия, насмешки над ним прекратились. И тогда он снова увидел во сне отроковицу Параскеву, которая повторила свое приказание, прибавив при этом, чтобы больные молились Богу, Пресвятой Богородице и «новой чудотворице Параскеве». Вместе с уже известным нам священником Чакольского прихода, отцом Феофилактом, Евфимий, собрав больных, в числе которых была и его жена, отправился в Пиринемь. После того, как у гроба Праведной Параскевы был отслужен молебен, все больные выздоровели. А было их 30 человек.

В 1612 г. игуменом пинежского Красногорского монастыря Макарием и священником из Чаколы Феофилактом было произведено первое освидетельствование мощей Параскевы Пиринемской. Вслед за тем они были положены в новую раку, которую поставили на паперти Георгиевской часовни. Причем даже во время сильных морозов гроб не покрывался инеем, и от него исходило тепло. Продолжались и исцеления больных, с верою молившихся Праведной Параскеве. К началу 18 века их было записано 18.

В 1710 г. приходской священник Алексей Козьмин и приказчик Алексей Яковлев составили описание обретения мощей Праведной Параскевы, а также чудес, совершившихся от ее гроба. Описание это было представлено архиепископу Архангельскому и Холмогорскому Рафаилу. По его указу в 1711 г. производилось повторное освидетельствование мощей Параскевы Пиринемской. При этом оказалось, что « мощи темны, а глава и все тела ее кости сухи, а в составе все целы, покрыты холстиною тонкою белою, и на той изображен Животворящий Крест Господень»(25, 245).

Текста церковной службы в память Праведной Параскевы составлено не было. Однако известно, что в 18 веке существовали иконы с ее изображением. В том же столетии, когда на месте окончательно обветшавшей Георгиевской часовни построили церковь в честь 12 Апостолов, рака с ее мощами была поставлена в правом углу этого храма. У гроба ее всегда молились люди, в надежде на ее помощь в « нуждах и печалях», служились панихиды.

Жители Пиринеми ежегодно праздновали память Праведной Параскевы. В день обретения ее мощей перед ее ракой служились панихиды. В какой- то мере это было и данью памяти пинежан своей маленькой землячке- « отроковице Параскеве». Почитали ее не только местно, на Пинежье, а и по всей Архангельской губернии. «Святую Праведную Параскеву издревле почитали и до настоящего времени почитают не только жители Пиринемского прихода, но и окрестных, и даже отдаленных»(25, 246)- так заканчивается повествование о ней в дореволюционном сборнике «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии».

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ СИЙСКИЙ

Сийский Свято- Троицкий монастырь, находящийся близ г. Емецка, известен в Архангельской области, пожалуй, не меньше, чем монастырь Соловецкий. Основана эта обитель была в 16 веке. Причем у истоков ее стоял северянин по происхождению- Преподобный Антоний. В православных святцах он именуется по названию созданного им монастыря- Антонием Сийским.

Преподобный Антоний Сийский. Современная икона.

Антоний родился недалеко от г. Архангельска, в селе Кехта, в крестьянской семье. В 1999 г. в этом селе в память о нем был установлен памятный крест. Отец Антония звался Никифором и был выходцем из Новгорода (26, 4). В житии преподобного Антония сообщается, что Никифор и его жена Агафья долго не имели детей, поэтому Андрей (так звали будущего подвижника в миру), был, как тогда говорили, «вымоленным у Бога» ребенком. Впоследствии у Никифора и Агафьи были и другие дети-сыновья и дочери. Но « первенец превосходил их всех благообразием, отчего и любим был родителями своими больше других детей»(26, 4). Вероятно, что этому особенно способствовал его « тихий, кроткий и незлобивый» нрав (26, 4).

В семилетнем возрасте Андрей выучился грамоте и иконописи, помогал родителям по хозяйству. В возрасте 25 лет, похоронив отца и мать, он ушел в Новгород, где в течение пяти лет служил у одного боярина. Хозяин так полюбил его, что выдал за него замуж свою дочь. Однако спустя год та умерла. Вслед за ней скончался и сам старый боярин. Возможно, эта цепь утрат окончательно обратила мысли Андрея к Богу. В

Каргопольском краю, на реке Кене, в пустыни преподобного Пахомия, Андрей принял монашество с именем Антония. А впоследствии- и священнический сан.

В Кенозерской обители сформировался характер будущего подвижника. По свидетельству его жития, он усердно трудился на тяжелых монастырских работах (послушаниях)- валил деревья, корчевал пни, работал в огороде. Особенно же любил ухаживать за больными в монастырской богадельне, на деле исполняя Христову заповедь о любви к ближнему (26, 7). Благодаря своей значительной физической силе Антоний «трудился за двоих или даже за троих, прилежа более всего к земным трудам» (26, 7). Но его влекло к более суровому подвигу- пустынножительству.

С благословения своего наставника- Пахомия, Антоний с двумя иноками- Иоакимом и Александром, отправился в лесные дебри на поиски места, где бы можно было поселиться. Сперва они обосновались на реке Емце, близ деревни Скроботово. Построили там кельи, и даже деревянный храм в честь Святителя Николая (26, 8).Однако, после семи лет жизни на этом месте они были изгнаны оттуда местными жителями, которые заподозрили, что монахи хотят захватить их земли. Но эта людская несправедливость не смутила Антония. Он верил, что Господь не оставит их в беде и непременно поможет. Так и случилось. Встретившийся изгнанникам рыбак Самуил показал им чудесное место на берегу Михайловского озера, окруженное непроходимыми лесами. Причем еще до прихода туда монахов местные жители видели там то чернецов, рубящих лес, то слышали колокольный звон и пение незримого хора. Как видно, Божия воля была на то, чтобы в этом месте стоял монастырь. И вот там-то поселился Антоний с семью учениками. Первый деревянный храм, поставленный ими, был посвящен Пресвятой Троице. Так более 4 столетий назад, в 1520 году, в правление великого князя Василия Третьего, был основан Сийский монастырь.(27, 11).

Читая житие Антония Сийского, невольно обращаешь внимание на его духовное сходство с «игуменом земли Русской»- Преподобным Сергием Радонежским. Их объединяют и склонность к пустынничеству, и особое почитание Святой Троицы, и необычайное смирение, строгость к себе, милость к другим, стойкость в перенесении всевозможных лишений. И глубокая, почти непостижимая для современных людей, вера.

Нелегким было становление Сийской обители. Не раз братия, терпя недостаток в самом насущном, уже готова была разойтись, но, по молитвам Антония. Бог неожиданно посылал необходимое для монастыря, защищал обитель от нападения разбойников.

Главной святыней монастыря была икона Пресвятой Троицы, написанная, по преданию, самим Преподобным Антонием (6, 479). От нее совершались многочисленные чудеса- прозревали слепые, изгонялись из одержимых людей бесы. Однажды, по недосмотру, деревянный Троицкий храм сгорел. Но находившаяся в нем эта икона была найдена неповрежденной (6, 479).

Антонию, первому Сийскому игумену, была суждена долгая жизнь. Он умер в глубокой старости, в царствование Ивана Грозного, 7 декабря (по новому стилю- 20 декабря) 1556 года. Из 79 лет своей жизни почти 37 он провел в созданной им обители, периодически покидая ее для уединенного жительства. Перед своей кончиной он поручил Троицкий монастырь покровительству Господа, Матери Божией, а также Преподобного Сергия Радонежского, которого особенно почитал. Предсмертной просьбой его было завещание братии не оставлять дел милосердия- «нищих кормите и поите досыта и милостыню давайте, дабы не оскудело место сие»(6, 484).

Об его подвижничестве можно говорить много. Но о том, каких духовных высот достиг Преподобный Антоний, яснее всего говорят сохранившиеся до нашего времени его поучения некоему иноку Филофею.

Инок этот был еще совсем юным. Известно, что этот возраст « во все времена отличался мечтательностью, восторженностью, романтизмом. Большинство в этот период жизни не желает думать о скучной трудовой деятельности, о земных бытовых заботах, но жаждет самой красочной и необычной судьбы. Это возраст, когда человек имеет в себе много энергии и горячности»(28, 20). Именно поэтому один из современных аскетических писателей, архимандрит Лазарь, предупреждает, что в связи с этим « надо с большой осторожностью относиться к желанию юных идти в монашество» (28, 20). Ведь не исключено, что впоследствии они могут разочароваться в избранном ими пути...

Возможно, что и Филофей пришел в Сийский монастырь, руководствуясь как раз такой юношеской горячностью, и позднее «охладел» к иноческой жизни. Житие Антония Сийского описывает его душевное состояние, как «уныние». В результате юноша решил уйти « из монастыря в край чужой, жениться и в миру жить» (26, 23). О своем решении он не говорил никому. Но, к изумлению и ужасу Филофея, сам Антоний открыл иноку его тайное желание. Но не стал укорять и стыдить юношу, чтобы тем самым не усугубить его внутренний разлад. А дал ему несколько полезных советов на будущее, с помощью которых Филофей смог бы впредь побеждать возникающие в душе сомнения.

Советы эти сохранило для нас житие Преподобного Антония. Вот они. « Чадо, имей страх Божий в сердце своем и Богу часто молись по силе своей. Учись рукоделию, постоянно делая что-нибудь руками своим, чтобы в уныние не впасть. Раз оставил ты мир, то не возвращайся туда, не твори мирского ничего. Твори правду во всем, неправду же возненавидь. Без покаяния никогда не пребывай. Всякую скорбь терпи с благодарностью, ибо без скорби нельзя спастись» (26, 23) Необходимы нам терпение и молитва, да привлечем милость Божию упорством нашим»(27, 11). Согласимся, даже в наше время, и даже применительно к жизни « в миру», многое из этих советов может « взять на вооружение» современный человек, чтобы преодолеть характерное для нашего времени чувство безысходности и одиночества.

Первое житие Антония Сийского было написано спустя 21 год после его кончины по благословению игумена Гермогена иеромонахом (т.е. монахом, имевшим сан священника) Ионой. Другое житие принадлежало перу царевича Ивана- сына Ивана Грозного. А в 1579 году состоялось причисление преподобного Антония Сийского к лику святых (27, 11). Память его совершается по новому стилю 20 декабря. В этот день в основанный им Свято-Троицкий монастырь (он был возвращен Церкви в 1991 году, спустя 70 лет после своего закрытия в 1921 г.), чтобы почтить память Святого- основателя этой древней обители, поклониться его мощам, находящимся под спудом в Свято- Троицком храме, стекаются многочисленные паломники. И, как в минувшие времена, так и теперь, продолжает жить в памяти северян имя их святого земляка- Антония Сийского.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ МАЛОПИНЕЖСКИЙ

О жизни Преподобного Сергия Малопинежского известно очень немногое. Отец его, Маркиан Стефанович Неклюд, был «из роду митрополичьих и десятильничих новгородских боярских детей»(17, 569). В те времена «дети боярские при древних епископах были светскими чиновниками» (29, 53). Он слыл образованным для своего времени человеком, «был навычен книжному ученью и грамоте». Возможно, что благодаря таким данным он мог бы со временем стать не последним из знатных и влиятельных новгородцев. Однако по политическим причинам (в это время, в 1477 году, Новгород перестал быть «вольным городом» и был присоединен к Московскому царству) он вынужден был покинуть родные места и удалиться « на реку Пинегу,в волость Малую Пинежку». Здесь Маркиан женился на девушке по имени Аполлинария. Нашлось применение и его знаниям и дарованиям- он стал священником в Сурском приходе. Здесь в 1493 году родился у него сын, которого назвали Симеоном.

Маркиан и Аполлинария воспитали его в строгом благочестии. О том, что это было действительно так, свидетельствует тот факт, что в старости родители Симеона, подобно многим благочестивым людям того времени, приняли монашество. «Маркиан, под именем Матфея, кончил жизнь игуменом Воскресенской обители в г. Кевроле, а Аполлинария скончалась схимницей под именем Пелагии»(17, 569). От отца унаследовал Симеон и свою любовь к чтению книг. В возрасте 30 лет он стал священником в двух местных храмах- Преображенском и Георгиевском. Его священническое служение продолжалось до глубокой старости- 62 года. О нравственном облике Симеона свидетельствует такая характеристика из его жития : он « был взором кроток, тих хождением, умилен видом, имел душу милостиву и чист помысел, сердце бодро, смирение и крепость молчаливую и любовь воистину нелицемерную, и был милостив к нищим до самоотвержения» (17, 570). Лучшим подтверждением того, чему он учил своих прихожан, была собственная жизнь этого сельского батюшки. О ней не сохранилось никаких сведений. Как видно,

у отца Симеона «личной жизни» просто-напросто не было. Было только другое, гораздо более важное, то, что впоследствии другой уроженец Пинежья- Праведный Иоанн Кронштадтский назвал кратко и емко-«жизнь во Христе». И именно благодаря этому память о сельском батюшке с Пинежья пережила его на 5 столетий, сохранившись до наших дней.

Симеон скончался в глубокой старости, 16 ноября (по старому стилю. По новому- 29 ноября) 1585 года, в возрасте 92 лет, из которых 62 года были отданы служению Богу. Перед смертью он принял схиму. Монашеское имя его было Сергий. Под этим именем он и вошел в Православные святцы.

Сергий был похоронен у алтаря Преображенской церкви, где он служил долгие годы. Уже спустя год после его кончины от гроба его стали совершаться исцеления. Впоследствии над его могилой построили часовню.

К чести преемников отца Сергия, они позаботились о том, чтобы сохранить память о нем. В этом прежде всего была заслуга служившего в Преображенском храме шесть десятилетий спустя после его кончины священника Елисея. Он сам был очевидцем множества чудес, совершавшихся от могилы Сергия Малопинежского. Поэтому ежегодно 16 ноября он совершал Богослужение в его память. А его сын, священник Киприан, сыновей которого святой Сергий исцелил от тяжелой болезни, построил над его гробом часовню. С 1655 г. было установлено праздновать его память в день его кончины. В этом же году была написана первая икона преподобного Сергия Малопинежского. Судя по тому, что имя его не входит в «Православный церковный календарь», он почитался местно.

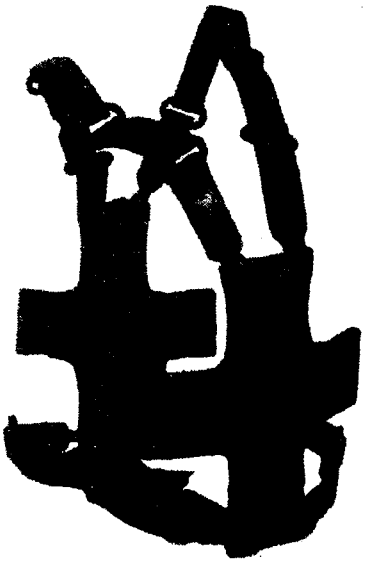
ПРЕПОДОБНЫЙ ЛОНГИН КОРЯЖЕМСКИЙ

Преподобный Лонгин Коряжемский был основателем Николаевского Коряжемского монастыря. До этого он выдержал долгий иноческий искус в монастыре преподобного Корнилия Комельского, куда поступил еще молодым человеком. Там «прошел длительный ряд послушаний, дожил до старческих седин и приобрел немалую опытность в иноческой жизни, так что стал всем известен, как старец испытанный и достойный искреннего почитания»(15, 237). Смиряя плоть, носил на теле колючую рубаху- власяницу и тяжелые вериги (железная цепь, сделанная в виде параманда, который носят монахи под верхней одеждой- авт.). В соседнем Корнилиеве монастыре у Лонгина был «друг и собеседник»-монах Симон, уроженец Сольвычегодска. Вместе с ним, в 1535 или 1537 году (15, 238), Лонгин покинул Комельский монастырь, и отправился на поиски места, где можно было бы вести отшельническую жизнь.

Это место было ими найдено в глухом лесу близ устья реки Коряжемки, где Лонгин и остался навсегда. А Симон, прожив с ним некоторое время, впоследствии ушел еще дальше, за 60 верст от Коряжемки, на реку Сойгу, где основал свой монастырь.

Преподобный Лонгин Коряжемский. Хромолитография 1908 г.

Сперва Лонгин жил один. Но впоследствии об его местопребывании узнали местные жители, которые стали приходить к нему. Нашлись и желающие жить под его духовным руководством. Со временем, из-за



Вериги Лонгина Коряжемского

возрастающего числа братии, в обители пришлось возвести храм в честь Святителя Николая, а также другие постройки, необходимые в монастырском быту. «Преподобный Лонгин, несмотря на свои уже немолодые годы, старался всех превзойти подвижничеством и трудами». Умер он 10 февраля (по старому стилю, по новому- 23-го) 1540 года. Перед смертью он велел похоронить свое тело при входе в храм, «чтобы все идущие в церковь и из церкви попирали его могилу»(15, 239). Монахи выполнили завещание своего наставника. Однако в 1557 году произошло чудо, после которого началось почитание Преподобного Лонгина, как святого. Устюжский воевода князь Владимир тяжело заболел. Никакие медицинские средства того времени не могли ему помочь. И вот уже почти умирающий воевода увидел во сне старца, который сказал ему, чтобы тот молился Богу, а также дал обет посетить Коряжемский монастырь. При этом он велел князю приказать «игумену и братии перенести на иное место тело начальника (т.е. основателя- авт.) того монастыря, игумена Лонгина».

Воевода поспешил исполнить желание неизвестного святого. Когда его привезли в монастырь, он, к изумлению братии, сам указал место погребения Лонгина. Хотя в Никольском монастыре не бывал никогда. После того, как гроб игумена Лонгина был вынут из земли и поставлен «в новую, близ северной стены, церковь»(15, 240), воевода Владимир поправился. «Когда слух об исцелении воеводы разнесся в народе, многие стали приходить в монастырь и служить над гробом преподобного панихиды, и все, приходившие с верою, получали исцеление от своих болезней» (15, 240).

Впоследствии мощи Лонгина Коряжемского были положены в построенной в 1671 г. Благовещенской монастырской церкви, в гробнице, « украшенной позолоченной резьбою и покрытой пеленою с вышитым изображением преподобного и сказанием о перенесении мощей его»(15, 242). Примерно в это же время его усердным почитателем, Вологодским епископом Александром была составлена церковная служба в его честь. А в начале 19 века было установлено празднование ему. По новому стилю оно совершается 23 февраля, в день его кончины.

В послереволюционные годы Коряжемский Никольский монастырь был закрыт. В настоящее время на месте его существует приход. В 1998 году из местного краеведческого музея этому приходу были возвращены хранившиеся там святыни- власяница и вериги Преподобного Лонгина.

ПРЕПОДОБНЫЙ ХРИСТОФОР СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЙ

Христофор был одним из первых учеников и постриженников Лонгина Коряжемского. Сведения его биографии, дошедшие до нас, крайне немногочисленны. «Не дошло до нас никаких сведений о том, откуда он был родом, какого звания и в каком возрасте пришел в пустыню» (17, 491). Правда, автор его жития в сборнике «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии», на основании того, что он пришел в только что открытый Лонгином монастырь одним из первых, делает вывод о том, что Христофор мог быть «родом или из Сольвычегодска, или из ближайших его окрестностей»(17, 491).

Еще одна, внешне малозаметная деталь из его биографии говорит о многом. В ту пору, когда жил Христофор, в самом Сольвычегодске существовал мужской монастырь в честь святых Бориса и Глеба. Однако Христофор, как видно, был из тех людей, которые легкого пути для себя не искали. Именно поэтому он и предпочел относительно спокойному житью в городском монастыре полную лишений жизнь в еще только недавно возникшей, бедной, окруженной глухими лесами, обители. Возможно, что он принадлежал к тем людям, которые по своему характеру любят быть одни и самой лучшей музыкой считают тишину, безмолвие. Иначе трудно объяснить постоянное стремление Христофора уединиться, скрыться от людской суеты.

Вероятно, преподобному Лонгину, пришлись по душе пламенная вера Христофора и его любовь к уединению. Поэтому он совершил над ним монашеский постриг. Мало того. Он сделал его своим учеником, «стараясь передать ему все опыты и наблюдения своей долголетней подвижнической жизни»(17, 492). Учил Лонгин Христофора и обязательной для монахов непрестанной молитве, и терпению, и смирению, и безоговорочному послушанию своему наставнику… Конечно, новоначальному иноку (новичку) не все давалось легко. Бывало, что Христофор начинал « смущаться и сетовать» на трудности «пустынного житья», но Лонгин, вовремя заметив перемену в настроении ученика, своими наставлениями и советами укреплял его колебавшуюся веру. «Наставления преподобного падали на добрую землю- ученик старался во всем подражать своему учителю, возрастая и укрепляясь в духовной жизни»(17, 492).

Однако, недолго продолжалось ученичество Христофора. Потому что к тому времени, когда Лонгин пришел на Коряжму, он был уже стар, и на новом месте прожил недолго. Можно было бы ожидать, что он передаст высшую власть в монастыре своему любимому ученику- Христофору. Однако, случилось иначе. Лонгин, «видя своего ученика еще не достигшим совершенства иноческого», завещал ему жить в Коряжемском монастыре в качестве рядового монаха, в всем подчиняясь настоятелю. Трудно сказать, как повел бы себя в такой ситуации современный человек. Вполне возможно, что обиделся бы, стал плакаться, что его «не поняли, обошли». А то и вовсе покинул бы монастырь, оставив о нем в душе самые недобрые воспоминания. Но люди того времени в чем- то были честнее и лучше нас. И Христофор нисколько не обиделся на своего наставника. Напротив, сохранил о нем самую светлую память. В течение 10 лет своей дальнейшей жизни в Коряжемском монастыре, он ежедневно бывал на могиле Лонгина, где «вспоминал наставления старца и спрашивал сам себя -так ли он живет и подвизается, как тот учил его»? Лонгин навсегда остался для него примером святости и мудрости, которому он по мере сил стремился подражать.

Через десять лет уже приобретший значительный духовный опыт Христофор решил покинуть стены Коряжемского монастыря. Потому что его не покидало желание уединенной жизни среди лесной «пустыни». Разумеется, прежде чем это сделать, он поведал о своем желании игумену своей обители.

В житиях святых это- не просто необходимая деталь сюжета, а свидетельство мудрости людей того времени. Прежде всего- монахов. Уходя в пустыню или в затвор, человек легко мог завысить свои возможности и свою готовность к такого рода подвигам. Впоследствии, когда он обнаруживал, что ошибся, переоценив свои силы, прежде всего, конечно, духовные, последствия могли оказаться уже непоправимыми. В частности, такой неудачник мог навсегда потерять веру. Или утратить рассудок со всеми вытекающими отсюда последствиями. В связи с этим можно вспомнить своеобразную притчу, которую приводит в своей книге «Лествица» духовный писатель 6 века Иоанн, прозванный «Лествичником». Он пишет: « видел я послушников, исполненных сердечного умиления, кротких, воздержанных, усердных, которые сделались такими через покров отца своего. (т.е. благодаря своему наставнику, в послушании у которого они жили- авт.) Бесы, приступивши к ним, тайно вложили в них мысль о том, будто они уже сильны к безмолвию, и могут достигнуть чрез него совершенства…Обольщенные этим, они пустились из пристани в море, но когда буря настигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение…» (30, 100). Это подтверждается и словами более поздних отцов- наставников монашества. В частности, преподобный Феодор, игумен Константинопольского Студийского монастыря (жил в 8-9 вв.), приводя современные ему примеры таких неудачников, излишне понадеявшихся на свои силы, предупреждал о том, что « самому себе придумывать занятия и свои прихоти исполнять домогаться есть признак беспорядочности, невежества и непослушности…Взглянем на наше братство: наш Петр, устаревший в послушничестве, не ушел ли в

пустынь, благочестием влекомый? Но как оттуда воротился и какой имел конец, знаете, видев то своими глазами. Также Амфилохий, еще и теперь живущий, не стал ли сначала столпником, потом затворником. А теперь шатается туда и сюда...» (30, 237, 432). Даже мы, прежде чем решиться на какой- то ответственный шаг, часто спрашиваем совета у людей, которые видят нас «со стороны», а стало быть, способны дать более трезвую оценку нашим силам и возможностям, нежели мы сами. В связи с этим становится понятным и то, почему, перед тем, как начать отшельническую жизнь в лесу, Христофор попросил на это благословения настоятеля. Следует учитывать еще и то, что дело, начатое без благословения, по мнению верующих людей, не может быть успешным. Ведь совершить его Бог не помогает...

Итак, настоятель Коряжемского монастыря благословил монаха Христофора на уход «в пустыню» и дал ему икону Божией Матери «Одигитрии» («Путеводительницы»). Христофор поселился в 20 верстах южнее от Коряжемского монастыря, «в вершине речки малой Коряжемки», среди лесной чащи. Он сам выстроил себе келью и часовню, куда поместил образ Божией Матери, который ему подарил игумен. Впоследствии от иконы этой стали совершаться чудеса. Молясь перед ней, выздоравливали неизлечимо больные люди.

Через некоторое время «пустынное уединение» Христофора оказалось нарушено. Узнав о подвижнике, одиноко живущем среди леса, к нему стали приходить люди, которые, как и он сам когда- то, желали посвятить свою жизнь служению Богу. И теперь уже Христофор должен был стать их наставником в этом. Как ни горько было ему расставаться со своим «безмолвием», «он, против воли своей, должен был принять начальство над составившейся обителью»(17, 493). Монастырь стал разрастаться. Вместо маленькой часовни среди леса уже появился храм в честь иконы Божией Матери Одигитрии. Рядом с ним был обнаружен источник, вода которого оказалась целебной. Множество чудес, совершавшихся от чудотворной иконы Богородицы и воды, взятой из источника, сделали монастырь, основанный преподобным Христофором, известным даже в Москве. Причем благодаря этому чудесному источнику Христофору довелось испытать такое, о чем он и помыслить не мог. Довелось ему побывать в Москве при дворе самого царя Ивана Грозного. Вот как это случилось.

В это самое время тяжело заболела жена Ивана Грозного, Анастасия. Она была самой любимой из впоследствии многочисленных жен этого царя. С нею он прожил с 1547 по 1560 гг., вспоминая затем эти годы, как счастливейшие. К сожалению, она не отличалась крепким здоровьем и умерла в возрасте около тридцати лет. Впоследствии ее раннюю смерть царь объяснял « вражьим наветом и злых людей чародейством и отравами» (32, 40). Благодаря болезненности царицы Анастасии и оказался не по своей воле в Москве игумен Христофор. Узнав откуда- то о чудесном источнике, открывшемся на Севере, Анастасия поверила, что его целебная вода поможет ей поправиться. И вот тогда-то, по велению грозного царя Ивана, Христофор вынужден был лично явиться к царскому двору, чтобы доставить эту воду

для царицы. Действительно, вода из источника помогла больной Анастасии. Выпив ее, она «получила облегчение от своей болезни». На радостях царь пожертвовал Христофору большую сумму денег на монастырское строительство. «Он был первым и наиболее щедрым благодетелем монастыря, наделив его имениями, угодьями и вотчинами» (24, 83). Короче говоря, наградил игумена Христофора по- царски…

Казалось , Христофор должен был бы обрадоваться царской милости. Ведь теперь его монастырь приобретал еще большую известность. А на средства, подаренные царем, на доходы от вотчин, его можно было бы богато и благолепно обустроить. Но именно это и оказалось предметом горя для пустынника, каким в душе всегда оставался Христофор. Что мог он сделать, чтобы избежать людской славы и огласки ? Как мог он не проводить в монастыре большое строительство, когда это велел ему сам царь? Как мог он сохранить безмолвие и уединение, если теперь в его подчинении была все увеличивающаяся монастырская братия? И на все эти вопросы не мог найти ответа игумен Христофор…

Впрочем, вернувшись в свою обитель, чтобы не ослушаться царской воли, он все же распорядился начать в ней работы по возведению нового храма в честь Божией Матери и других монастырских построек. Однако вскоре после этого (в 1572 г.) Христофор тайно покинул свой монастырь. «Куда он скрылся, когда и как скончался, осталось никому неизвестным»(17, 494). Видимо, это бегство было для него единственной возможностью не изменить себе самому, своей совести. Возможностью продолжать ту жизнь в одиночестве, среди лесной глуши, которую он так любил и которую считал единственно возможной для себя. И эту жизнь он не считал себя вправе променять на что- то иное. Даже если это было гораздо спокойнее и удобнее того пути, который он избрал для себя в молодости. Избрал однажды и навсегда.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМОН СОЙГИНСКИЙ

Как звали преподобного Симона в миру- неизвестно. Родился он в г. Сольвычегодске. Житие сохранило нам имя его отца- Никиты Тентюкова. Подобно Христофору Сольвычегодскому, свой жизненный выбор Симон сделал в юности, решив стать монахом. И вот, покинув родительский дом, будущий подвижник отправился в монастырь, основанный Преподобным Корнилием Комельским. Монастырь этот находился « в 48 верстах к югу от г. Вологды и в 5 верстах от уездного города Грязовца»(24, 79). Он отличался строгим уставом, который «замечателен как показатель монашеского жития 15 века, назидательные его правила послужили для утверждения многих святых обителей»(31, 171). Поэтому, чтобы понять, в какой среде проходило формирование характера Симона, следует хоть немного, да ознакомиться с этим уставом. Вот некоторые из его положений :

«...Строго запрещается иметь в монастыре или вне его, у своих сродников, какое-либо стяжание (имущество- авт.)...Никто да не берет в церкви или в трапезе, или в монастыре или вне его какую- либо вещь, малую или великую, для себя или службы монастырской, без благословения настоятеля или келаря, а если что найдет, пусть возвестит; если же утаит, явно что украл...»(31, 180- 181).

«Каждый брат да имеет две одежды, одну ветхую с заплатами, другую крепкую,...казначей раздает, по нужде, обувь и одежду каждому, испытывая, нет ли у кого трех...» (31, 179). «Никто из братии да не просит у кого- либо из иноков, или мирян, или сродников, денег или одежды, или чего другого себе, потому что так поступают от того только, что не хотят подчинить себя общему закону монастырскому или смириться пред казначеем»(31, 179).

«Пища и питие должны быть по уставу просты и смиренны. Никто без разрешения настоятеля не должен есть особенно и тайно у себя в келии или вне монастыря,...строго запрещают тайноядение общежительные правила, так как всякое зло от сего происходит» (31, 176- 178).

« Если кому есть дело до брата, пусть скажет ему слово у оконца келии и возвратится к себе, беседы же должны быть таковы, чтобы служить ко спасению и исправлению душ. Если кто из внешних (посторонних- авт.) придет к брату, не следует принимать его в келию или беседовать с ним без благословения настоятеля» (31, 178).

« Когда позовут на какое- либо монастырское дело, внутри или вне обители, все должны немедленно собраться, кроме немощных. Сошедшись же, работать без ссоры, прекословия или ропота. Во время работы каждый да остерегается суесловия, бесполезных вопросов и переговоров...Настоятель да определяет каждому свое дело. И посланный не должен отказываться н от какого послушания. Но со страхом Божиим исполнять оное, для общей пользы»(31, 182-183). «Нарушителя устава, как гнилой член, изгоняйте из монастыря, чтобы прочие страх имели...» (31, 184).

В соответствии с этим строгим уставом и строил свою жизнь молодой монах Симон. Поэтому «он скоро приобрел навык к иноческой жизни и в течение многих лет, до самой кончины преп. Корнилия (до 1537 г.), неисходно подвизался в обители, сделавшись примером для многих из братии и от всех заслужив себе уважение» (17, 487- 488).

«Задолго до кончины преподобного Корнилия Симон случайно познакомился с единонравным себе иноком соседнего Павлова монастыря Лонгином (или Логгином), и стал питать к нему братскую любовь, так как оба они стремились к одной цели, и ...во взаимных беседах часто выражали друг другу желание жизни пустынной, отшельнической. Оба находили уединенную жизнь более для себя полезной и спасительной»(17, 488). Лонгин был уже готов отправиться в желанную им « пустыню», но Симон не решался на это до тех пор, пока был жив его наставник, Корнилий. Поэтому лишь после его смерти, «Симон, подобно многим другим своим сподвижникам» (17, 488) покинул Комельский монастырь и вместе с Лонгином отправился на поиски места, где можно было бы начать отшельническую жизнь.

На некоторое время друзья остановились в сольвычегодском Борисоглебском монастыре (где, между прочим, среди братии оказалось много родных и знакомых Симона (17, 488)). Затем, покинув эту обитель, они пришли на место при устье речки Коряжмы. Там Лонгин, который был гораздо старше годами, нежели Симон, решил остаться. На этом самом месте впоследствии возник мужской монастырь в честь Святителя Николая (в настоящее время там существует православный приход, хотя здания монастыря сохранились и отреставрированы). В нем после своей кончины и был погребен преподобный Лонгин.

Симон помог другу построить келью и часовню, некоторое время прожил месте с ним, а потом ушел еще дальше в леса, за 60 верст от Коряжмы. Там, «на высоком и крутом берегу Вычегды, при устье речки Сойги, в дикой тогда пустыне, под сенью вековых деревьев, он поставил себе малую келию и стал подвизаться в совершенном уединении и безмолвии » (17, 489). Однако, позднее уединение Симона было нарушено, и к пустыннику постепенно начала собираться братия. В отличие от ученика преподобного Лонгина, Христофора, который до конца остался строгим отшельником и даже скрылся из своего монастыря, не желая расстаться с полюбившимся ему пустынножительством, Симон « вынужден был переменить первоначальное свое намерение относительно уединенной жизни»(17, 489). Таким образом, он стал основателем Спасо-Преображенского Сойгинского монастыря (в 1791 г. этот монастырь был закрыт (17, 490) и его первым настоятелем. Всего в этой обители он прожил 20 лет, и скончался 24 ноября (7 декабря по новому стилю) 1562 года.. В этот же день и совершается его память.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕВФИМИЙ АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ

Память об этом святом- покровителе г. Архангельска, ныне незаслуженно утрачена. Вошло в традицию праздновать 21 ноября, в Михайлов день, «именины города». Но мало кто знает, что у Архангельска, помимо Архангела Михаила, в честь которого наш город получил свое имя, есть еще один небесный покровитель. Это- Преподобный Евфимий Архангелогородский. Изображений его нет ни в одном из городских храмов. Их можно увидеть только в местном музее изобразительных искусств, да и книге архимандрита Никодима Кононова «Архангельский Патерик». Правда, в этой книге он ошибочно отождествляется с жившим за столетие до него Евфимием Карельским- основателем Николо- Карельского монастыря.

Сведений о жизни Преподобного Евфимия практически не сохранилось. Известно, что родом он был из Вознесения (стало быть, являлся местным уроженцем) и с 1585 по 1589 гг.(по другим данным, он жил гораздо раньше и умер в 1523 г.) был игуменом Михайло- Архангельского монастыря. Об его подвижническом житии воспоминаний и свидетельств не сохранилось.

Преподобный Евфимий Архангелогородский

Обретение мощей Евфимия Архангелогородского произошло 7 июля 1647 г. В этот день на дворе архангельского воеводы, боярина Юрия Петровича Буйносова- Ростовского кузнец из Холмогор Евстафий Трофимов рыл яму для установки кузнечного горна. Он углубился в землю всего-навсего на локоть, когда неожиданно оттуда показалась деревянная крышка. Кузнец решил, что нашел сундук с кладом. Но, к его разочарованию, находка оказалась старинным гробом. «Вот- те и барыш»!- только и мог вымолвить раздосадованный Евстафий. Тогда он стал насмехаться над усопшим: «вставай, помогай копать!» и попытался просунуть руку под крышку гроба. За этот кощунственный поступок Евстафия внезапно начало трясти, как в сильной лихорадке, а от резкой слабости он не мог даже пошевельнуться («ослабел весь, стало его трясти, руки отнялись»(33, 211). Тогда он понял, что наказан за непочтительное отношение к неизвестному подвижнику, который лежал в найденном им гробу, и принялся горько оплакивать свой поступок. Но исцелился Евстафий только после того, как по повелению боярина Буйносова- Ростовского, узнавшего о причине болезни своего слуги, была совершена панихида по неведомому угоднику Божию. Это было первое из чудес преподобного Евфимия Архангелогородского.

Воевода Буйносов- Ростовский стал первым почитателем памяти новоявленного святого. Между прочим, это связано еще с одним чудом, которое произошло с его собственной женой. Как рассказывает древняя повесть, в то самое время, когда кузнец Евстафий нашел мощи неизвестного подвижника, жена воеводы, «сидя в своей горнице, внезапно будто в исступление впала и услышала некий голос, который сказал : «на том месте, где кузнец древо наковальное водружает, лежит человек неведомый». И слышит другой голос, первому отвечающий: « лежит там не простой человек, но человек праведный» (7, 80). Проснувшись, женщина сочла это за бесовское наваждение (в терминологии современных людей- за галлюцинацию- авт.), поэтому поскорее перекрестилась и даже плюнула на землю, проклиная сатану. После этого « внезапно напал на нее страх и ужас, и начала голова странно дергаться»(7, 80). Тогда-то догадалась женщина, что видение ее было не «от лукавого», и поспешила исправить свою ошибку тем, что «пошла к обретенному гробу,

кланяясь, просила прощения, пропела панихиду и- выздоровела»(7, 80). Разумеется, что после таких удивительных событий, случившихся в его собственном доме, князь Юрий Петрович сделался горячим почитателем новоявленного чудотворца.

Стараниями воеводы Буйносова- Ростовского гроб с телом преподобного был перенесен в находившуюся недалеко от места его обретения деревянную церковь в честь Праздника Происхождения честных древ Креста Господня. При этом также совершилось несколько знаменательных чудес. Некий Михаил Медведкин, скептически отнесшийся к почитанию неведомого чудотворца, потерял рассудок и исцелился от навязчивых страшных видений только после слезного молитвенного обращения к тому, над кем он только что недоверчиво посмеивался. А страдавший 10 лет неизлечимой болезнью ног вдовый священник Воскресенской церкви Дмитрий Козьмин получил исцеление после того, как отстоял обедню (Литургию- авт.) у его гроба. (33, 212).

Однако имя неизвестного чудотворца архангелогородцы узнали лишь два года спустя. В 1649 г. он сам открыл его послушнику Михайло-Архангельского монастыря Косме Игнатьеву, которого исцелил от тяжелой болезни. «Вижу- вошел старец ко мне, брада седа вполовину»- так описывал позднее Косма своего загадочного посетителя (33, 215). «Имя мне Евфимий, а родом из Вознесения», - сказал он Косме, посоветовав молиться ему, «лежащему во гробе у Происхождения Честнаго Креста Господня». Послушник рассказал об этом игумену монастыря, Антонию. Благодаря этому знаем имя Преподобного Евфимия Архангелогородского и мы.

«Евфимием из града Архангельского» назвал он себя, явившись и жительнице Емецкого погоста, Ксении. А выглядел при этом, как «старец с постным лицом, борода с проседью невелика, в багряной ряске». Так он и изображен на стариной иконе, написанной в староверческой Выгорецкой пустыни- в виде благообразного старца со строгим лицом, в монашеском клобуке стариннного покроя. В одной руке его- игуменский посох. Пальцы другой сложены для двуперстного крестного знамения . Впрочем, строгость и суровость святого Евфимия не мешали ему исцелять не только больных взрослых, а и детей. Так, одиннадцатилетняя слепая девочка Софья Морозова прозрела после того, как однажды, ложась спать, по- детски искренне и горячо помолилась Евфимию Архангелогородскому с просьбой об исцелении. И в этом- удивительная близость Евфимия Архангелогородского с такими Русскими подвижниками, как Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский, которые с особенной любовью относились к детям!

В 1644 г. монахом Михайло- Архангельского монастыря Иосифом были собраны свидетельства о многочисленных исцелениях, совершавшихся от гробницы Преподобного Евфимия Архангелогородского. В 1650 г., по повелению Новгородского митрополита Никона (будущего Патриарха) игумен Антониево- Сийского монастыря Феодосий произвел освидетельствование его мощей. При этом «были найдены кости, а расследование чудотворений

убедило в святости Преподобного, который признан на игумена Михайлово-Архангельского Евфимия» (33, 216). Тогда же, вероятно, тем же Феодосием (7, 15), ему была составлена церковная служба (ее можно найти в январском томе Богослужебных Миней издания 1983 года) и написана его икона.

До начала 18 века мощи Евфимия Архангелогородского находились в храме Происхождения Честных Древ Креста Господня. При этом «целые селения с духовенством во главе, приходили и совершали молебствия у раки преподобного Евфимия, имя которого стало всюду известным»(7, 15). Впоследствии на этом месте была построена другая церковь- в честь Архангела Михаила, где были положены мощи Преподобного. Между прочим, церковь эта находилась в непосредственной близости от Свято- Троицкого кафедрального собора- главного храма нашего города. Вот так неразрывно переплелось почитание в Архангельске обоих его небесных покровителей- Архангела Михаила и Преподобного Евфимия Архангелогородского.

Здесь уместен вопрос- почему же имя Евфимия Архангелогородского практически неизвестно самим жителям Архангельска? Причем даже неплохо знакомым с православной литературой... Почему в городских храмах отсутствуют его иконы? Почему в 1901 году архимандрит Никодим поместил в своем «Архангельском Патерике» под этим именем житие совсем иного святого, тем самым отождествив Евфимия Архангелогородского с жившим за столетие до него Евфимием Корельским? Хотя как раз в это время сведения об обретении мощей и чудесах Евфимия Архангелогородского, собранные и замечательно пересказанные известным архангельским церковным

Архиепископ Афанасий. Со старинного портрета

археологом Иустином Михайловичем Сибирцевым, были опубликованы в «Архангельских епархиальных ведомостях»...Почему, наконец, изображение Евфимия Архангелогородского, находящееся в «Архангельском Патерике», было сделано художником- иллюстратором этой книги не в полный рост, а только «по плечи»? Случайности это или нет?

Ответ на этот вопрос может дать надпись, сделанная на той самой его иконе, что хранится в нашем краеведческом музее. Икона написана старообрядцами, почитавшими Преподобного Евфимия. Судя по этой надписи, сподвижником Петра 1, архиепископом Холмогорским и Важеским Афанасием (Любимовым), который сам в молодости «соблазнялся стоянием за старый обряд» (34, 239), а впоследствии стал его ярым противником, делались попытки упразднить почитание этого подвижника. По данным В. Верюжского, «в 1683 г. Афанасием было запрещено церковное чествование памяти преп. Евфимия в Архангельске»(7, 16). Впрочем, вряд ли архиепископ сделал это по неверию в святость Евфимия Архангелогородского. Скорее всего, по причинам совсем иного рода. В борьбе со старообрядчеством, которую вел на Севере этот архиерей, аргументом явно не в его пользу оказывалось то, что при обретении мощей Евфимия пальцы его правой руки были сложены в двуперстное крестное знамение. Разумеется, креститься иначе человек, живший в 16 веке, просто-напросто не мог. В то время именно так- двуперстно- крестились все- от царя до последнего нищего. Поэтому и на иконах Евфимия Архангелогородского изображали в виде благолепного, сурового старца, с двуперстным сложением руки для крестного знамения... Надо сказать, что по тем же причинам в 1667 г. при Патриархе Иоакиме было упразднено почитание блаженной княгини Анны Кашинской, умершей в 1338 г. При этом в дореволюционных источниках это объясняется тем, что «чудеса, приписанные к ее житию, оказались сомнительными» (35, 154). Только в 1909 г. память ее вновь стали праздновать (36, 853)... Известно, что « гробница и иконы Преподобного Евфимия существовали еще в 1683 г., вследствие чего преосвященный (Афанасий) требовал, « все подлинное писание» о преподобном прислать к нему в Холмогоры» (33, 216). А «в 1684 г. в Холмогорском архиерейском доме находилась железная решетка, что была у Архангельского города в церкви Архангела Михаила у гроба Евфимиева» (33, 216- 217)... В результате энергичной деятельности архиепископа Афанасия по борьбе со старообрядчеством, в том числе- в лице давно, еще до богослужебной реформы Патриарха Никона, умершего подвижника, Архангельск лишился одного из своих небесных покровителей- преподобного Евфимия. Исчезло даже место, где он был похоронен- «при перестройке церкви Происхождения Честнаго Креста и Архистратига Михаила место погребения Евфимия было скрыто»(7, 18).Но все- таки, несмотря ни на какие « споры о вере», память Преподобного Евфимия продолжала почитаться северянами. Особенно- староверами. И свидетельство тому- сохранившиеся в Архангельском краеведческом музее его иконы.

В настоящее время мощи Евфимия Архангелогородского утрачены. Нет и храма, где они находились когда- то... На том месте, слева от здания Гостиного двора, где стояла когда- то Михайло- Архангельская церковь, сейчас разбит сквер. Но память о святых неистребима никаким исчезновением и истреблением вещественных святынь. И может быть , в наступающем 21 веке, в числе имен выдающихся гражданских и церковных деятелей прошлого, наконец-то вернется к нам и имя незаслуженно забытого небесного покровителя Архангельска- Преподобного Евфимия Архангелогородского.

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛИПП, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ

Имя этого святого известно каждому человеку, знакомому с историей России. И, несмотря на то, что жил он давным - давно, в 16 веке, судьба его оказывалась по- своему близка людям последующих поколений. В дореволюционные годы он стал героем романа Шеллера- Михайлова «Дворец и монастырь». В советское время- одним из главных персонажей фильма С. Эйзенштейна « Иван Грозный». Его личность интересовала даже далеких от религии ученых советского времени. Например, историки В.И. Буганов и А. П. Богданов поместили рассказ о нем в своей книге с весьма характерным названием : «Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви». Причем они характеризовали митрополита Филиппа, как « бесстрашного и гордого правдолюбца, имевшего смелость выступить против деспота- царя и его кровавой опричнины, сложившего голову « за други своя» (19, 108- 109). Что же привлекало и привлекает к судьбе этого человека внимание и сочувствие потомков? Для ответа на этот вопрос обратимся к его яркой и трагической биографии.

Он происходил из старинного боярского рода Колычевых, «знатному по заслугам предков и искренне благочестивому» (16, 98). Родился 11 февраля 1507 года (1, 44). В миру звался Федором. Отец его, «боярин Степан Иванович, был любим великим князем Василием Третьим, как доблестный и заслуженный воевода, жена его Варвара была набожна и сострадательна к бедным. Она и скончалась инокиней с именем Варсонофии»(16, 98). Естественно, что Федор, как сын знатного и родовитого человека, состоял на службе при великокняжеском дворе. Поэтому бывал во дворце и был знаком с будущим царем Иваном, тогда еще ребенком. « Малолетний Иоанн считал его между своими приближенными» (1, 45).

Впоследствии этот мальчик стал Грозным царем. И его знакомство с юным Федором оказалось роковым для обоих. Когда Федор стал монахом, а затем игуменом Соловецкого монастыря, уже выросший к тому времени « Иоанн вспомнил о своем бывшем любимце. В его мирной беседе он надеялся найти умиротворение своей совести и вызвал его из пустыни, чтобы украсить им в своей столице престол святительский. Но впоследствии украсил и его самого венцом мученическим...»(16, 98). Впрочем, обо всем по порядку.

В 1537 году, будучи тридцатилетним молодым человеком, Федор Колычев, как повествует его житие, услышал в храме во время Богослужения Евангельские слова, навсегда определившие его дальнейшую судьбу-«никто не может служить двум господам, ибо или одного будет он ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а другому нерадеть» (Мф.6. 24). Федор воспринял эти слова, как призвание свыше и решил бежать из родительского дома, чтобы посвятить жизнь служению Богу. Как сообщает одна из версий его жития, на этот выбор могло повлиять то, что в правление вдовы Василия Третьего, Елены Глинской, «один из его родственников был повешен, другой пытан и долгое время содержался в оковах» (16, 98).

Федор выполнил свое решение. Тайком, в крестьянской одежде он скрылся из отчего дома и отправился в далекий Соловецкий монастырь на Белом море. Между прочим, некоторое время он прожил в деревне Хижи, близ Онежского озера, где поселился в доме местного жителя по прозвищу Суббота, в качестве пастуха (16, 99). Прожив там несколько месяцев, добрался он и до Соловецкой обители. В ту пору ею управлял игумен Алексий. Он и принял неизвестного странника, скрывшего свое настоящее происхождение, в число послушников.

Митрополит Филипп.

Нелегким оказался послушнический искус боярина Федора Колычева. Об этом весьма ярко повествует его житие. «Удивительно было видеть, как этот сын знаменитых и славных родителей, воспитанный в неге и покое, предавался суровым трудам: рубил дрова, копал землю на огороде, таскал камни, поднимал тяжести при рыбной ловле, и все это делал с усердием. Часто носил он на плечах своих гной (т. е. навоз- авт.) и на мельнице работал со всяким прилежанием. Случалось, что он испытывал от неразумных людей унижение и побои...Но все переносил со смирением и никто не знал, кто он и откуда»(1, 46). Спал на земле, подложив под голову камень...(14, 38).Сам Господь и Матерь Божия утешали ревностного послушника. По преданию, когда он работал в

хлебопекарне, ему явился образ Божией Матери (так называемый « Хлебенный», или « Запечный»). Как отмечают дореволюционные авторы его жития, произошло это « как бы в знамение того, что не высота служения, а чистосердечная ревность в прохождении его приближает нас к Богу» (1, 47).

Спустя полтора года Федор был пострижен в монахи с именем Филипп. Наставником его был иеромонах Иона Шамин, монастырский духовник и уставщик (14, 38), человек « высокой духовной жизни, который был в юности собеседником преподобного Александра Свирского, тогда уже прославленного в лике святых»(1, 47). По преданию, видя усердие Филиппа в несении послушаний и молитвенном делании, Иона предсказывал- « этот будет настоятелем в нашей обители»(1, 47). Действительно, спустя девять лет, в 1548 году, монах Филипп был избран настоятелем Соловецкого монастыря, став преемником игумена Алексия. Предварительно некоторое время он помогал ему в управлении обителью.

18 лет продолжалось игуменство Филиппа. « Соловецкий Патерик» дает такую характеристику его, как настоятеля-«распорядительный хозяин, кроткий правитель, мудрый наставник духовной деятельности- вот главные черты св. Филиппа в качестве игумена» (1, 49). Он не жалел сил и средств для благоустройства монастыря. При нем было увеличено число монастырских соляных варниц (« главного тогда источника доходов обители»(16, 100). Соединены каналами 52 монастырских озера. Построены мельница, а также скотный двор на Муксальмском острове, где держали оленей, и кирпичный завод. Построена каменная Успенская церковь и заложен главный храм обители- Спасо- Преображенский собор. Приобретены три колокола (до этого в монастыре были вместо колоколов деревянные и каменные доски-« била и клепала», стуком в которые созывалась братия к Богослужению). Для желающих вести пустынническую жизнь создан скит на Заяцком острове (16, 100-101). Внутри самого монастыря « заведены полезные ремесла»(1, 52). Позаботился игумен Филипп и об улучшении внутренней, духовной жизни монастыря. « Умножил монастырскую библиотеку, передав в нее и часть своих книг. Позаботился о сохранении местных реликвий, связанных с именами Зосимы и Савватия- основателей обители. В этом мы видим его стремление укрепить духовную связь всех поколений, обитавших на островах отшельников, придать большее значение самому монастырю, как издавна существующему центру святости» (37, 10). Много полезного и нужного сделал для Соловецкой обители ее игумен Филипп! И кто мог предвидеть тогда, что придет время, когда он покинет монастырь, и живым уже никогда не вернется в его стены?

За то время, пока Филипп жил на Соловках, многое изменилось за монастырскими стенами. Взошел на престол Российский тот самый царевич Иван, которого Федор Колычев знал еще ребенком. Теперь это был царь, вошедший в историю под именем Ивана Грозного. «Ревнивый до своей власти, он сделался подозрительным и жестоким,...а в 1565 году разделил все государство на опричнину и земщину, образовав для себя особый отряд

Опричник. Собачья голова на седле и метла символизировали ту беспощадность, с которой эти люди истребляли « изменников государевых».

телохранителей, которые назывались опричниками. Иоанн имел к ним полное доверие. Пользуясь этим, опричники делали на Москве все, что хотели, грабили и убивали ни в чем не повинных земских людей, а имения их отбирали в свою пользу. Никто не смел жаловаться на них царю» (14, 44).

В декабре 1563 года скончался Московский митрополит Макарий. В 1566 году, после того, как удалился на покой его преемник Афанасий, Иван Грозный решил избрать на его место игумена Филиппа. При этом «царь надеялся, что смиренный отшельник не станет вмешиваться в дела правления, а, сияя добродетелью, будет и царя освящать ею в глазах народа» (16, 101). Он вызвал его в Москву как бы ради « духовного совета».

Знал ли Филипп, что в Москве ожидает его престол первосвятителя? Он знал и большее- что там ждут его страдания и смерть. По преданию, перед отъездом Филиппа в Москву ему явился Христос. Он был Таким, как изображают Его на иконе, известной в народе, как « Спас Полунощный». Истерзанным, в терновом венце, сидящим в темнице. Филипп понял- это ждет и его. В память об этом хранилось на Соловках резное изображение Спасителя- каким видел Его игумен Филипп.

И вот, наконец, игумен Филипп оказался в Москве и узнал о желании Ивана Грозного, чтобы он стал Московским митрополитом. Филипп отказывался. Но в конце концов согласился. С одним условием. Чтобы царь отменил опричнину. «Это смелое требование сильно раздражило царя»(14, 46). Но все же он глубоко уважал соловецкого настоятеля. Поэтому Филипп стал митрополитом Московским. При этом он оставил за собой право «заступаться за невинно гонимых и говорить царю о правде Евангельской и о правах Церкви во все тех случаях, когда они попирались»(14, 46). Произвол опричников на некоторое время приостановился. Однако только на время.

Спустя год, «по возвращении царя из безуспешного похода Литовского»(16, 102), начались поиски виноватых и изменников. Бесконечной чередой шли аресты, пытки и казни виновных и невиновных людей. «Москва как будто замерла от ужаса, опустели площади и улицы столицы, на них валялись не погребенные трупы»(16, 103). Единственным человеком, осмелившимся обличить жестокость царя, оказался митрополит Филипп. Возможность быть за это казненным его не страшила. Он принадлежал к

числу людей, которых можно убить, но заставить лгать- невозможно. Митрополит не побоялся даже отправиться в гнездо опричников- Александровскую слободу и попытаться уговорить царя остановить террор. Разумеется, безуспешно. Как ни старался Иван Грозный заставить замолчать непокорного владыку, Филипп не желал быть « молчаливым соучастником» его злодеяний. «Молчание неуместно теперь- оно размножило бы грехи и пагубу»- заявил он царю. Позднее, когда в Крестопоклонное воскресенье (2 марта 1568 г) Иван Грозный с отрядом опричников, наряженных в подобия монашеских одеяний, пришел в Успенский собор, Филипп отказался благословить его. «Ни в одежде, ни в делах не видно царя. У язычников есть закон и правда, а на Руси нет правды, в целом свете уважают милосердие, а на Руси нет сострадания даже для невинных и правых. Убойся, государь, суда Божия»(16, 105)- такими словами попытался он пробудить совесть царя Ивана. И опять напрасно… К сожалению, Филипп был одинок в своем « стоянии за правду». Прочие священнослужители держались иной политики-« добро во всем царя слушать и волю его творить, а его не гневить»(14, 48).

Христос в темнице (« Спас Полунощный»). Современная греческая икона.

С этого времени над головой митрополита Филиппа стали сгущаться тучи. Были пущены в ход доносы и лжесвидетельства, чтобы погубить его. Этому способствовали некоторые враждебные Филиппу иерархи. Например, новгородский архиепископ Пимен, который горел желанием занять место Филиппа. К сожалению, даже в Соловецком монастыре нашлись люди, которые поддались на посулы и оклеветали своего бывшего настоятеля. Впоследствии, когда в услугах предателей перестали нуждаться, судьбы их сложились несчастливо. Одни угодили в ссылку, другие сошли с ума и умерли в мучениях (1, 65). А Пимен вместо желанного им первосвятительского сана получил совсем иное, « подвергшись неслыханным униженьям и

издевательствам» (38, 232). В 1569 году, во время кровавой резни, которую учинил Иван Грозный в Новгороде, Пимена, обвинив в заговоре против царя, низложили. Затем, в качестве издевки, дали ему в руки дудку- волынку и посадили на кобылу. « Получи вот эту жену, -произнес самодержец, - отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов»(38, 232). После такого потрясения Пимен прожил всего-навсего 14 месяцев... (38, 240)

Поводом к расправе над Филиппом стал случай, когда он при царе сделал замечание некоему опричнику, не снявшему шапку во время крестного хода в Новодевичьем монастыре при чтении Евангелия. Опричник успел-таки вовремя обнажить голову, прежде чем царь оглянулся на него. В результате « Иоанн в гневе называл Филиппа обманщиком, мятежником и клялся изобличить его во всем» (1, 61). Митрополит хотел добровольно уйти с на покой. Но Ивану Грозному хотелось иного. Хотелось увидеть гибель своего врага. Филиппа обвинили в колдовстве и осудили на пожизненное заключение. Впрочем, Иван Грозный требовал, чтобы его сожгли (16, 107)... Настолько велика была его ненависть к митрополиту Филиппу.

8 ноября во время Литургии, которую совершал митрополит, в Успенский собор ворвались опричники. Они перед народом прочли Филиппу царский приговор. Затем сорвали с него облачение, избили метлами, кинули в дровни и, осыпая бранью, отвезли в Богоявленский монастырь, где заковали в цепи. Удивительно, но при этом Филипп еще находил силы, чтобы уговаривать народ «терпеть, уповая на Бога»(16, 108). Современный историк Р. Г. Скрынников замечает, что « процедура низложения Филиппа была продумана Грозным до мельчайших подробностей. Он стремился придать ей такую форму, которая поразила бы земщину» (38, 227).

С этого времени дальнейшая жизнь свергнутого митрополита представляла собой сплошную цепь страданий. Царю словно доставляло удовольствие снова и снова добивать уже осужденного человека. А также- его родственников, единственная вина которых состояла в их родстве с опальным святителем. « Н.И. Костомаров рассказывает, что с досады Грозный казнил еще нескольких Колычевых» (37, 10). Особое удовольствие для царя состояло в том, чтобы Филипп узнал об этих казнях, и таким образом, испытывал бы дополнительные страдания. Именно поэтому Иван Грозный послал опальному митрополиту страшный подарок- голову его любимого племянника Ивана. Причем прислал с таким жестоким « напутствием»- « вот твой любимый сродник, не помогли ему твои чары»(16, 108). Филипп благословил и поцеловал голову, а затем отослал ее назад... Позже его перевели в Никольский монастырь. Неделями не давали ему есть, забили шею в колоду. Мало того- в келью, где он содержался, поместили голодного медведя. На другой день Иван Грозный специально приехал посмотреть- не растерзал ли медведь Филиппа. Но, к недовольству царя, даже голодный зверь оказался добрее, чем он, и не причинил осужденному вреда.

Митрополит Филипп был осужден и заточен. Но в народе шла молва об его неповинном страдании. Около Никольского монастыря постоянно толпился народ, почитавший митрополита, как святого. И тогда царь распорядился увезти заключенного в Тверь, в Отрочь монастырь. Там он пробыл около года, пока не был по приказу царя задушен его верным слугой, опричником Малютой Скуратовым. Имя этого человека стало нарицательным для обозначения безжалостного злодея.

Когда в 1569 году царь Иван отправился в поход на якобы изменившие ему Новгород и Псков, то, проезжая мимо Твери, послал Малюту просить благословения Филиппа «на путь в Новгород». По преданию, Святитель Филипп предчувствовал свою близкую кончину. Поэтому, когда в его келье-темнице появился Малюта, он понял, что приблизился его смертный час. Впрочем, ему еще можно было сохранить себе жизнь, смирившись перед волей грозного царя, и благословив его карательный поход. Но Филипп отказался это сделать, тем самым совершив свой последний подвиг. «Делай, что хочешь, но дара Божия не получают обманом»- ответил он убийце (16, 109). По другой версии жития Филипп « заявил, что благословляют только добрых на доброе» (37, 10). И тогда Скуратов задушил беззащитного старика подушкой. Это случилось 23 декабря 1569 г. Тут же, в присутствии Малюты, тело опального митрополита было предано земле. В 1591 г. его мощи были перевезены на Соловки, где от них стали совершаться чудеса. А в 1652 году, по поручению царя Алексея Михайловича Новгородский митрополит Никон перевез их в Москву, в Успенский собор, где они находятся и поныне. Между прочим, по преданию, на Соловках Никону было предсказано, что он будет Патриархом. Это сбылось вскоре. Когда Никон с мощами Святителя Филиппа приехал в Москву, то именно он, «собинный (особенный, лучший- авт.) друг» царя Алексея стал преемником умершего патриарха Иосифа. Но это уже-тема для другого рассказа.

Память Святителя Филиппа совершается трижды в год- по новому стилю- 22 января и 18 октября. А 16 июля празднуется день перенесения его мощей из Соловков в Москву.

В памяти народной митрополит Филипп был и остается примером « стояния за правду». Многие поколения людей черпали силы в перенесении бед и скорбей в повестях об его трагической и славной судьбе. Возможно, что и сейчас рассказ о нем не оставит равнодушным современного человека. Ведь тема противостояния произволу и насилию, против которых он, не щадя себя, восставал при жизни, не потеряла своей злободневности и в нынешние времена.

ПРЕПОДОБНЫЕ ИОАНН И ЛОНГИН ЯРЕНГСКИЕ

О жизни этих святых не известно практически ничего. Они были простыми послушниками (даже не монахами, а «бельцами» (39, 89)) Соловецкого монастыря Было это в ту пору, когда настоятелем Соловецкой обители был игумен Филипп (Колычев), впоследствии Московский митрополит, принявший мученическую смерть при царе Иване Грозном. «Проводя жизнь в строгом посте и внимании к своей совести, они были усердными исполнителями воли своего игумена» (1, 67). Грамоте не учились. Были людьми простыми, но глубоко верующими. Внутренняя жизнь их осталась тайной даже для их современников и собратий по монастырю.

Иоанн и Лонгин Яренгские

Послушания, которые они выполняли в Соловецком монастыре, были «чернорабочими», связанными с физическим трудом- строительством, перевозкой по морю в обитель различных необходимых там грузов.

В 1561 году, возвращаясь в монастырь на судах, нагруженных строительными материалами для обители, Иоанн и Лонгин попали в бурю и утонули. Тела их были найдены на побережье, в 120 верстах от монастыря, и похоронены в селении Яренге. От мощей их стали совершаться чудеса. Поэтому над могилами их была построена часовня, а впоследствии – храм в честь Святителя Николая Чудотворца. При церкви этой образовался небольшой мужской монастырь. «В 1635 г. Яренгский монастырь со всеми землями и угодьями селения Яренги, по ходатайству патриарха Иоасафа, грамотою царя Михаила Федоровича, отдан был в ведение Соловецкого монастыря» (1, 68). Именно с этим, а также с тем, что « яренгские чудотворцы Иоанн и Лонгин труждалися в древние лета в Соловецком монастыре»(1, 69), было связано то, что в первой половине 17 века в Яренгской обители был построен храм в честь Преподобных Зосимы и Савватия. Соловецких чудотворцев. При этом « в 1638 г. состоялось торжественное перенесение мощей угодников Божиих из старой Никольской церкви во вновь созданный в Яренге храм во имя Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких»(39, 89). На левой стороне храма были положены мощи Лонгина. На правой- Иоанна (1, 69).

В 1764 г. Яренгский монастырь был закрыт. А церковь в честь Преподобных Зосимы и Савватия стала приходским храмом (1, 69). Как сообщается в церковном календаре на 1998 год, изданном Соловецким монастырем, « в настоящее время мы не располагаем какими- либо сведениями о дальнейшей судьбе святых мощей Иоанна и Лонгина Яренгских, Соловецких чудотворцев» (39, 89).

ПРЕПОДОБНЫЕ ВАССИАН И ИОНА ПЕРТОМИНСКИЕ

Они были современниками Иоанна и Лонгина Яренгских, и учениками Соловецкого игумена Филиппа (Колычева). « Св. Филипп особенно старался укоренить в управляемых им иноках дух трудолюбия и послушания»(1, 70), и Вассиан и Иона, как сообщает их житие, усердно выполняли все те дела, которые возлагало на них монастырское начальство.

Вассиан и Иона погибли во время той же самой бури на Белом море, когда и Иоанн с Лонгином. Тела их были выброшены морем на восточном берегу Унской губы в 118 верстах от Архангельска. К удивлению местных крестьян- рыбаков, которые их обнаружили, они оказались нетленными. Птицы, которые кружились над телами Вассиана и Ионы, как бы «были отгоняемы невидимою силою»(1, 71). Крестьяне решили похоронить неведомых им погибших монахов около своего приходского храма. Но когда они, положив тела в лодку, направились к своему селу, то внезапно сделалось

темно, так что они не могли добраться домой и были вынуждены остаться на берегу на ночлег. Ночью « в видении явились им преподобные Вассиан и Иона и сказали : « положите нас на пустом месте, в бору, под большою сосною, а в свое селение не возите...Когда Богу угодно будет, Он и на этом месте устроит храм»(1, 71). Проснувшись, рыбаки похоронили найденные тела в одной могиле под сосной на бору, поставив над ней деревянный крест.

В 1599 г. в этих местах оказался монах Троицкой Сергиевой обители Мамант, проездом по дороге в село Луды, где находились монастырские солеварни (24, 58). Четыре дня не мог он отправиться в дальнейший путь из-за неблагоприятного сильного ветра. И вот тогда во сне явились ему Вассиан и Иона. Рассказав о своей гибели во время бури, они указали ему место своего погребения и попросили поставить над их могилой часовню. Когда Мамант исполнил это, ветер стал попутным, и он мог продолжать свое путешествие (1, 71).

Постепенно « чудеса и явления преподобных прославили место погребения их во сей северной стороне, так что прохожие и мореходцы, приставшие к берегу, считали своим долгом помолиться в часовне и оставить там жертву своего усердия- деньги и свечи» (1, 71). Дальнейшие события оказались сходными с теми, которые произошли на Яренге, на месте погребения Иоанна и Лонгина- рядом с могилой Вассиана и Ионы возник мужской монастырь. Основал его некий «старец из российских монастырей» (1, 71). В сборнике «Православные русские обители» упоминается о том, что его звали Иоасафом, и он был иноком Александро- Свирского монастыря (24, 58). Источником пропитания его служили пожертвования, которые оставляли при часовне путешественники, надеявшиеся, что, по молитвам Преподобных Вассиана и Ионы путь их окажется безопасным.. Позднее к первому иноку, жившему при часовне, присоединились другие. Вот имена некоторых из них- Савватий, Дионисий, иеромонах Ефрем, мирянин Козьма со своим сыном... С помощью богомольцев, плывших в Соловецкий монастырь, и застигнутых в этих краях бурей, обитатели маленького монастыря сумели построить храм над мощами Вассиана и Ионы. Однако в течение пяти лет его никак не удавалось освятить. Потому что в это самое время Русь переживала один из самых трагических периодов своей истории- Смутное время. Безвластие, беспорядок и беспредел отразились и на судьбе храма в далеком северном краю. Дважды пытались монахи отправить кого-либо из братии в Вологду, к тамошнему архиепископу с просьбой об освящении монастырской церкви над мощами преподобных Вассиана и Ионы. И дважды эти попытки кончались неудачей. Где-то на полпути между Вологдой и Пертоминском погибли от рук разбойников- литовцев сперва иеромонах Ефрем, потом- Козьма со своим сыном.... Постепенно из братии Пертоминского монастыря остался один Савватий. Только в правление первого царя династии Романовых- Михаила- «благосостояние обители было упрочено, она была наделена различными земельными угодьями» (24, 58). При этом новый настоятель монастыря, иеромонах Иаковом, позаботился о

благоустройстве Пертоминской обители. В ней был построен храм в честь Праздника Преображения Господня (вероятно, это было связано с тем, что Соловецкий монастырь, где жили Вассиан и Иона, был Преображенским) и устроена рака над могилами Вассиана и Ионы.

С судьбой Пертоминского монастыря связана история о посещении его царем Петром 1, неоднократно бывавшим на Севере. « 2 июня 1694 г. Петр, застигнутый бурей во время путешествия из Архангельска в Соловки, вынужден был высадиться на берег возле обители, в которой и пробыл несколько дней со всею своей свитой» (24, 58). При этом произошло открытие мощей Вассиана и Ионы. В присутствии царя его спутник и сподвижник, архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий освидетельствовал вынутые из могилы мощи. Затем они были «с честью положены в Преображенском соборе обители 5 июня 1694 года»(24, 58). А в память своего спасения от бури Петр 1 поставил на берегу, на месте своей высадки, сделанный им собственноручно деревянный крест с надписью на голландском языке «этот крест сделал капитан Петр в лето Христово 1694 г.» (24, 59). В « Соловецком Патерике» упоминается о том, что такая же надпись на кресте была сделана и на русском языке (1, 73). Впоследствии этот крест хранился в Свято- Троицком кафедральном соборе г. Архангельска. Сейчас он находится в экспозиции городского краеведческого музея.

Время оказалось беспощадным к Пертоминскому монастырю. В настоящее время он существует только на страницах старинных его описаний. Однако почитание Вассиана и Ионы Пертоминских на Севере продолжается. День памяти их по новому стилю- 25 июня.

ПРАВЕДНЫЙ ПЕТР ЧЕРЕВКОВСКИЙ

История жизни этого северного святого поражает своей трагической простотой. Особенно в наше время, когда мы осмысливаем духовный опыт подвижников 20 века, которые в православной литературе получили наименование «новомучеников». Под наименованием этим скрываются судьбы множества простых людей, которые предпочли умереть, но не предать свою веру. Где искать истоки их подвига? Вероятно, в опыте святых предыдущих столетий. Таких, как уже известный нам митрополит Филипп. Или таких, как простой сельский священник из села Черевково Сольвычегодского уезда, живший в конце 16- начале 17 веков, отец Петр.

О нем мало что известно. Да и то немногое, что мы знаем о нем, сохранилось благодаря устному преданию- воспоминаниям прихожан села, где он жил. Отец Петр был простым сельским батюшкой. Служил в приходской Никольской церкви села Черевково. При этом храме прошла вся его жизнь. Известно, что он отличался праведной жизнью. А все свои доходы делил на три части. Одну- отдавал на храм. Другую- беднякам. Ну, а третью тратил на содержание своей семьи. Житие сообщает, что «он был любим и уважаем всеми» своими прихожанами (17, 629).

В Смутное время (9 июля, точный год неизвестен (17, 629) Черевково посетили незваные гости- «шайка грабителей- ляхов»(поляков(17, 629)). В это самое время отец Петр совершал в Никольском храме Литургию. Закончить ее он не успел. Разбойники выволокли его из церкви во всем облачении , привязали к конскому хвосту и пустили коня вскачь... Так погиб старенький сельский батюшка, отец Петр. Возможно, что мог бы остаться в живых, как оставались в живых те, кто по требованию врагов, совершал кощунственные поступки. Он предпочел умереть, не предав свою веру.

Впоследствии от места его погребения стали совершаться чудеса. Поэтому жители села Черевково поставили над его могилой деревянную часовню, которая существовала до начала 20 столетия. Почитался праведный Петр местно. Поэтому в православных святцах имя его не упоминается.

ПРЕПОДОБНЫЙ КИРИЛЛ СЫРЬИНСКИЙ

В житии преподобного Кирилла Сырьинского, составленном архимандритом Никодимом и помещенном им в «Архангельский Патерик», о жизни этого северного святого сообщается следующее.

Кирилл был сыном священника, служившего в Чекуевском приходе Онежского уезда Архангельской губернии. В миру его звали Кириаком. «Год рождения его, как и других важнейших событий из его жизни остался неизвестным. Можно думать, что рождение Кириака падет на последнюю четверть 15 века, а деятельность его и кончина- на 16 век» (2, 80).

Кириак рано осиротел. Будучи «не привыкшим к тяжелому сельскому труду, не желая быть кому- либо в тягость», он решил поступить в какую-либо из местных обителей. Таким монастырем, куда пришел сирота-подросток, оказался Александро- Ошевенский монастырь, стоявший в 42 верстах от г. Каргополя. Там Кириака приняли в число братии, причем в монашеском постриге он получил имя Кирилл. « Под руководством опытного старца- духовного отца Кирилл последовательно трудился во всех монастырских службах, с послушанием и любовью исполняя приказываемое» (2, 80). Был и пономарем, и просфоры пек... В монастыре Кирилл выучился грамоте- чтению и письму, что дало ему возможность хорошо изучить Священное Писание.

Впоследствии, спустя много лет, Кирилл с благословения настоятеля покинул Ошевенский монастырь. От Новгородского архиепископа принял сан священника и некоторое время жил в селе Кенозере, а потом у себя на родине- в Чекуеве, где в местном храме совершал Богослужения. « Из Чекуева он перебрался на близлежащую Сырью- гору, где и основал обитель, построил храм в честь Успения Пресвятой Богородицы и, после многолетних трудов, в маститой старости, скончался» (2, 81).

XVII ВЄК

б этом столетии написано немало научных книг. Немало написано о нем также и повестей, и романов. Потому что это столетие было нелегким, полным трагических событий временем для всей России. Временем, когда смятение царило и в стране, и в душе каждого отдельного человека- от царя до последнего бедняка. Именно в это столетие люди больше всего задумывались – уж не грядет ли конец света? Ведь в этот « бунташный» век бушевала на Руси Смута. Затем события церковного раскола разделили русских людей на два враждебных друг другу лагеря- « раскольников» и «никониан»- как « величали» друг друга в пылу споров ставшие вдруг смертельными врагами друг другу православные люди. Но это не могло остановить многих простых людей в их стремлении жить « во всяком благочестии и чистоте», подражать в своей праведной жизни святым давнего и недавнего прошлого. Действительно, среди подвижников этого времени мы видим множество подражателей жизни тех, кто служил Богу прежде них. В этом столетии появляется немало святых, которые были не иноками, а мирянами. К их числу относятся Прокопий Устьянский, Фома, Иоанн, Иродион, Михаил и Василий Сольвычегодские. В святцах этого времени встречается и несколько женских имен. Например, Иулиании Сольвычегодской и Параскевы Кеврольской, сведениями о которых мы, к сожалению, не располагаем.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОВ УЩЕЛЬСКИЙ

Биография Иова Ущельского небогата на факты. О том, когда и где он родился, жития умалчивают. Автор «Архангельского Патерика», архимандрит Никодим, начинает рассказ об Иове Ущельском так: « где и когда родился сей угодник Божий, остается неизвестным. Известно только, что он носил фамилию Мазовского и отца его звали Патрикием»(2, 51). Зато мы хорошо знаем то, что впоследствии он ушел в Соловецкий монастырь. Там и принял монашеский постриг с тем именем, под которым мы его и знаем- Иов. 10 ноября 1607 г. по приезде на Соловки, в одном из монастырских храмов- Благовещенском- митрополит Новгородский Исидор посвятил Иова в иеромонахи. После этого Иов жил в Соловецком монастыре еще семь лет, а затем навсегда покинул его, чтобы создать на Севере новую обитель.

Долго ли, коротко ли он странствовал по бескрайним северным лесам- неизвестно. Наконец, подходящее место для будущего монастыря было найдено. Находилось оно на стыке трех рек- Мезени, Вашки и Езега (на современных картах- Ежуги- авт.). Побывавший в1856 г. в этих краях русский

писатель- этнограф С.В. Максимов оставил яркое описание этого « прелестного, *картинного прибрежного вида»* (40, 487) в своей книге « Год на Севере». Там, « на крутом, картинном мысу, или щелье (т.е. речном мысу) Иов поставил деревянную часовню в честь Праздника Рождества Христова.

Преподобный Иов Ущельский. Со старинной иконы.

Судя по рассказу архимандрита Никодима, местные жители не воспротивились тому, чтобы по соседству с ними появился монастырь. «Устьвашские крестьяне призвали Иова на пустое место, на Ущелье, чтобы здесь устроить монастырь. Другого монастыря вблизи этого места не было, а жить без святой обители русским людям было тяжело, вот побуждение для устроения Ущельской обители»- так пишет об этом архимандрит Никодим (2, 52). В этом повествовании есть одна неточность. На самом деле «в Юромском стане, ниже по Мезени» к тому времени существовал мужской монастырь- Троицкая Чирцова пустынь (41, 3). Однако, основание в этих краях еще одной обители стало, несомненно, важным событием в освоении северных земель. Возможно, в этом не последнюю роль сыграло то, что Иов был священником. Стало быть, для местных жителей становилось более доступным и исповедаться, и причаститься, и младенца окрестить, и покойника отпеть…Да и для желающих принять монашеский постриг не надо было покидать родные места. Ведь монастырь, куда можно было бы уйти, оказывался совсем рядом.

Становление Ущельского монастыря было непростым. У него не было ни собственных земель, ни угодий, ни средств, чтобы вести строительные работы. Поэтому первые его обитатели вынуждены были жить в домах своих родственников. Об этом известно из текста царской грамоты, которую приводит в своей книге архимандрит Никодим : «которые крестьяне постригаются в чернцы и в схиму, и им жить негде, живут по своим домам с

женами и детьми...» (2, 53-54) Однако, монастырь продолжал жить и строиться. Безусловно, в этом была заслуга его основателя- Иова, который, в пору своей жизни на Соловках, научился терпеть и преодолевать всевозможные трудности, а также имел немалый духовный опыт.

Помощь Ущельскому монастырю оказал царь Михаил Федорович Романов, который, в ответ на прошение иеромонаха Иова о пожаловании обители земельных угодий, 14 августа 1615 г. « велел пустое место Ущелью от Устьжуги реки да верх по Мезени до Ужорския виски и Ужорскую виску для рыбной ловли да черного лесу по 2 версты в гору, и два островка присадные на Мезени реке дати на оброк Рождеству Христову к угодищу для монастырского строения, да рыбные ловли на Мезени реке против тое ж ущелья...» (2, 53)

После того, как у Ущельского монастыря появились свои земли, строительство его пошло быстрее. Вместо деревянной часовенки появился храм в честь Рождества Христова. Конечно, тоже деревянный, какими обычно и бывали храмы в зарождающихся северных монастырях. Братия переселилась из изб в кельи. Разумеется, строился монастырь силами тех, кто жил в нем- монахов и послушников. Вместе они рубили здания, возделывали землю, заготовляли сено. Работы эти, в которых участвовали все обитатели монастыря, традиционно назывались « общими послушаниями ».

Спустя 13 лет после того, как царь Михаил Федорович одарил Ущельский монастырь угодьями, в обитель пришла беда. 5 августа 1628 г., когда иноки ушли убирать сено, а в монастыре оставался только один Иов, туда пришли незваные гости, оказавшиеся разбойниками. Судя по описанию местных сел, сделанному С. Максимовым, разбойники в тех краях в старину были не редкостью, Поэтому среди местных преданий еще в 19 веке сохранялись рассказы об этих « лихих людях». В поисках денег они обыскали обитель, а самого Иова избивали и жгли огнем, надеясь пытками заставить его отдать казну обители. Как ни пытался убедить их Иов, что у иноков нет иных сокровищ, кроме икон и книг, грабители не верили. Вдоволь поиздевавшись над беззащитным стариком, злодеи отрубили ему голову и скрылись. Горю братии, обнаружившей своего наставника мертвым, не было конца. На другой день после убийства Иова он был похоронен рядом с монастырским храмом. Знаменательно, что на похороны его пришло множество местных жителей, для которых смерть Иова, «успевшего выполнить долю просветителя и в обители давшего краю твердый оплот Православия» (2, 58) была горестной утратой.

Вскоре после кончины Иова началось почитание его, как святого. От гробницы его, а также от бревна (кокоры), на которой он был обезглавлен, стали совершаться исцеления больных и другие чудеса(в 17 веке их насчитывалось более 50). Остатки «кокоры» хранились в местной церкви, и, по свидетельству С.В. Максимова, она была « вся обгрызана, потому что щепы от нее, судя по народной вере, взятые в рот, успокаивают зубную боль»(40, 487). Спустя 30 лет после убийства Иова, в 1658 г., была написана его

икона. Еще два года спустя появилось его житие. В 1732 г. по благословению Архиепископа Архангельского и Холмогорского Варсонофия мощи Иова Ущельского были освидетельствованы, причем тело его было найдено « целым и нетленным, а бывшие на нем одежды не могли даже порвать».

Основанный Иовом монастырь просуществовал более столетия, постепенно запустевая. Сперва он стал пустынью, а с 1838 г. – приходом. 5 декабря 1900 г. Указом Святейшего Синода Ущельский монастырь был открыт вновь, но уже как женский, и существовал два десятилетия, до 1920 г., пока, подобно другим северным монастырям, не был закрыт. В настоящее время, судя по рассказу директора Лешуконского краеведческого музея, С.Н. Антоновой, «на месте бывшего монастыря не сохранилось никаких построек. Есть там обетные кресты. На месте предполагаемой могилы преподобного Иова поставили небольшой крест и православные ходят туда на поклонение 18 августа»(в день памяти Иова Ущельского)(42, 127).

ПРЕПОДОБНЫЙ ДИОДОР ЮРЬЕГОРСКИЙ

Судьба Диодора Юрьегоркого связана с двумя монастырями. Одним из них был Соловецкий, где он начинал свою иноческую жизнь. Другим-впоследствии основанный им монастырь Юрьегорский, по названию которого Диодор (нередко его называют и другим именем- Дамиан) получил свое прозвание-«Юрьегорский».

Родился Диодор в конце 16 века в селе Турчасове Каргопольского уезда. Житие сообщает, что отца его звали Ерофеем, а мать- Марией (6, 422). У их сына Диомида (Демида- так звали св. Диодора в миру) рано проявилась склонность к монашеской жизни. В 15-летнем возрасте он ушел на богомолье в Соловецкий монастырь и остался там на долгие годы. Спустя примерно 4 года его постригли в монахи, назвав Диодором. Между прочим, в переводе с греческого это имя звучит, как «Божий дар».

Родители не стали противиться выбору сына. Более того- его отец Ерофей сам под старость пришел на Соловки, и провел там последние годы, приняв монашество. Житие сообщает, что Диодор сам похоронил своего отца.

Преподобный Диодор Юрьегорский

За годы жизни на Соловках у Диодора сформировалось желание отшельнической жизни. Несколько раз он покидал монастырь. Однажды ушел « в пустыню» на сорок дней, «питаясь только водой и росой»(6, 425). К счастью для него, его обнаружили соловецкие монахи и еле живого принесли в обитель. Возможно, что после этого у любого другого человека мечта о пустынножительстве исчезла бы навсегда. Но Диодор принадлежал к людям иного склада характера. Когда он немного окреп, то снова ушел в лес, где поселился в сделанной своими руками хижине, «трудясь днями и проводя ночи в молитве»(6, 425).

Между прочим, Диодор был не единственным отшельником, обитавшим в ту пору на Соловецких островах. Его житие упоминает и о других. Например, о некоем мирянине Никифоре, выходце из Новгорода. Этот пустынник ходил по лесу совершенно нагим. Даже в зимнюю пору он не надевал на себя никакой одежды (6, 426). Этот Никифор был знаком Диодору. Познакомился он и с другим пустынником, уроженцем Тульской губернии, по имени Тимофей (в « Соловецком Патерике» сообщается, что, помимо Тимофея, аналогичную жизнь вел бывший рабочий с монастырских солеварен по имени Андрей, который после бывшего ему видения, в течение 38 лет питался только травой и не носил никакой одежды (1, 75)) . Он рассказал Диодору о том, как однажды умирал от голода, один среди дремучего леса. И вдруг явился ему « некий светлый старец и указал ему траву, которой он должен питаться» (6, 426). Эта трава спасла Тимофея от голодной смерти. Ничего другого, кроме травы, он не употреблял в пищу… Среди таких- то пустынников жил и Диодор, подражая их подвигам, добровольно терпя голод и холод. Периодически он все-таки возвращался в Соловецкий монастырь, где не мог не удержаться от рассказов о дивных пустынниках. Под впечатлением от услышанного и некоторые другие соловецкие монахи удалились из обители и стали отшельниками.

Естественно, у Диодора нашлись недоброжелатели среди иноков. «Он пустыни наполняет братиями, которых уводит из монастыря. Проживая там, они уже не трудятся для обители»,- так выражали они свое недовольство (6, 427). В конце концов, когда под влиянием Диодора ушел в лес «на пустынное житье» больничный келарь Кирик, врачебное искусство которого было крайне нужно монастырю, их терпение лопнуло. Отшельников вернули в монастырь силой. А Диодора, «как виновника всему и как главного злодея, заковали в железо и бросили в больницу»(6, 427). Тогда он понял, что на Соловках его желание быть отшельником не может сбыться, и бежал из монастыря. Переплыв море на лодке, он поселился в пустынной местности на реке Кене. Однако, местные крестьяне отнеслись к тому, что на их землях поселился монах, крайне негативно. Произошла история, напоминающая подобные ситуации из житий Антония Сийского и Иова Ущельского. Пустынника «избили, сожгли келью и лодку, таскали за ноги и оставили еле живым» (6, 428). Правда, после того, как у Диодора нашелся заступник в лице влиятельного в тех местах человека, крестьяне попросили у него прощения.

Даже выражали желание, чтобы он и дальше жил там, где и прежде. Однако Диодор ушел в другое место, находившееся в «147 верстах к юго- западу от города Онеги» (6, 429), где спустя семь лет жизни в полном одиночестве основал монастырь в честь Святой Троицы.

Становление его было аналогичным со становлением других северных обителей. Например, Сийского монастыря. Недостаток во всем, малое число братии, жизнь, полная лишений. Такое не всякому оказывалось под силу. Но все- таки монастырь пережил все это. Разумеется, в значительной степени благодаря своему основателю, который поддерживал братию силой собственного примера. Диодор постарался обеспечить и материальное благосостояние своего детища- Троицкого монастыря. Ради этого он даже посетил Москву, где познакомился с инокиней Марфой (в миру- боярыней Ксенией) ,матерью первого царя династии Романовых, Михаила. Марфа не только сама сделала пожертвования на монастырь, но и « сказала о пустыннике своему сыну, царю Михаилу Федоровичу»(6, 431). Благодаря этому Диодор стал известен при царском дворе.

Игумену Диодору суждена была долгая и нелегкая жизнь. Умер он 27 ноября 1633 года, в Каргополе, куда приехал по монастырским делам. Там и был похоронен. Однако спустя два месяца братия Троицкого монастыря перевезла его тело в основанную им обитель. Похоронен он был рядом с монастырским собором. Позднее, когда в 1764 году Юрьегорский монастырь был закрыт и обращен в приход, мощи Диодора Юрьегорского находились под спудом в самой Троицкой церкви (6, 436). Память преподобного Диодора Юрьегорского почиталась местно, по новому стилю- 10 декабря.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИРИНАРХ СОЛОВЕЦКИЙ

Иринарх был игуменом Соловецкого монастыря с 1614 по 1626 годы. О жизни его не сохранилось никаких сведений. Все, что известно о нем, относится к его деятельности по управлению Соловецкой обителью. Он « предпринимал меры защиты от внешних врагов- шведов и датчан, и приводил монастырь в оборонительное состояние» (1, 81). В частности, он « в 1614 г. заключил со шведами перемирие с тем, чтобы военные действия не начинались ни с той, ни с другой стороны без ведома русского государя и шведского короля» (43, 36). Однако, « с попечением о внешней безопасности обители преподобный соединял заботливость об ее внутреннем духовном преуспеянии»(1, 81). При нем на Соловках жил, в частности, такой выдающийся подвижник, как Елеазар Анзерский, о котором мы расскажем немного позднее.

За два года до кончины Иринарх ушел на покой, чтобы приготовиться к смерти молитвой и покаянием. Умер он 17 июля 1628 года. Впоследствии над могилой его была поставлена часовня. Память Иринарха Соловецкого совершается по новому стилю 30 июля.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛЕАЗАР АНЗЕРСКИЙ

Елеазар Анзерский происходил из купеческой семьи Севрюковых. Местом рождения его был город Козельск. В молодости он покинул дом и добрался до Соловецкого монастыря, где принял монашеский постриг с именем Елеазара. Житие его сообщает, что Елеазар был неплохим резчиком по дереву и принимал участие в изготовлении иконостаса в Преображенском соборе (1, 87).

Однако Елеазар, подобно другому соловецкому иноку, Диодору (будущему основателю Юрьегорского монастыря, о котором мы вели речь ранее), « стремясь к большим подвигам» решил покинуть монастырь для отшельнической жизни. Поэтому он « удалился на Анзерский остров, отделенный от Соловецкого на север проливом в 4 версты» (1, 87). Сделал он это с благословения тогдашнего настоятеля монастыря, Преподобного Иринарха. « Сначала он избрал себе место на горе, называемой Голгофа, где поставил крест, а спустя несколько времени- и келью. Позднее перешел на другое место, поближе к морю и Соловецкому острову, где построил часовню и маленькую келейку для себя» (14, 118). Таким образом был основан Анзерский скит, где постепенно стала собираться братия.

Образ жизни, который вели обитатели скита, был подобен образу жизни монахов древности. Например, египетских. Кельи находились на расстоянии версты друг от друга. Только в субботу вечером и накануне Праздников монахи собирались « для общей молитвы, в которой проводили всю ночь, и в следующий день, совершив праздничное и воскресное пение, расходились по кельям»(14, 118). В кельях занимались молитвой и рукоделием. Между прочим, в скиту имелась библиотека, собранная благодаря стараниям Елеазара(14, 119).

Как и Диодор Юрьегорский, Елеазар Анзерский оказался известен при царском дворе. Житие его рассказывает об этом так. У царя Михаила Федоровича долго не было детей. Келарь Троице- Сергиевой Лавры Александр Булатников, в прошлом Соловецкий постриженник, в ответ на просьбу царя найти человека, который бы мог помолиться о рождении наследника престола, рассказал ему об Елеазаре Анзерском. В результате тот был приглашен в Москву, где встретился с царем. Успокаивая его, он сказал ему: « по вере вашей Господь Бог не оставит вас без наследника престола» (1, 92). Царь воспринял его слова, как пророчество о том, что получит долгожданного наследника. Действительно, вскоре у царя родился сын, впоследствии вошедший в историю, как Алексей Михайлович (по прозванию « Тишайший»). В благодарность царь дал Анзерскому скиту ряд льгот. В том числе « объявил Анзерский скит независимым от монастыря и разрешил пустынникам избирать строителей (т. е. настоятелей- авт.) из своей среды» (1, 93). Впоследствии преподобный Елеазар встречался и с царем Алексеем, который дал повеление на строительство в скиту каменного храма. Постройка этого храма завершилась уже после смерти Елеазара. Освящен он был в честь Святой Троицы и имел два придела- в честь иконы Божией Матери «

Знамение» и преподобного Михаила Малеина (14, 123). Между прочим, этот святой был небесным покровителем царя Михаила Романова. Возможно, то, что придел храма был назван в его честь, стало своеобразной данью его памяти.

Среди учеников Елеазара Анзерского был человек, имя которого немного позднее стало известно всей России, когда он стал « великим государем», Патриархом всея Руси. В миру он звался Никитой Мининым (или Миновым) и был священником. После смерти троих детей отец Никита и его жена решили принять монашество. В поисках подвигов и лишений, которые могли бы заглушить боль утраты, Никита Минин ушел на Соловки. В 1636 г. принял в Анзерском скиту монашеский постриг с именем Никона. Под этим- то именем он и стал так известен впоследствии (44, 5). В Анзерском скиту иеромонах Никон прожил несколько лет (до августа 1639 г.) , ведя подвижническую жизнь. О том, какова она была, можно представить себе из того, что Никон «каждый день прочитывал Псалтирь, каноны Господу Иисусу и Божией Матери и клал 1000 поклонов» (1, 94). Между прочим, в Анзерском скиту Никон «заведовал хозяйственной частью скита» (44, 7).

Правда, впоследствии между Никоном и преподобным Елеазаром произошел конфликт. Удивляться этому вряд ли стоит. Ведь те, которых мы называем святыми, были подобными нам людьми, не лишенными некоторых своих слабостей. Другое дело, что эти, чисто человеческие слабости, не составляли в их жизни главное. Не препятствовали им в их служении Богу и людям. Поэтому пусть читатель не смутится, услышав о ссоре будущего Патриарха, а тогда иеромонаха, Никона и Преподобного Елеазара. Ведь в жизни и деятельности того и другого это было мелким, несущественным эпизодом- и только. Результатом размолвки между ними « явилось видение- один монах уверил всех, что во время Богослужения видел на шее Никона черную змею- признак антихриста»(44, 7). В результате Никон был вынужден тайно бежать с Соловков. Однако « слава Елеазара сыграла в его карьере большую роль. Впоследствии он, скрыв от царя факт ссоры с Елеазаром и бегства от него, был обласкан Алексеем Михайловичем, как сподвижник святого старца» (44, 6). Впрочем, вернемся к рассказу об Елеазаре Анзерском.

Умер преподобный Елеазар 13 января 1656 года и был похоронен рядом с «выстроенным его трудами храмом с восточной стороны и в часовне»(14, 123). Память его по новому стилю совершается 26 января.

Елеазар Анзерский оставил своеобразное духовно- литературное наследие- «опыты своей духовной жизни»(1, 96), где описаны бывшие ему видения Божией Матери, Апостола Павла, а также наставления, которые давал ему « небесный голос», поучавший его терпению искушений и молитве (1, 99). Его перу принадлежит и наставление новоначальным (начинающим) инокам. С ними можно познакомиться в переизданном в 1991 г. Синодальной библиотекой « Соловецком Патерике».

ПРЕПОДОБНЫЕ АВКСЕНТИЙ, АКСИЙ, ТАРАСИЙ КАШКАРАНСКИЕ, КАССИАН МУЕЗЕРСКИЙ, ИСАИЯ И НИКАНОР РУЧЬЕВСКИЕ

О жизни этих подвижников, как сообщает в « Архангельском Патерике» архимандрит Никодим Кононов, « никаких сведений не сохранилось. Можно с вероятностью предполагать, что они были иноками Соловецкого монастыря. Первые трое подвизались и скончались в пределах Кашкаранского прихода, Кассиан- на острове Шуе, в Кенском крае, а Исаия и Никанор- на Ручьях, в Мезенском уезде» (2, 166).

ПРЕПОДОБНЫЕ НИФОНТ И СЕРАПИОН КОЖЕЕЗЕРСКИЕ

Историю о Серапионе Кожеезерском архимандрит Никодим начинает с рассказа об основателе Кожеезерского (или Кожеозерского) монастыря-иеромонахе Нифонте, создавшем эту обитель в пятидесятых годах 16 столетия (24, 42) «при Кожском озере в 110 верстах от города Онеги»((24, 44). « Один из иноков Кириллова Сырьинского монастыря, по имени Нифонт-иеромонах, удалился из обители на озеро Кожу, построил там часовенку и одиноко подвизался, проводя время в трудах и молитвах, и тем положил начало Кожеезерской обители, благоустроителем которой был преподобный Серапион»(2, 81). Тем самым он подчеркивает то, что «для Архангельского края Преподобный Александр Ошевенский был в некотором отношении тем же, чем был преподобный Савватий…учениками его свет иноческой жизни был преимущественно распространен по Архангельской епархии»(2, 79). Теперь познакомимся с судьбой «благоустроителя» Кожеезерской обители, Серапиона.

Серапион по происхождению своему не был не только северянином, но даже и русским человеком. Родился он «в Казани, в первой половине 16 века, был язычником и назывался Турсасом Ксангавировичем, происхождения знатного, сын Казанского татарского царька»(2, 81).

Надо сказать, что, помимо Серапиона Кожеезерского еще несколько русских святых по происхождению своему были татарами. Это прежде всего причисленный в 14 веке к лику святых Петр, царевич Ордынский, живший в 13 веке и приходившийся племянником хану Бергаю (10, 441). Он по собственному желанию оставил родину и поселился в Ростове, где принял Православие и основал Петровский монастырь близ Ростова. Там впоследствии принял монашество и был похоронен (24, 467). Татарским баскаком (сборщиком дани) был живший в 13 веке в Великом Устюге праведный Иоанн, который вместе со своей женой Марией « в древних

рукописных святцах назывались начальниками Великого Устюга» (17, 52). Между прочим, до своего вынужденного (под угрозой смерти), хотя и искреннего обращения в христианство он носил имя «Буга» или «Бога» и отличался жестокостью и жадностью. Даже свою будущую жену, Марию, с которой он впоследствии жил долго и счастливо, Буга силой отнял у ее родителей... Внуком татарина- баскака, оказавшегося на Руси после нашествия Батыя, был и преподобный Пафнутий, игумен Боровский (15 век.). Между прочим, « во время одного восстания русских против татар дед Пафнутия принужден был креститься и был назван Мартином» (10, 3). А сына своего Мартин назвал Иваном...

В отличие от всех этих людей, нашедших на русской земле свою вторую родину, Серапион попал в Россию не по доброй воле. Здесь он был хоть в почетном, но все же плену. Когда в октябре 1552 г. царь Иван Грозный завоевал Казань, Турсас вместе с некоторыми другими знатными казанскими татарами оказался в Москве. Судьба таких знатных выходцев из Казанского царства складывалась удачно- они крестились в православную веру и становились родоначальниками известных впоследствии фамилий- Урусовых, Юсуповых, Дондуковых... Именно им в те времена народ дал насмешливое прозвище, сохранившееся и поныне- « сироты казанские». Потому что «при дворе они прибеднялись, старались получить как. можно больше наград и «жалованья»(45, 98) (подарков).

Поначалу и судьба Турсаса складывалась примерно так же. В Москве юный татарский царевич принял Крещение, получив при этом имя Сергий (в честь Сергия Радонежского). Жил он в доме своего родственника, боярина Захарии Плещеева, «который был женат на астраханской царевне Эльякше, со святом Крещении Иулиании» (2, 81). Боярин Плещеев приходился Сергию-Турсасу родственником. Будучи « человеком благочестивым и начитанным»(2, 81), он основательно познакомил Сергия с православным учением.

Юноша Сергий оказался способным учеником. Безусловно, христианское учение о бренности всего земного было воспринято им « сквозь призму» собственной судьбы. Оказавшись вдали от родины, без надежды когда- либо вернуться туда, он не мог не найти утешения в обещаниях загробного воздаяния тем, кто страдает в земной жизни. «Земная слава и богатства не прельщали его, падение родины говорило ему о тленности всего земного»(2, 82). И вот, покинув родных и Москву, Сергий отправился странствовать по святым местам России. Что надеялся он найти в этом странствии- о том мог бы сказать лишь он сам... Спустя 4 года (в 1565 г., а по данным о. Никодима Кононова, в 1557 г.) от начала своих скитаний Сергий оказался на Кожозере. « У Нифонта Сергий нашел тот желанный покой, которого так давно искала его душа»(2, 82). В итоге он остался там навсегда.

Конечно же, преподобный Нифонт не сразу совершил над юношей монашеский постриг. Ведь житье в пустынном монастыре было трудным, и могло оказаться не под силу бывшему царевичу. Но Сергий «налагаемые послушания переносил с таким изумительным терпением и точностью» (2, 82), был так неотступен в желании принять монашество, что в конце концов Нифонт исполнил то, чего юный послушник безусловно, был достоин, и совершил над ним постриг. Монашеским именем Сергия стало- Серапион.

Постепенно к двум пустынникам стала собираться братия. Новый монастырь был назван в честь Праздника Богоявления (Крещения) Господня. Разумеется, игуменом его должен был стать старец Нифонт. Однако, случилось иначе. « Видя умножение братии, Нифонт, поручив ее Серапиону, отправился в Москву, ходатайствовать об устроении обители, но, едва пришел туда, как скончался и был погребен в одной из ее обителей»(2, 82).

Тем временем в монастыре начался голод. Тут- то и проявились сполна организаторские способности Серапиона. Он не раз отправлялся по местным деревням за сбором подаяния для братии. Однажды ему где- то подарили ручные каменные жернова, которые он сам на своих плечах принес в обитель. Когда голод утих, Серапиону пришлось самому совершить путешествие в Москву « с просьбой об устроении обители и пожаловании ей земли. Ходатайство увенчалось успехом. Царь Федор Иоаннович в 1585 г. пожаловал новоустрояющемуся монастырю грамоту об отводе ему земель, а митрополит Дионисий благословил устроение обители»(24, 43). По возвращении Серапиона в монастыре началось строительство. « Были выстроены храмы: Богоявления Господня и Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом во имя Святителя Николая Чудотворца»(2, 83). После этого, в 1599 г., Серапион вторично побывал в Москве со своим учеником и сподвижником, иноком Авраамием (из прилуцких крестьян), причем был назначен строителем Кожеезерской обители, а Авраамий посвящен в иеромонахи.

Вполне логично было бы предположить, что Серапион хотел получить в Кожеезерском монастыре высшую власть- игуменство. Однако дело обстояло как раз наоборот. «Кроткий старец уклонялся от начальствования и будучи действительным управителем, честь власти передавал другим. Таковы: Игнатий, Евстратий (1571- 1587) , Лонгин, Герман, Боголеп, Корнилий и Арсений (1606- 1608)»(2, 83). Впоследствии, когда число братии еще более увеличилось, Серапион приобрел для монастыря ряд земельных угодий. Умер он 27 июня 1611 года, проведя последние три года « большей частью в строгом уединении» (2, 84). По новому стилю память его совершается 10 июля.

Судя по житию Преподобного Серапиона, несмотря на все то, что он сделал для Кожеезерского монастыря, часть монахов обижала его. Почему- сказать трудно. Может быть, даже в те далекие времена скромность и смирение считались признаками слабости, и тех, кто делал другим добро, безнаказанно гнали их же собратья ... « Из числа братии было не мало лиц дурных, они оскорбляли Преподобного Серапиона, били и изгоняли его из обители, черной неблагодарностью платя ему за любовь и труды. Он кротко переносил это. Но были среди братии и достойные старца ученики. Таковы старцы- Лонгин,

Герман, Боголеп и Корнилий и преподобные Леонид Устьнедумский (вологодский чудотворец, бывший в Кожеезерском монастыре некоторое время келарем- авт.), Авраамий- игумен и Никодим Хозьюгский» (2, 84). С этими его учениками мы теперь и познакомимся.

ПРЕПОДОБНЫЕ ЛОНГИН, ГЕРМАН, БОГОЛЕП, КОРНИЛИЙ, АВРААМИЙ КОЖЕЕЗЕРСКИЕ

Сведения об учениках преподобного Серапиона крайне немногочисленны. В « Архангельском Патерике» говорится, что Лонгин, Герман, Боголеп и Корнилий были в числе первых учеников Преподобного Серапиона. Все они некоторое время игуменствовали в Кожеезерском монастыре, но впоследствии ушли в Сибирь, «в обитель Мангазейскую, и там скончались. В бытность последнего из них игуменом, в этой же обители полтора года был келарем преподобный Леонид, основатель Устьнедумской пустыни»(2, 84- 85).

Игумен Авраамий управлял Кожеезерским монастырем 23 года. Как уже упоминалось, он был выходцем из вологодских («прилуцких») крестьян. Он «был верен заветам Преподобного Серапиона и заботливо управлял монастырем» (2, 85). Был другом еще одного выдающегося обитателя Кожеезерского монастыря, пустынника Никодима Хозьюгского, и нередко посещал его. При этом однажды он вял с собой молодого послушника, Ивана Дятлева. К удивлению обоих, Никодим назвал юношу по имени, как будто давно знал его, хотя прежде они никогда не встречались. Впоследствии этот послушник стал любимым учеником Никодима и был последним, кого он благословил перед кончиной (2, 94). Тогда Авраамий и Иван поняли, что Никодим обладает даром прозорливости...

27 июня 1634 г. Авраамий умер и был похоронен рядом со своим наставником, Серапионом под одной и той же надгробной плитой. Перед смертью он принял схиму с именем Антония.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ КРАСНОГОРСКИЙ

Об этом человеке известно весьма немногое. Хотя след, который он оставил в истории Архангельской области, весьма ярок. С его именем связана история основания на Красногорского монастыря, который стоял «на высокой горе, на правом берегу реки Пинеги в 16 верстах от уездного города того же

имени и в 195 верстах от г. Архангельска»(24, 47). В монастыре этом хранились две известные по всей Архангельской губернии и за ее пределами святыни- чудотворные иконы Божией Матери « Владимирская» и «Грузинская».

Как сообщает о Макарии Красногорском архимандрит Никодим в « Архангельском Патерике», он «до принятия монашества назывался Мироном и был священником Юрольского прихода Пинежского уезда» (2, 129- 130). Приход этот находился на левом берегу реки Пинеги. В двух верстах от храма возвышалась гора, «заросшая густыми, вековыми лесами, пугающая своими непроходимыми дебрями»(24, 48). Поэтому прозывалась та гора- «Черной».

По соседству с этой «Черной» горой и жил- поживал своей простой и тихой жизнью приходский батюшка отец Мирон. Вероятно, он был еще не старым человеком (умер он в 1640 году, а датой основания им Красногорского монастыря является 1603 год), однако, уже познавшим немало горя, потеряв жену. Но никто не мог предполагать тогда, что этот скромный священник станет основателем монастыря, известного далеко за пределами Архангельского края. Судьбу его в одночасье изменило чудесное событие, о котором сейчас пойдет речь.

В пинежском селе Кевроле в тамошнем храме Воскресения Христова служил игумен Варлаам. В числе принадлежавших ему икон был чудотворный образ Владимирской Божией Матери. Когда Варлаам состарился, то, предчувствуя скорую кончину, решил передать икону в надежные руки. Он уже нашел благочестивого человека, которому собирался отдать чудотворный образ. Однако произошло иначе. Во сне Варлааму « явилась некая световидная Жена и повелела отдать эту икону « вдовому попу Мирону»(в те времена в слове «поп» (производном от греческого- «отец») не было ничего обидного. Так даже в официальных документах именовались священники. Если священник был монахом, то его называли « черным попом»- авт.), с тем, чтобы она была отнесена на Черную гору и чтобы там был основан монастырь»(24, 48). Варлаам понял, что Женой этой была Сама Матерь Божия. Он поспешил передать икону отцу Мирону, рассказав ему о своем удивительном сне.

Мирон понял, что, он должен исполнить волю Божией Матери. Он перенес Владимирскую икону на Черную гору, поставив там крест. Произошло это в 1604 году. Вслед за тем Мирон принял монашество с именем Макария. В 1612 году ему довелось освидетельствовать мощи Праведной Параскевы Пиринемской. Из того, что это ответственное поручение было возложено на Макария, можно заключить, что он пользовался уважением у церковного начальства, которое доверило ему столь важное дело. В 1640 году он скончался в основанном им монастыре. Сперва эта обитель, по имени горы, на которой она стояла, прозывалась Черногорской. Но впоследствии, в тридцатые годы 17 столетия, ее переименовали в Красногорскую. «Наименование это монастырь получил от красивого вида, сообщенного этому месту трудом иноков»(24, 48).

Грузинская икона Божией Матери. Из собрания Соловецких икон ГИМ

Впрочем, как сообщает старинное описание Красногорского монастыря, долгое время до этого «непривлекательный на вид, скудный постройками и бедный по средствам и количеству братии, монастырь на первых порах своего существования представлял убогую пустынь. Благосостояние обители значительно улучшилось со времени перенесения сюда чудотворной Грузинской иконы Божией Матери, поклонение которой привлекало множество

богомольцев и располагало их к приношениям и жертвам» (24, 48- 49). В связи с этим стоит рассказать о второй (после уже известной нам по предыдущему рассказу Владимирской иконы) святыне Красногорской обители- Грузинской иконе Богородицы.

«Грузинской» она прозывалась потому, что первоначально находилась в Грузии. После того, как в 1622 г. Грузия была завоевана персами, эта икона была куплена у персидского торговца приказчиком ярославского купца Григория Лыткина. Однако ни ему, ни его хозяину оказалось не суждено владеть чудотворной иконой. По откровению свыше, купец Лыткин подарил ее Красногорскому монастырю. Как только икона была привезена в обитель, от нее стали совершаться исцеления. Первым прозрел и стал слышать слепоглухой монах Питирим. Позднее « в Красногорской обители икона прославилась многочисленными чудесами» (46, 542). В 1650 г. Новгородский митрополит Иона, исследовав описания этих чудес, установил день празднования Красногорской иконе Божией Матери. Этим днем стало 22 августа. В конце 17 века уже знакомый нам по рассказу об Евфимии Архангелогородском архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов) поручил смотрителю московской типографии Федору Поликарпову составить канон в честь чудотворной иконы, что и было исполнено. Тогда же, в 1698 году, архиепископ повелел « ради освящения града и христолюбивых народов, требующих Божией помощи и Ее, Богоматери, милости», ежегодно приносить « Грузинскую» икону в Архангельск (46, 543).

Из года в год, три столетия подряд, совершались эти путешествия иконы из Красногорского монастыря и обратно. Ежегодно 26 августа она прибывала в Архангельск, где оставалась до третьего воскресенья Великого Поста. Затем неделю образ «гостил» в Холмогорах. После торжественного совершения перед ним « вечерни и молебствия» толпы людей шли крестным ходом до Введенского храма Холмогорского Успенского женского монастыря, провожая «Владычицу» в обратный путь. Икона помещалась в экипаж, в котором ее везли около 16 верст до Красногорской обители (42, 64)

«Грузинская» икона « путешествовала» не только по Архангельской земле. « В царствование Алексея Михайловича ее носили в Сибирь на Лену, а также во многие внутренние города России- например, Устюг, Вологду, Переславль –Залесский, Москву ...»(46, 543).

В послереволюционные годы, после закрытия Красногорского монастыря, след чудотворных икон «Грузинской» и « Владимирской» теряется. Правда, в отчете в Московскую Патриархию архиепископа Архангельского Леонтия (от 1946 г., по данным Д. Иванова- авт.), упоминается о том, что «Грузинскую» икону носили во время крестного хода, который совершался в 1946 г. в Архангельске. Однако, дальнейшая судьба этой иконы неизвестна. (42, 64).

БЛАЖЕННЫЕ ФОМА, ИОАНН, ИРОДИОН, МИХАИЛ, ВАСИЛИЙ СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЕ

О них неизвестно практически ничего. В сборнике « Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии» о них говорится только следующее- « все они были в Сольвычегодске, но о времени кончины и мощах их неизвестно» (17, 15). В книге « Православные русские обители» упоминается о том, что могилы «юродивых: Михаила, Иродиона, Фомы и Ивана Самсоновича» находились во Введенском мужском монастыре, стоявшем в центре Сольвычегодска, между Введенским храмом и колокольней (24, 89).

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ СИЙСКИЙ

Преподобный Антоний Сийский был не единственным настоятелем Сийского монастыря, причисленным к лику святых. Еще одним, хотя, безусловно, менее известным, чем Антоний, был и другой Сийский игумен-Феодосий. Его судьба отличается от судеб других святых Архангельской области одной, характерной для него, чертой. Этот святой был библиофилом, всю жизнь занимавшимся переписыванием книг. Любовь к книгам и делает его судьбу особенно интересной и яркой.

Феодосий по своему происхождению был коренным северянином. Родился «около 1612 г. в Холмогорах» (47, 59). В миру звался Федором. Его отец, Игнатий Лебедев, был « ремесленником – среброковачем» (ювелиром). Мать его звали Феодосией. Родители надеялись, что мальчик унаследует ремесло отца. Однако, он не обнаруживал к этому никакой склонности. Зато охотно проводил время за книгами. Любовь к книгам он сохранил на протяжение всей своей жизни. Естественно, что в ту пору не существовало ни столь распространенных сейчас романов, ни приключенческих или фантастических книг. Были совсем другие книги- жития святых. И примерами для подражания для тогдашних людей оказывались не воинственные супермены или авантюрные красавицы, а чаще всего- мученики, стойко терпевшие за Христа всевозможные пытки. Или монахи, уходившие в леса и пустыни на борьбу с « миром, плотью и диаволом». Их пример воодушевлял, возбуждал желание подражать им. Поэтому не стоит удивляться, что и Федор, когда ему исполнилось 18 лет, « против воли родителей» ушел в Сийский монастырь. Он прожил там много лет. Наконец, в 1644 году стал настоятелем этой обители.

О его настоятельстве житие говорит так: « много трудов приложил Феодосий, чтобы укрепить монастырское общежитие. Все свое свободное время он отдавал книгам: переписывал, собирал древние рукописи. Чтобы сделать с них достоверные списки. Преподобный Феодосий был также иконописцем. Известно, что он сам написал иконы Софии- Премудрости

Божией и основателя монастыря- преподобного Антония Сийского» (47, 60). В 1648 году « Феодосий переписал житие преподобного Антония, украсив его заставками, рамками и 153 рисунками» (47, 60). Поистине, не было среди северных святых другого такого книголюба, как игумен Феодосий!

В 1650 году, по поручению Новгородского митрополита Никона игумен Феодосий освидетельствовал мощи Преподобного Евфимия Архангелогородского. Так оказались взаимосвязаны судьбы этих двух северных подвижников.

К сожалению, в Сийском монастыре у Феодосия имелись враги. Поэтому, когда в 1652 году Сийский монастырь посетил проездом на Соловки, за мощами Святителя Филиппа, Новгородский митрополит Никон (впоследствии Патриарх), братия « оклеветала его перед митрополитом» (47, 60). В результате этого Феодосий был сослан в Кожеезерский монастырь. Но « авторитет его был столь велик, что и там его вскоре поставили игуменом»(47, 60). Спустя 5 лет Феодосий снова возглавил Сийский монастырь. Причем пополнил его библиотеку, сгоревшую во время пожара, 19 рукописными и 12 печатными книгами из своих « келейных книг» (47, 60). Как видно, он не припомнил зла, которое причинили ему некоторые из его подчиненных-монахов.

Феодосий « создал в Сийском монастыре своеобразную школу книгописания» (47, 60). Особое значение придавал он украшению книги. Мы уже упоминали о том, как богато он оформил житие Антония Сийского. При оформлении книг он « использовал двухцветные оттиски с гравированных на дереве художественных рамок»(47, 61). Среди собранных и переписанных им книг были жития святых, творения Максима Исповедника, Катехизис, « Просветитель» Иосифа Волоцкого…Причем с книгами духовного содержания соседствовали и исторические- « История Иудейской войны» Иосифа Флавия, « Римские деяния», Степенная книга, « Новый Летописец» (47, 61). Судя по этим названиям, игумен Феодосий был весьма и разносторонне образованным для того времени человеком.

Умер игумен Феодосий в возрасте 79 лет, 29 октября 1687 года, и был похоронен рядом с местом погребения Преподобного Антония Сийского. После его кончины Сийскому монастырю досталось единственное наследство, которым он дорожил больше всего на свете. Это были любимые его книги - 25 рукописных и 28 печатных (47, 61).

Память Феодосия Сийского совершается по новому стилю 11 ноября.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКОДИМ КОЖЕЕЗЕРСКИЙ (ХОЗЬЮГСКИЙ)

Биография еще одного из подвижников Кожеозерского монастыря, преподобного Никодима , дошла до нас благодаря старинным сказаниям. Она достаточно интересна и местами напоминает приключенческую историческую повесть. В ней есть все- и людские коварство и злоба, и верность однажды и навсегда избранному жизненному пути, и стойкость в перенесении лишений. Поэтому стоит поближе познакомиться с судьбой этого северного святого.

По рождению своему Никодим был не северянином, а уроженцем села Ивановки Ярославской губернии. В миру звался Никитой, и происходил из зажиточной крестьянской семьи (2, 86). Хотя рос отнюдь не в неге, и сызмальства познакомился с тяжелым трудом. Отличался набожностью. Правда, тогда еще ничто не предвещало, что придет время, когда Никита покинет родные края и станет монахом на дальнем Севере. Правда как- то раз, работая с отцом в поле (по другой версии жития, это произошло, когда он пас отцовское стадо), Никита услышал обращенные к нему слова, точно кто- то звал его: «Никодим! Никодим!» Именно таким впоследствии оказалось его монашеское имя. Родители Никиты, узнав от сына об этом таинственном голосе, «поняли, что голос означает Божественное призвание их сына к иночеству, и так ему объяснили»(2, 86) Впрочем, сам Никита в ту пору вряд ли еще помышлял об иноческих подвигах. Ведь было ему тогда всего-навсего 12 лет…

Вскоре после этого родители Никиты умерли, и он остался сиротой. Теперь ему самому приходилось заботиться о себе. Он переселился в Ярославль, где прожил довольно долго. Там выучился кузнечному ремеслу, и зарабатывал на жизнь, делая гвозди. Впоследствии Никита перебрался в Москву. В столице жил вместе с товарищем по ремеслу, который был родом из Твери. Конечно, доходы Никиты были более чем скромными. Но при этом все- таки часть своего заработка он раздавал бедным в качестве милостыни. Любил посещать храмы и монастыри.

В Москве Никита чуть было не погиб благодаря одной злой и коварной женщине. Женщиной этой оказалась жена его приятеля. По неизвестной сейчас причине она ненавидела своего мужа. Поэтому, «Бога не боясь и людей не стыдясь», изменяла ему. А потом надумала и вовсе от него избавиться. Никиту она тоже терпеть не могла, потому что своим благочестивым поведением он оказывал положительное влияние на ее супруга. И вот как- то раз злодейка сварила вкусный кисель и угостила им своего мужа, а заодно и Никиту. Разве могли они знать, что в кисель был подмешан яд?.. Товарищ Никиты умер сразу. А Никита выжил, но стал чувствовать постоянные боли в желудке, из-за которых уже не мог работать. Вылечить его медицина того времени была бессильна. Оставалось только надеяться на помощь свыше. В конце- концов Никита остался без средств к существованию и вынужден был пойти на рынок, чтобы продать свое немудрящее имущество. И вот, как

Преподобный Никодим Кожеозерский. Хромолитография.

повествует житие, юноше встретился незнакомец, одетый в рубище. Он назвал Никиту по имени и попросил его рассказать о своей болезни. Затем посоветовал ему прийти в 6 часов «на ров, в собор Покровский» (2, 87), обещая исцелить его. Никита был удивлен встречей, но все- таки пришел к

указанному времени на указанное место. Здесь его уже поджидал незнакомец, который дал ему что- то выпить из небольшого сосуда, а затем исчез… Тогда-то понял Никита, что это был не простой человек, а святой Василий Блаженный, именем которого в народе называли (и до сих пор называют) Покровский храм (иначе- «храм Василия Блаженного») на Красной площади. А болезнь Никиты после этого как рукой сняло.. Безусловно, что это еще больше укрепило его веру . Хотя и это еще не стало причиной его решения стать монахом. Все произошло немного позднее.

Как- то шел Никита через Кулишки (местность на окраине Москвы, благодаря которой и возникло всем известное выражение « у … на куличиках», означающее дальнюю окраину). И тут повстречался ему старец- юродивый, по имени Илья. Того окружала толпа народа. Но среди множества людей Илья приметил молодого кузнеца и приветствовал его такими словами: «откуда ты пришел сюда, Хозьюгский пустынник»? (2, 88) «Эти слова сильно поразили Никиту, и он принял их как призвание к монашеской жизни»(48, 16). Продав имущество, он ушел в московский Чудов монастырь. Настоятель монастыря архимандрит Пафнутий принял Никиту в качестве своего келейника и лично готовил его к иночеству. Там Никита провел 11 лет, воспитывая в себе « смирение, послушание, нестяжание и братолюбие». За эти качества он пользовался любовью и уважением со стороны обитателей Чудова монастыря. 31 октября 1595 г. Никита стал монахом. При постриге он получил то самое имя- Никодим, которым назвал его когда- то неведомый, таинственный голос.

В это самое время вместе с Никитой в Чудовом монастыре жил другой инок, который в скором времени сыграл в истории России зловещую роль. Его звали Григорием Отрепьевым. Сейчас мы знаем его, как Лжедмитрия 1. Зловещего самозванца, который присвоил себе имя погибшего в Угличе сына Ивана Грозного, царевича Димитрия, чтобы взойти на российский трон. Причем, как замечает архимандрит Никодим, «через некоторое время тот был сделан диаконом, а Преподобный Никодим оставался только рясофорным монахом. Но тогда как тот вступал на скользкий путь преступления, преподобный Никодим быстро совершенствовался» (2, 90).

Однако надлежало сбыться и словам юродивого Ильи, который назвал Никиту «хозьюгским подвижником». Произошло это следующим образом. «В 1606 году игумен Пафнутий был назначен митрополитом Сарским и переехал в Крутицы» (пригород Москвы) (2, 90). Вместе с ним покинул Чудов монастырь и его келейник, монах Никодим. Правда, вскоре ему пришлось расстаться с Москвой. Ставший к тому времени царем на Москве « самозванец, чтобы избавить себя от опасности быть узнанным, велел удалить многих чудовских иноков в пустынные обители. Очень возможно, что это распоряжение, если и не коснулось Преподобного Никодима, то…явилось ближайшим побуждением, по которому он оставил Крутицы»(2, 91) С согласия своего наставника, получив от него в качестве благословения икону Божией Матери, Никодим покинул столицу и через дремучие северные леса добрался до Кожеезерской Богоявленской обители. Там он прожил полтора года, занимаясь выпечкой просфор, а затем ушел за пять верст от этого

монастыря, на речку Хозьюгу, в «местность болотистую, дикую и лесную». «Там он поставил себе лесной чаще небольшую келию и жил там уединенно 35 лет…В полной тишине, вдали от мира, совершал он строгое молитвенное правило…Питался овощами, которые выращивал на своем огороде, кореньями и ягодами, а также речной рыбой, которую сам ловил в Хозьюге на удочку. Правда, как сообщает архимандрит Никодим, позволял себе есть ее лишь тогда, «когда она начинала разлагаться»(2, 91). Излишки рыбы и овощей Никодим отсылал в монастырь.

Это была крайне тяжелая, полная лишений жизнь. Как сообщает житие, пустынника не оставляли в покое бесы. «Уходи отсюда, злой калугер (т. е. монах. Слово это в переводе с греческого означает «добрый старец»- авт.), иначе мы тебя погубим»!- пытались они запугать его своими «немощными дерзостями». Какие только страшные и соблазнительные образы не представляли они отшельнику! Однажды, когда он шел к реке за водой, на берегу прямо перед ним внезапно очутилась пленительного вида красавица. Но Никодим «сотворил молитву с крестным знамением и ударил жезлом (палкой) по жене. Оказалось гнилое дерево»(1, 93). В другой раз бесы решили одолеть его если не силой, то хитростью. При этом они «явились к нему толпой и сказали, что больше не явятся». Они надеялись, что пустынник возгордится своей победой над ними и таким образом легко окажется жертвой их коварства. «Но когда через некоторое время возвратились к нему и увидели то жен смирение и бодрствование, принуждены были навсегда оставить его»(2, 93). Постоянно сражаясь с силами тьмы, Никодим сочинил «молитву от соблазна», чтение которой помогало ему побеждать демонов. Текст ее можно найти в «Архангельском Патерике» архимандрита Никодима.

Нам трудно даже представить себе жизнь преподобного Никодима среди лесной глуши. «Дикие олени безбоязненно ходили и кормились около пустынника. Ночь преподобный Никодим проводил в молитве и только изредка позволял себе дремать сидя. Рядом с келией преподобный Никодим своими руками выкопал могилу и часто спускался в нее для молитвы. Однажды он молился в могиле весь Великий Пост. Суровыми подвигами он достиг высоких духовных дарований, стяжал дар слез и непрестанной молитвы. Бог наградил его благодатной прозорливостью и силой исцеления болезней»(48, 16)- так повествует его житие о « пустынном жительстве» преподобного Никодима.

При чтении жития Никодима Хозьюгского можно лишь очень приблизительно понять, что в действительности представляла собой его жизнь «в пустыне». О тех испытаниях, которые ему пришлось вынести, живя в лесу в одиночестве, среди диких зверей, терпя голод и холод, мы, современные люди, можем знать разве что из книг. И можем только удивляться мужеству и глубине веры простого русского человека, монаха Никодима, который выдержал все это до конца, не отступив от избранного пути. Лишь за сорок дней до своей кончины, будучи извещен об этом свыше, он вернулся в

Козеезерский монастырь, где и скончался 3 июля 1640 г. около часу дня. Мощи его были положены под спудом в Богоявленском храме Кожеезерского обители, один из обитателей которой, иеромонах Иаков, знавший Никодима, написал его житие.

После смерти Никодима от его могилы, а также от его иноческой мантии и посоха стали совершаться исцеления больных. Также «преподобный Никодим многим являлся в сонных явлениях, особенно заблудившимся путникам и мореплавателям, направляя их на верный путь и спасая их от смерти»(48, 17). Поэтому его почитали не только в Архангельской губернии, а и по всей России. По новому стилю память его- 16 июля.

ПРАВЕДНЫЙ ПРОКОПИЙ УСТЬЯНСКИЙ

История жизни этого святого, подобно биографиям ряда других северных святых, неизвестна. Как говорится об этом в книге «Исторические сказания о жизни Святых, подвизавшихся в Вологодской епархии»- «о месте рождения его, образе жизни и времени кончины мы решительно ничего не знаем»(17, 546). Правда, автором этой книги делается предположение, что он мог быть «сиротой, бобылем, не имевшим пашни, не способным к трудам земледелия и пропитывавшимся плетением корзин, рыболовных вершей и тому подобного, чем и ныне занимаются люди бедные и беспомощные»(17, 548). В 17 веке, (в каком именно году - неизвестно) «на берегу реки Устьи, неподалеку от приходского храма села Верюги»(48, 97), в том самом месте нынешнего Устьянского района Архангельской области, где сейчас находится деревня Бестужево, были обретены его мощи. Судя по старинному описанию, неподалеку от местного приходского Введенского храма из земли показался ветхий гроб, сплетенный из ивовых прутьев. В гробу лежало не тронутое тлением тело «с головою приклоненною несколько набок и руками, сложенными не по общепринятому обычаю и без савана»(17, 548), которое издавало приятный запах (благоухание). Кто был человек, лежавший в необычном для тех мест гробу, местные жители не знали.

От найденных мощей стали совершаться чудеса, так что «исцеления многих одержимых различными недугами тотчас убедили всех в святости явившегося»(17, 549). Поэтому местные жители построили над гробом неизвестного чудотворца часовню. Вскоре после этого он явился во сне тамошнему крестьянину Савелию Онтропову и велел сделать себе новый гроб. При этом назвал свое имя- Прокопий. Под этим именем- праведного Прокопия Устьянского- мы знаем его и поныне.

Савелий изготовил новый гроб по точной мерке, указанной ему Прокопием. А ветхий гроб из ивовых прутьев, как святыню, разобрали почитатели праведного Прокопия. Тело его было положено в Введенской церкви около ее южной стены. Стали совершать ему и «службу церковную по

особливой письменной книжице»(17, 549). А в 1652 году, по желанию сольвычегодского купца Ивана Ермолаева, иконописец Онисим Карамзин написал первую икону Прокопия Устьянского. Причем, как сообщает о том его житие, Прокопий явился купцу и «дал дозволение» написать его образ.

11 августа 1695 г., по указу Холмогорского архиепископа Афанасия, мощи Прокопия Устьянского были освидетельствованы. Благодаря его описанию, известно, что Прокопий «возрасту был среднего. А во одежде положен во срачице (рубашке) и штаниках холщовых» (17, 552).

Повторное освидетельствование мощей Прокопия Устьянского состоялось в 1739 г., после чего в каменном Введенском храме был устроен придел в его память, где, «в старинной деревянной раке, украшенной резьбою под таковым же балдахином»(17, 568) помещены его мощи, покрытые атласным покрывалом с вышитым на нем шелками, золотом и серебром его изображением.. Также в его честь была сооружена часовня, где находился его чудотворный образ. В 1818 г. было установлено повсеместное празднование его памяти, которое по новому стилю приходится на 21 июля.

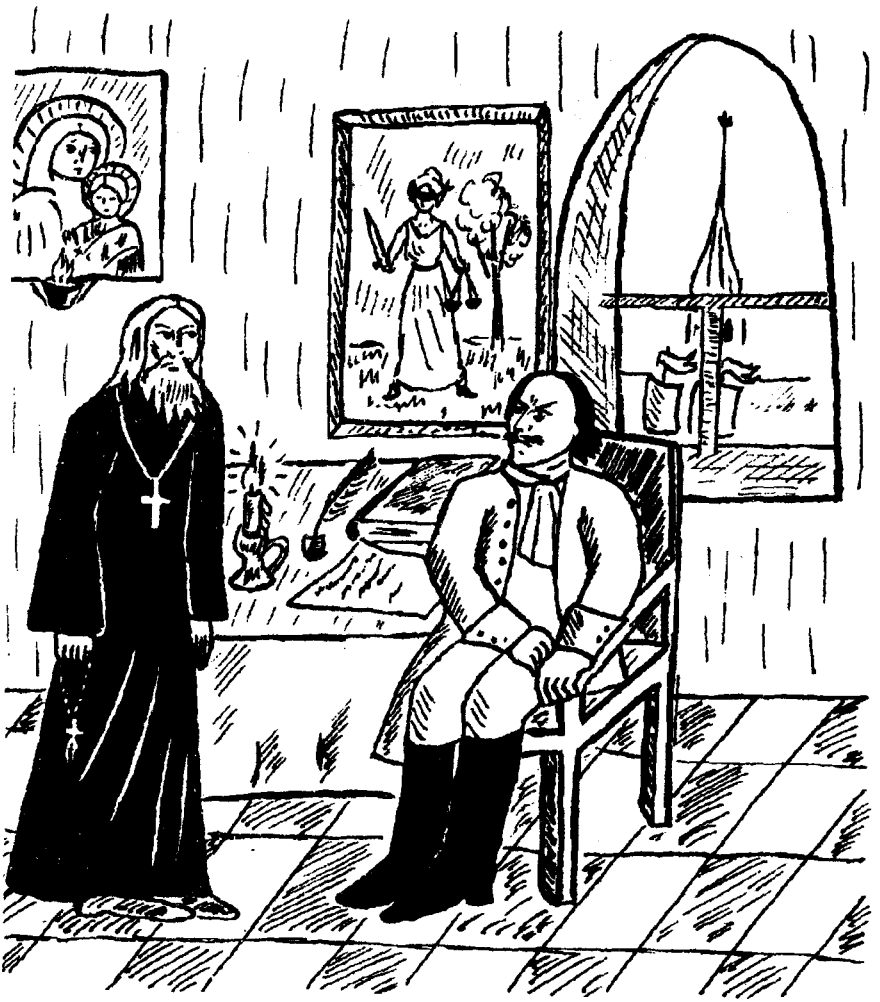
Праведный Прокопий Устьянский широко почитался на Севере. Особенно- в Архангельской и Вологодской губернии, к которой в это время относилось село Верюга. К нему обращались в различных «бедах и скорбях». При этом иногда он являлся в виде юноши, иногда- в образе старичка. Непременным было только одно- он всегда помогал тем, кто просил у него помощи, где бы они ни находились.

«К праведному Прокопию» в старину совершались богомолья, привлекавшие множество паломников. Как свидетельство этого, сохранилась довольно просторная одноэтажная деревянная гостиница рядом с тем местом, где стояли церкви (в 1987 г. в здании бывшей гостиницы находился местный клуб). Шли «по обету» те, кому помог святой Прокопий. Шли и те, кто надеялся на его помощь. Один из побывавших там оставил красочное описание тех мест: «редко можно встретить на Севере такую прекрасную и очаровательную местность, как «у праведного».Тут природа постаралась превзойти самое себя и на небольшом пространстве раскинула все свои красы, как бы для того, чтобы и самое место вечного покоя праведника соответствовало красоте души его»(17, 547).

В послереволюционные годы судьба мощей Прокопия Устьянского сложилась трагически. По словам врача- терапевта местной больницы (А. Толоконникова, который рассказывал мне об этом в деревне Бестужево в 1987 г.) в двадцатые годы их подвергли кощунственному «освидетельствованию» « воинствующие атеисты».. При этом в носовой полости Прокопия Устьянского был обнаружен песок, что «дало основания утверждать», что он умер не своей смертью, а утонул… Вслед за этим мощи решили сжечь. Однако они не сгорали. Тогда их облили бензином и подожгли. Одной местной жительнице удалось собрать немного пепла, оставшегося от сгоревших останков святого Прокопия… Каменная церковь, где они находились, была разобрана, и ее кирпичи пошли на постройку какого-то подсобного здания, необходимого в колхозном хозяйстве. Теперь этот храм существует только на старых

фотографиях, которые еще можно встретить кое- где в домах местных старожилов. В начале девяностых годов 9 мая от детской шалости сгорела уже совсем обветшавшая старинная шатровая деревянная церковь, некогда гордо высившаяся на холме над рекой Устьей.

Однако, память о Прокопии Устьянском пережила разорение, чтобы снова вернуться к нам. Сейчас в районном центре Устьянского района (поселке Октябрьском) действует храм в честь Праведного Прокопия. Среди икон, находящихся в нем, есть и образ Прокопия Устьянского- небесного покровителя этих мест, который, как и столетия тому назад, помогает тем, кто просит его помощи.



XVIII ВЕК

толетие, о котором сейчас пойдет речь, было не столь богато на церковных подвижников, как века предыдущие. Один из современных западных церковных писателей, иеромонах Иоанн (Кологривов) назвал его « веком противоречий и парадоксов. Это блестящий век русского барства и вольтерьянства, век крепостничества, переходящего понемногу в рабство, век неслыханных страстей, грубого и жестокого тиранства» (49, 303). А у известного духовного писателя, автора многотомного свода Житий Святых (Четь- Минней), Святителя Димитрия Ростовского, жившего в этом противоречивом веке, встречается в одной из проповедей трагический образ человека того времени, который ищет в современном ему мире Царствие Божие, и не может его отыскать. Нет его ни в царских палатах, ни в богатых домах, нет и среди шумной толпы народной. Нет даже в храмах и обителях, где « многое попортилось, чина не стало, едва Христос остался» (50, 91). Действительно, и на Севере, и по всей России монастыри переживали в эту пору нелегкие времена. Реформы Петра 1, а впоследствии Екатерины 11 неблагоприятно сказались и на судьбах северных обителей, ряд из которых был закрыт. Но еще большее влияние оказали эти реформы на мировоззрение людей того времени. Оно все более и более становилось земным, светским, далеким от забот исключительно о спасении души. Это отразил в одной из своих проповедей патриарх Адриан, современник Петра 1, отрицательно относившийся к деятельности этого царя: «совратились с путей отцов своих, говорят: для чего это в Церкви так делается? Нет в этом пользы, человек это выдумал...»(51, 3). Действительно, бессмысленно было искать Царствие Божие среди таких людей. Однако, Святитель Димитрий Ростовский все- таки закончил свою проповедь о Царстве Божием на светлой, обнадеживающей ноте. Оно, это Царство, все же не окончательно покинуло этот мир. И, несмотря на все соблазны и парадоксы окружающей действительности, оно живет и будет жить в сердцах простых, бесхитростных людей, терпящих на этой земле унижения и обиды. К числу именно таких людей 18 века, в сердцах которых жила ничем неистребимая мечта о Царстве Божием, был преподобный Иов (в схиме Иисус), Соловецкий чудотворец. Он оказался единственный из людей, живших в Архангельской области в 18 столетии, кто был причислен к лику святых. Именно поэтому его судьба представляет для нас особый интерес.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОВ (ИИСУС) СОЛОВЕЦКИЙ

Биография этого человека необычна. В миру его звали Иоанном, в монашестве- Иовом, впоследствии, когда он принял схиму- Иисусом. И, так же, как много сменил он имен, много было в его жизни событий- горестных и радостных, которые сменяли друг друга... Родился от в Москве в 1635 году, по преданию, в семье священнослужителя. Впоследствии и сам стал священником.

Как повествует его житие, « с первых же шагов своей пастырской деятельности он обнаружил невольно свои высокие свойства» (51, 204). Много молился (в частности, выполнял дома монашеское молитвенное правило). Почти все свои доходы употреблял на милостыню нищим. Охотно мирил поссорившихся людей, искренне радуясь, когда ему это удавалось. Нередко заступался за несправедливо обиженных людей, «ходатайствуя за них перед высшими лицами» (51, 204). Посещал тюрьмы, где утешал заключенных. На Праздники Пасхи и Рождества Христова привозил им гостинцы. А если встречал тех, кто угодил в тюрьму за долги, «нередко давал им деньги на уплату долга» (1, 112). Не было человека, нуждавшегося в помощи, которому он бы в ней отказал.

Такая праведная жизнь отца Иоанна стала известна царю Петру 1, который приблизил его к себе и сделал своим духовником (1, 112). Однако, Иоанн нисколько не возгордился неожиданным поворотом его судьбы и остался таким же простым и добрым человеком, каким он был до знакомства с царем.

Вскоре в его судьбе произошла очередная, трагическая перемена.

«Известно, что преобразования Петра Великого среди русского общества встретили много несогласия, много глухого противодействия, а отчасти и открытой вражды»(51, 206). Вот мнение о них современника Петра 1, патриарха Адриана : « и знатные, и простые, от злоглагольств люторских и прочих еретиков и от пипок (трубок) табацких объюродели (потеряли разум)»(34, 259). Если так говорил и мыслил патриарх, то что говорить о простых людях, гораздо менее, чем он, связанных своим общественным положением... К числу таких людей принадлежал переписчик книг Григорий Талицкий, « сумасбродный агитатор», объявивший Петра 1 антихристом (34, 261). Свои взгляды Талицкий изложил письменно в « тетрадках». Написанное читал тем, в ком надеялся найти единомышленников. Разумеется, он был арестован и казнен. Но, к несчастью, на допросах дал показания против некоторых духовных лиц, которые ему сочувствовали. Среди них оказался и царский духовник Иоанн...

Петр распорядился сослать Иоанна в Соловецкий монастырь «для пострижения и неисходного пребывания» там (51, 206), что и было исполнено. На Соловках Иоанн был пострижен с именем Иова. В эту пору ему было 60 лет. В монастыре ссыльный священник нес послушания в кухне, а затем- при монастырской трапезе. В конце концов, «после многих испытаний в трудах жизни иноческой, настоятель обители и братия, признав нового

Преподобный Иов (Иисус) Соловецкий. Хромолитография 19 века.

постриженника совершенным иноком, освободили его от монастырских послушаний»(1, 116). В 1702 году Иов переселился жить в Анзерский скит. Вскоре после этого умер тамошний строитель, и на эту должность был назначен Иов. В 1710 г. он принял схиму с именем Иисуса, «в память Иисуса Навина, вождя Израильского» (51, 208).

Впоследствии, как повествует житие Иова, Петр 1 убедился, что духовник его был оклеветан. Даже предлагал ему вернуться и снова быть его духовником. Но Иов уже был далек от всех земных забот. Поэтому от заманчивого царского предложения отказался.

18 июня 1712 года Иов отправился за 6 верст от Анзерского скита, чтобы посетить пустынника Паисия. Тот жил у подножия высокой горы, прозывавшейся Голгофой. Как повествует житие, он остался в этом месте на некоторое время. И в первую же ночь ему явилась Матерь Божия, повелевшая ему устроить скит на этой горе. При этом Она пообещала « пребывать вовеки» с теми, кто поселится на ней (51, 209).

Иов исполнил Ее веление. В 1713 г. от Холмогорского архиепископа Варнавы им было получено благословение на строительство скита. При этом новый скит получил название Распятского(1, 122). Впоследствии там был построен деревянный храм в честь Распятия Господня. Устав для скита был составлен самим Иовом. В частности, в обязанность его обитателей входило ежедневное « чтение по пяти кафизм из Псалтири с 500 молитвами Иисусовыми и 300 поклонами»(1, 126).

В этом скиту 6 марта (по новому стилю 19 марта, эта дата и является днем его памяти)1720 года и завершилась жизнь его создателя- 85- летнего схимонаха Иисуса. Похоронен он был в Распятском храме на вершине горы Голгофы. Там впоследствии находились под спудом его мощи (24, 34).

Долгой и полной перемен была его жизнь. Неизменными в ней оставались только горячая вера и мужество в перенесении испытаний, которые с честью выдержал этот человек.

XIX ВЕК

Девятнадцатое столетие дало Архангельской области одного- единственного святого- праведного Иоанна Кронштадтского. Пожалуй, личность ни одного из русских святых не оценивалась столь противоречиво. Тут и похвалы, и брань, и попытки объявить его своеобразным « гипнотизером», а то и « экстрасенсом». Говорят об его даре исцелять болезни, о проповеди покаяния, о грозных пророчествах, обращенных к теряющей веру России. Мы решили показать его с несколько иной стороны. Как человека, который обостренно чувствовал чужую боль и приходил на помощь тогда, когда помощь эту уже отчаивались ждать.

ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

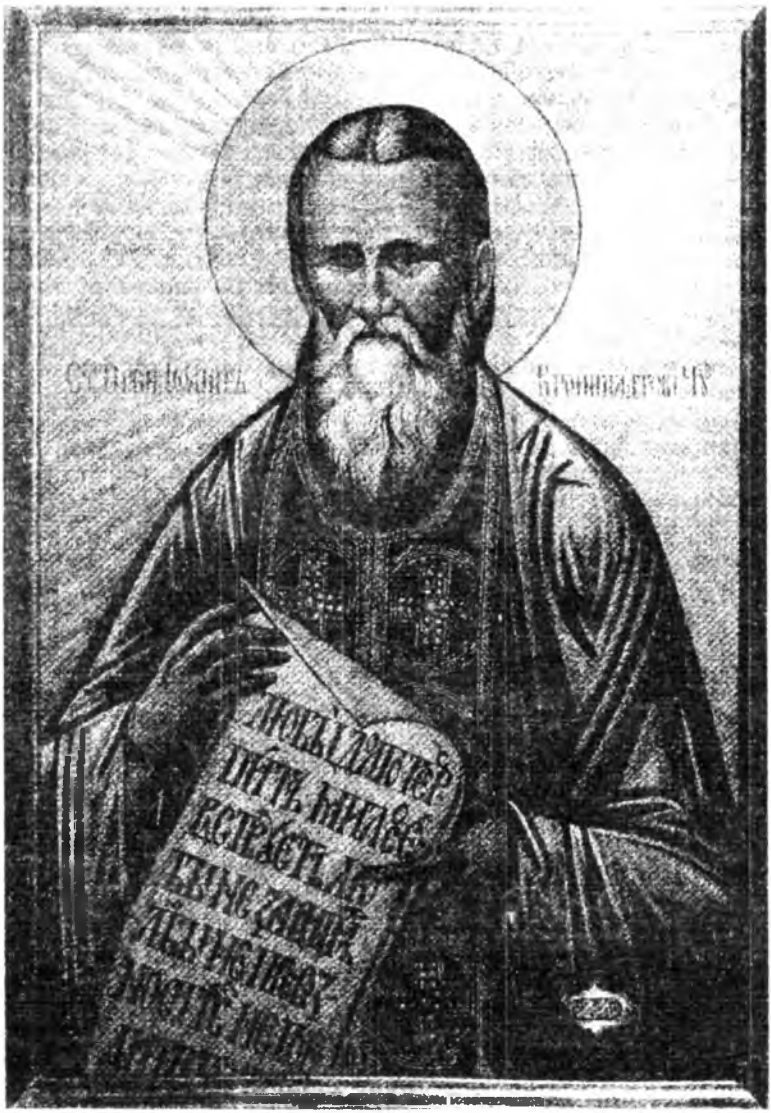
Иоанн Кронштадтский родился 19 октября (по новому стилю 1 ноября) 1829 года в пинежском селе Сура, в семье бедного церковнослужителя. И, по примеру родителей, псаломщика (церковного чтеца) Ильи Сергиева и его жены Феодоры Власьевны, их слабый, болезненный сын Ваня привык терпеливо переносить нужду и всегда полагаться на Божию помощь. Молитва и обращение к Богу для него всегда оказывались действенными. Уже подростком, учась в Архангельском духовном училище (на этом месте располагается сейчас Поморский университет), испытывая затруднения в учебе, Ваня Сергиев просил Бога помочь ему в постижении наук. И вера его не оказалась посрамленной. Как вспоминал он сам : « в короткое время я подвинулся вперед настолько, что уже перестал быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше я успевал в науках» (52, 15).В результате- кончил курс в числе лучших учеников, так что был направлен в Санкт- Петербургскую духовную Академию, где также успешно занимался. Следует упомянуть еще одну деталь из его биографии этого периода- когда Иван Сергиев еще учился в семинарии, умер его отец. И ради того, чтобы содержать мать, оставшуюся без средств к существованию, Иван решил бросить ученье и стать псаломщиком. Однако, Феодора Власьевна воспротивилась этому, и велела сыну учиться дальше. По приезде в Петербург он нашел себе дополнительный заработок в качестве писца, и все заработанные деньги посылал матери (52, 16).

Поразительно, но свое бедное, суровое детство Иоанн Кронштадтский впоследствии вспоминал с благодарностью. « Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою»(53, 3). Уже почтенным протоиереем, приехав в Архангельск, в саду семинарии отыскал дерево, под которым когда-то учил уроки, и любовно погладил его ствол... Такой же незабвенной и любимой навсегда осталась для него и родная сторона- далекая северная Сура. Он помнил о ней всю жизнь, и часто посещал ее.

В 1854 г., окончив Академию и женившись на дочери протоиерея Константина Несвицкого, Елизавете, Иван Ильич Сергиев был рукоположен в сан священника. Местом, где он служил, стал Кронштадтский Андреевский собор. Кронштадт в ту пору населяли бедняки, безработные, опустившиеся « на дно» люди. К ним- то и пошел молодой священник. Беседовал, проповедовал, утешал, ободрял ласковым словом, молился за отчаявшихся и больных, отдавая им последние деньги, а то и одежду, которую носил сам. Не раз возвращался домой босым. И люди, к которым приходил этот странный батюшка с порывистыми движениями и резким голосом, видели, что он не просто наемный исполнитель треб, а человек свой, живущий их радостями и бедами. Ему верили. « Побудешь около о. Иоанна- словно на солнышке погреешься»,- вспоминали о нем кронштадтцы (53, 3). Особенно любили его дети.

День отца Иоанна начинался с домашней молитвы, продолжался служением в храме. Оттуда, часто не пообедав, он отправлялся к тем, кто его ждал- к больным, неимущим. « Нужда не ждет, боль тяжела»,- отвечал он жене, уговаривавшей его «пожалеть себя». Домой приходил глубокой ночью. Между прочим, у него был обычай по дороге домой заходить в те квартиры, где не ложились допоздна- может быть, у их обитателей горе и им надо помочь? И часто он являлся вовремя. Бывало, заговаривал на улице с людьми, на лицах которых прочитывал незримую для других мольбу о помощи. Однажды в скверике, заметив одиноко сидевшую девушку, обратился к ней со словами участия. В ответ та расплакалась- с ней и впрямь случилось несчастье, приведшее ее к мысли о самоубийстве. Отец Иоанн утешил ее и дал совет, как помочь беде, отвел от страшного решения (54, 18). В другой раз, встретив спившегося бродягу, в прошлом мастера- ювелира, убедил его покаяться и начать новую жизнь, внушил веру в возможность все еще исправить. И человек, казалось бы, безнадежно опустившийся, поверил его словам. Бросил пить и вернулся к честному труду. Таких случаев в жизни Иоанна Кронштадтского было много.

Для отца Иоанна служение Богу и служение ближнему были неразделимы. Для него не существовало понятия» личная жизнь». Была « жизнь во Христе». « Я священник, значит, я принадлежу другим, а не себе»,- говорил он (54, 18). Известны и его слова, обращенные к жене: « счастливых семей, Лиза, и без нас довольно. А мы с тобой посвятим себя на служение Богу» (29, 372). У него не было своих детей- и в то же время- тысячи духовных чад. Особенно любил он детей. Трогательно его участие в судьбах учеников Кронштадтской гимназии, где он преподавал Закон Божий. Он не заставлял их зубрить Евангельские заповеди «из-под палки», а старался, чтобы они усваивали их сердцем и следовали им в жизни. Заступался за неуспевающих учеников. Известно, что один из таких « отпетых» ребятишек, которого он спас от исключения из гимназии, «закончил ее в числе лучших, а потом стал профессором» (55 , 415). В своей любви к детям Иоанн не делал различия между национальностью, вероисповеданием родителей ребенка и их достатком. Известен случай, когда он исцелил смертельно больного ребенка,



Праведный Иоанн Кронштадтский. Современная икона.

сына бедного чиновника. Его отец, отчаявшись в чьей- либо помощи (не хватило нужной суммы, чтобы оплатить консультацию врача, а начальник чиновника не дал ему денег взаймы, хотя и знал, на что они требуются), на последние деньги послал в Кронштадт телеграмму с просьбой помолиться за умирающего ребенка. Ночью мать малыша, задремав у его кроватки, в полусне увидела незнакомого священника, который благословил ребенка и исчез. Наутро больному стало лучше. Вскоре он и совсем поправился. Позднее, по фотографии, женщина узнала священника. Им был Иоанн Кронштадтский(53, 3).

Отцу Иоанну принадлежит замечательное утверждение, которому он следовал на деле. « Нужно любить всякого человека, и в грехе его, и в позоре его. Не нужно смешивать человека- этот образ Божий- со злом, которое в нем» (29, 373- 374). Огромные суммы, которые ему жертвовали, он тратил на бедных. « Ежедневно кормил тысячу нищих. Устроил в Кронштадте замечательное учреждение- Дом Трудолюбия, со школой, церковью, мастерскими и приютом» (29, 375). При этом Доме имелись бесплатная лечебница, курсы для обучения ремеслу, бесплатные школы для детей (на 300 человек) и для взрослых (53 , 3). « в 1888 г. заботами и трудами отца Иоанна был построен ночлежный дом, в 1891 г. странноприимный дом. Помощь оказывалась всем нуждающимся, независимо от их социальной и религиозной принадлежности. Дом Трудолюбия в Кронштадте стал образцом для учреждения таких же домов в столице и во многих провинциальных городах» (56, 66).

Не забывал отец Иоанн и свою родину- Суру. Часто приезжал туда. Открыл там лавку, где продавались по дешевой цене необходимые в крестьянском быту товары. Построил каменную церковь в честь Святителя Николая, а также школу (42,74). А в 1899 г. основал в родном селе Суре женский монастырь. При нем имелась школа, где бесплатно обучались ежегодно от 31 до 50 крестьянских девочек (42, 96).

Мы не касаемся деятельности Иоанна Кронштадтского как пастыря и проповедника. Хотя об этом существует множество интереснейших воспоминаний. Вот одно из них : « когда о. Иоанн обращался к народу перед исповедью, его слова прожигали сердце. Он не был оратором, но его речь обладала могучей силой, потому что каждое его поучение было ни что иное, как откровение его пламенного сердца и его верований» (53, 3). Такие же свидетельства есть и об уникальной практике его « общей исповеди».

Литературное наследие Иоанна Кронштадтского весьма обширно. Здесь и многочисленные проповеди, и, конечно, его знаменитая книга « Моя жизнь во Христе»- записи его мыслей после Богослужений. Среди них- и глубокое благоговение перед Богослужением, и молитвы, и печаль от того, что большинство людей « уловлены миром» и променивают сокровище веры на пустые забавы- чины, богатства, развлечения. В настоящее время

опубликовано его «Видение» (от 1 января 1901 года) , где в страшных образах показаны времена « воинствующего безбожия», ожидающие Россию. Существует и его «дневник», который до настоящего времени, в связи с неразборчивостью почерка, которым он написан, не опубликован.

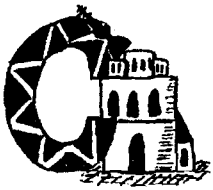
Мы посчитали необходимым привести его высказывание на очень злободневную для настоящего времени тему. Хотя относится оно к 1904 году. Тогда в городе Сарапуле Вятской губернии на беседе с духовенством о. Иоанну был задан вопрос такого характера : « Часто приходится переживать чрезвычайно тяжелое чувство при виде торжествующего зла. Как и чем побеждать в себе такого рода уныние?» Вот ответ отца Иоанна: « ...Подобное состояние и мне приходится переживать часто. И всего больнее здесь сознание, что и пастырская ревность здесь бессильна. Часто приходится мириться... Утешение себе в этих случаях можно найти в сознании, что это явление лишь временное, допускаемое Промыслом Божиим с особыми, известными лишь Богу целями, и что рано или поздно зло будет побеждено и будет торжествовать добро. И во всех этих случаях нужно подкрепить себя молитвою. Господь... всегда преклоняет ухо Свое к молитве нашей...»(52, 21) Для верующего человека утверждение это не нуждается в комментариях. Для неверующего или для сомневающегося очевидным будет хотя бы то, что зло действительно рано или поздно получает по заслугам, а добро одерживает победу. Иоанн Кронштадтский, как человек глубокой веры, в этом не сомневался никогда. Поэтому « торжество зла» на земле справедливо считал лишь временным явлением.

20 декабря 1908 года Иоанн Кронштадтский скончался и был погребен в основанном им женском Иоанновском монастыре в Санкт- Петербурге. Там и поныне находятся его мощи, от которых и поныне совершаются чудеса. Память его по новому стилю- 2 января.

На Поместном Соборе 1990 года праведный Иоанн Кронштадский был причислен к лику святых (27, 380). Хотя почитание его началось гораздо раньше, благодаря праведному образу жизни, который он вел. А также- благодаря тому доброму следу, который оставил на земле этот наш земляк.

Данью памяти ему в нашей области стали образовательные Иоанновские чтения, которые проводятся с 1995 года в Архангельске, а также, с 1999 г. , и в Санкт- Петербурге. Большинство докладов на них так или иначе связано с духовным, педагогическим, литературным наследием Праведного Иоанна Кронштадтского, привлекающим к себе все большее и большее внимание современных людей.

XX ВЕК



обытия, которые принес России двадцатый век, позволяют сравнить его разве что с веком семнадцатым. Он стал временем перемен, которые коснулись всех сторон жизни России. Не обошли они и Церковь, которая испытала на себе и натиск со стороны « воинствующего безбожия», и смуты обновленчества. Поэтому большинство святых этого времени- мученики. Люди, заплатившие жизнью за свои убеждения. Сейчас мы лишь начинаем осмысливать духовно- историческое наследие этого столетия. Знакомимся с судьбами его героев и его жертв. В поле нашего внимания окажутся две судьбы архиереев этого времени. Прежде всего- история жизни и мученической кончины уроженца села Нименский Погост близ Няндомы, Василия Казанского, впоследствии- Петроградского митрополита Вениамина, расстрелянного в 1922 году. А также- удивительная судьба « архиепископа-хирурга» Луки (Войно- Ясенецкого), для которого Архангельск в 1931- 1933 гг. стал местом ссылки. Несмотря на несхожесть характеров этих людей, их объединяют мужество и бескомпромиссность перед лицом испытаний, которые они выдержали до конца. Верится, что их пример- пример бесстрашного стояния за свою веру, за свои убеждения, способен помочь и нам перенести все трудности нашего времени.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЕНИАМИН, МИТРОПОЛИТ ПЕТРОГРАДСКИЙ

В 1873 (или 1874) году в семье священника Нименского Погоста, отца Павла Казанского, родился сын, получивший в крещении имя Василия. Села, где он появился на свет, сейчас нет. До конца 80-х годов в этом месте, километрах в десяти от железнодорожной станции Няндома, располагался дом отдыха, впоследствии закрытый (57, 11). А когда- то там было село. И стоял в нем храм, построенный в честь Праздника Преображения. Сейчас от него осталось « старое большое строение»(57, 11), которое когда-нибудь, возможно, снова станет храмом… В этом храме сорок лет прослужил уважаемый в округе отец Павел Казанский. Между прочим, он « много сделал для просвещения местных жителей. В деревнях прихода открыл пять церковных школ» (57, 11). Воспитал, вместе со своей женой Марией, трех сыновей и дочь. «Все сыновья окончили Каргопольское духовное училище и служили Церкви» (57, 11). Среди них Василий был старшим. Отличался застенчивостью, и незаурядными способностями. Очень любил читать книги.

Митрополит Вениамин

Разумеется, духовные. Как сообщает его житие, « полюбив чтение житий святых, он восхищался их духовными подвигами, сожалея о том, что в современном ему мире он лишен возможности пострадать за веру православную» (48, 284).

Окончив Петрозаводскую духовную семинарию, Василий Казанский продолжил свое образование в Санкт- Петербургской духовной Академии. При этом « студентом он активно участвовал в деятельности « Общества распространения религиозно- нравственного просвещения», организуя беседы среди рабочих. На третьем курсе (в 1895 г.) принял монашеский постриг с именем Вениамина. В 1897 г., по окончании Академии, преподавал в Рижской духовной семинарии, а два года спустя стал инспектором Холмской духовной семинарии. По отзывам ректора этой семинарии, впоследствии митрополита Евлогия (Георгиевского) « это был молоденький, скромный, кроткий, улыбающийся монах, а дело повел крепкой рукой и достиг добрых результатов» (57, 11). С октября 1905 г. Вениамин (к тому времени архимандрит) был назначен ректором Санкт- Петербургской семинарии. Неоднократно удостаивался правительственных наград. В 1901 г. он был рукоположен во епископа Гдовского, викария Санкт- Петербургской епархии (57, 11).

24 марта 1917 года, «после февральской революции и увольнения на покой митрополита Петроградского и Ладожского Питирима, голосованием клира и мирян он был избран архиепископом Петроградским и Ладожским, и 25 мая утвержден Святейшим Синодом»(57, 11). При этом титул его был изменен на « Петроградский и Гдовский». 13 августа его возвели в сан митрополита.

Назначение епископа Вениамина исходило, таким образом, от самого народа. Спустя 5 лет, во время суда над ним, именно об этом вспомнит его адвокат Гурович : «это же ставленник народа, первый ставленник, который никогда не порывал с народом»(58, 72). Именно так это и было в действительности. Вот еще одно из воспоминаний о нем. « Епископа Вениамина отличало тесное общение с паствой. Он часто служил не только в богатых столичных церквах, но и в храмах на рабочих окраинах и в отдаленных селах. Десятки верст прошел он, нередко под дождем и по грязи, в крестных ходах с общим пением, подавая пример священникам и мирянам. Немалое внимание уделял движению за народную трезвость. Все богослужения сопровождал сердечным словом, близким и понятным простым людям» (57, 11). Люди называли его просто: «наш батюшка Вениамин» (48, 284).

По утверждению современного церковного историка, протоиерея В. Цыпина, митрополит Вениамин «был, вероятно, самым аполитичным во всем российском епископате» (59, 85). Это подтверждается его собственными словами. « Сразу же после избрания на Петроградскую кафедру святитель заявил : « я стою за свободную Церковь. Она должна быть чужда политики, ибо в прошлом она много от нее пострадала. Самая главная задача сейчас- это устроить и наладить нашу приходскую жизнь» (48, 284- 285).

Летом 1921 г. начался голод в Поволжье. Митрополит Вениамин не мог не откликнуться на чужую беду. Он «стал активно привлекать приходы и монастыри Петроградской епархии к оказанию помощи голодающим» (57, 11). «Он благословил передачу церковных ценностей, не имеющих

богослужебного употребления, на нужды бедствующих»(47, 285). Известны его слова о том, что он готов своими руками снять драгоценную ризу с почитаемой Казанской иконы Божией Матери и отдать ее, чтобы спасти людей от голода (55, 437). Однако он просил о том, чтобы в комиссию по добровольному изъятию ценностей были включены представители от приходов (57, 11).

Он не знал, что в это время существовала секретная инструкция Совнаркома от 19 марта 1922 года, согласно которой изъятие церковных ценностей должно было производиться в насильственном порядке и « вылиться в «яростную антирелигиозную кампанию», в результате которой планировалось истребить как можно « большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии» (57, 11). Добровольный почин верующих не интересовал никого. Изъятие ценностей стало производиться в принудительном порядке. При этом, естественно, не обходилось без столкновений и жертв. Протоиерей В. Цыпин приводит такую статистику: «при изъятии церковного достояния в 1414 случаях власть прибегала к оружию, в итоге изъятое составило 33 пуда золота, 24000 пудов серебра и несколько тысяч драгоценных камней» (59, 76). В апреле 1922 г. в Москве состоялся первый крупный « церковный процесс» над духовенством, в результате которого пятеро из подсудимых были расстреляны (59, 77).

« В мае 1922 г. в Москве был арестован Патриарх Тихон (причисленный к лику святых в 1989 году- авт.), и власти способствовали созданию послушного им « церковного управления» (58, 11). Лучше всего для этого подходили так называемые обновленцы, представители активно сотрудничавшего с Советской властью движения «Живая Церковь». В народе их насмешливо называли «живцами». Среди этих «живцов» были самые разные люди- от беспринципных карьеристов до искренне заблуждавшихся, но честных людей. Самой яркой личностью среди них был протоиерей Александр Введенский. Впоследствии он стал обновленческим « митрополитом». Умный, несколько эксцентричный, глубоко (хотя по- своему) религиозный, Введенский был честолюбивым человеком. Воспользовавшись кампанией по изъятию ценностей, он «попытался утвердить власть ВЦУ (обновленческого Высшего Церковного Управления – авт.) в Петрограде. Он явился к митрополиту Вениамину и потребовал от него подчинения ВЦУ»(60, 197).

Митрополит понял- его час настал. Он не только отказался признать обновленцев и подчиниться им, но «обратился к духовенству и верующим с призывом не признавать ВЦУ, считать участников его похитителями церковной власти»(60, 197). А Введенского и его сторонников предал анафеме (59, 84). Но Введенский явился к митрополиту снова. На этот раз не один, а с председателем Петроградского ГПУ Бакаевым. «Они требовали от митрополита отмены постановления о ВЦУ. В случае несогласия угрожали митрополиту гибелью. Он ответил: «делайте, что хотите, а я ни от одного слова не откажусь»(60, 197).

29 мая 1922 года митрополит Вениамин был арестован. Существует рассказ о том, как перед арестом у ворот Александро- Невской Лавры он повстречался с Введенским. Тот подошел под благословение. «Отец Александр, мы же с Вами не в Гефсиманском саду»,- сказал митрополит, намекая на известную историю о том, как, предавая Христа, Иуда, поцеловал его, тем самым давая знать, Кого именно следует арестовать. (60, 82). При этом благословить Введенского он отказался.

В это время в покоях митрополита шел обыск. А предупрежденный заранее Введенский, как представитель ВЦУ, просто-напросто пришел, чтобы принять его канцелярию (60, 82)...

Есть интереснейшее воспоминание, относящееся к истории отношений А. Введенского и митрополита Вениамина. Уже во время суда над митрополитом один из обвинителей, Драницын, посетил квартиру Введенского. « Когда я поднялся, чтобы уходить, - вспоминал Драницын, - с удивлением увидел на стене, в головах, большой портрет митрополита Вениамина. На нем прочел : « Моему большому другу». Ничего не сказав, посмотрел на Введенского. Он был смущен» (59, 87). Как говорится- комментарии излишни...

10 июня того же года в Петрограде начался судебный процесс, к которому, помимо митрополита Вениамина, было привлечено еще 85 человек, представителей как духовенства, так и мирян. Этот процесс сполна выявил то уважение, с которым относились к Вениамину жители Петрограда. Когда он входил в зал суда, все, присутствовавшие в зале, вставали.(60, 198).

К чести Введенского, он, вероятно, не до конца потерял совесть, и решил защищать на суде человека, которого сам же и предал. Однако, во время одного из заседаний он получил травму головы, которую нанесла ему некая истеричная женщина. «Покушение на Введенского характеризовалось, как акт террора со стороны старой церкви, и , вероятно, усугубило приговор, вынесенный обвиняемым на процессе»(60, 89).

А приговор этот оказался жестоким. К расстрелу было приговорено 10 человек. Впоследствии шестерых помиловали. А в отношении четверых- митрополита Вениамина, архимандрита Сергия (Шеина), Ю.П. Новицкого и И.М. Ковшарова приговор оставили в силе.

По- разному встретили осужденные смертный приговор. «Новицкий в своем последнем слове сказал, что никаких контрреволюционных выступлений не было. Ковшаров заявил, что процесс- маскировка действительных намерений власти. Архимандрит Сергий хладнокровно бросил в лицо судьям: «...я буду жалеть вас и о вас молиться»(60, 204). А митрополит Вениамин сказал, что «к самом обвинению он относится спокойно, но не может отнестись спокойно к тому, что его назвали «врагом народа». «Народ я люблю и отдал за него все. И народ любит меня. Не знаю, что вы скажете мне в приговоре: жизнь или смерть? Но, что бы вы ни сказали, я осеню себя крестом и скажу- слава Богу за все»(60, 204).

Они ждали смерти около месяца- с 5 июля 1922 года, когда суд завершился, до той ночи с 12 на 13 августа, когда их, «обритых и одетых в лохмотья, чтобы их не опознали и не отбили у конвоя питерцы, отвезли на станцию Пороховое и там расстреляли»(57, 11). О чем думали они, ожидая конца- кто скажет теперь? Хотя в настоящее время опубликованы воспоминания одного из участников этого процесса, протоиерея Михаила Чельцова. Он тоже был приговорен к смертной казни, но помилован и расстрелян 9 лет спустя, в 1931 году. В них он описал свои переживания в ожидании расстрела, сделав вывод о том, что даже без смертного приговора « тюремное одиночество легко и естественно может довести до сумасшествия» (61, 130). Благодаря ему мы знаем о том, как готовился к смерти митрополит Вениамин. Он сообщает рассказ об этом неких «официальных лиц»-« митрополит молится по 14 часов в сутки, и производит на надзирателей самое тяжелое впечатление, почему они отказываются от несения ими их обязанностей в отношении к нему (61, 107). Судя по всему, для надзирателей становилась очевидна невиновность митрополита и они не боялись говорить об этом. Хотя спасти его, разумеется, не могли.

Существует несколько свидетельств о том, как был расстрелян митрополит Вениамин. Один из очевидцев рассказывал, что « митрополит Вениамин тихо молился, крестясь». Так, с молитвой на устах, и встретил смерть (57, 11).

Другой рассказ, известный благодаря иеросхимонаху Сампсону (в миру- графу Сиверсу), гораздо более ярок. Судя по нему, «семь раз стреляли в него и не могли ничего сделать. Тогда расстрельщик взмолился: «батя, помолись, измучились в тебя стрелять!» Митрополит произнес краткую молитву и «благословил их. Зарядили восьмой раз, и он был убит»(62, 291).

Скорее всего, это легенда. Но согласимся, не о каждом человеке слагают такие легенды. И, на основании ее, а также нашего рассказа о митрополите Вениамине, пусть каждый решит сам- кем был этот человек? Жертвой, по-овечьи безропотно принявшей смерть? Или все- таки- героем, чьи честность и бесстрашие могут возбудить уважение даже тех, чье мировоззрение отличается от жизненных принципов митрополита Вениамина?

Память митрополита Вениамина совершается 13 июля и 8 февраля по новому стилю.

СВЯТИТЕЛЬ КРЫМСКИЙ ЛУКА (ВОЙНО- ЯСЕНЕЦКИЙ)

Судьба этого человека ярка и трагична. Что только не пришлось ему перенести- потерю любимого человека, гонения и издевательства, мытарства по тюрьмам и ссылкам. И в то же время было иное- слава знаменитого ученого и хирурга. Ибо он был одновременно и практикующим врачом- хирургом, и епископом. Ни до него, ни после него подобных ему людей не было и вряд ли будет.

Архиепископ Лука

Валентин Феликсович Войно- Ясенецкий (так звали в миру Святителя Луку) родился в 1877 г. в Керчи в семье провизора. По окончании гимназии в Киеве в качестве дела, которому решил посвятить жизнь, избрал медицину. Хотя он сам впоследствии вспоминал, что испытывал больше склонностей к занятиям живописью, тогда как «к естественным наукам чувствовал почти отвращение»(63, 14). Однако, как глубоко верующий человек, посчитал своей обязанностью «заняться тем, что полезно для страдающих людей»(64, 11). И этот первый в его жизни жертвенный поступок был вознагражден Богом. Святитель Лука вспоминал, что, учась на медицинском факультете Киевского

университета, он увлекся хирургией. Впоследствии об его хирургическом мастерстве было сложено много легенд. Сам же он в своих « Воспоминаниях» так резюмировал итог своих юношеских исканий- « из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургом»(63, 14).

По окончании университета В.Ф. Войно- Ясенецкий в составе медицинского отряда Красного Креста участвовал в русско-японской войне. В военно-полевом госпитале в Чите он успешно оперировал раненых. Между прочим, там он встретил женщину, которая стала его женой и матерью его четырех детей- сестру милосердия Анну Ланскую, которую раненые прозвали « святой сестрой» за ее « исключительную доброту и кротость характера»(63, 17).

Впоследствии семья Войно- Ясенецких жила в разных городах России- Ардатове, Фатеже, Переславле- Залесском, Ташкенте. И везде, куда бы ни заносила их судьба, В.Ф. Войно- Ясенецкий много и успешно оперировал больных. Занимался и научной работой. В 1915 г. вышла его первая книга-« Регионарная анестезия», посвященная вопросам местного обезболивания при оперативном лечении больных. За эту работу автор был удостоен премии Варшавского университета. «Эту награду получали авторы лучших сочинений, прокладывающих новые пути в медицине» (64, 15). В 1916 г. за этот труд он был удостоен степени доктора медицинских наук. Вслед за этим у В.Ф. Войно-Ясенецкого возникла мысль изложить свой обширный хирургический опыт в книге под заглавием « Очерки гнойной хирургии». Причем, как он вспоминал позднее, при этом ему явилась « крайне странная, неотвязная мысль: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа»(64, 17). Никто, в том числе и сам он, не мог предугадать в ту пору, что впоследствии ему действительно суждено стать епископом.

В 1917 г. умерла от туберкулеза жена В.Ф. Войно- Ясенецкого. А в 1921 г. он принял сан священника. Вслед за тем, в 1923 г .- монашеский постриг с именем Луки и епископский сан (в честь Апостола и Евангелиста Луки, который был врачом, писателем и художником одновременно). В связи с этим в литературе, особенно атеистической, можно встретить утверждение о том, что именно в связи с семейной драмой он «начал искать утешения в религии» (65, 15), со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, это не соответствовало истине. Мы уже упоминали о том, что на выбор его жизненного пути оказали влияние религиозные убеждения. По свидетельству коллег, В.Ф. Войно- Ясенецкий всегда отличался глубокой религиозностью. Хотя, из- за своей чрезвычайной занятости не всегда мог посещать Богослужения в храме. Поэтому романтическая легенда об его « уходе в религию» именно после смерти жены- беспочвенна.

Принятие священства в двадцатые годы требовало от человека немалого мужества. Ведь это было время разгула « воинствующего атеизма». А Войно-Ясенецкий осмелился и на большее. Не побоялся открыто вступиться за Православную веру, которую в то время стремились вытеснить из сердец и памяти людей. Вот его собственные слова, объясняющие, почему он это сделал. « При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом

нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало : «не могу молчать!» И я чувствовал, что мой долг- защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому»(63, 30). На эту тему он проповедовал и писал. Иногда это проявлялось и во вроде бы бытовых эпизодах, когда он заступался за икону, которую выбрасывали из операционной. Или когда отказался лечить человека, повредившего глаз во время разрушении храма. Но даже это мог позволить себе только достаточно смелый человек. Особенно, если учесть, что последний случай относится к периоду его сибирской ссылки, когда он был абсолютно беззащитен и бесправен.

Но самой яркой проповедью христианства, которую всю свою жизнь вел Святитель Лука, было его служение в качестве врача- хирурга. Вряд ли возможно назвать хирурга, равного ему в его врачебном искусстве. «Он одним из первых в России делал операции не только на желчных путях, почках, желудке и кишечнике, но даже на сердце и на мозге. Прекрасно владел и техникой глазных операций. Такой диапазон кажется сегодня невероятным…»(66, 14). А один из лучших его биографов, Марк Поповский, в своей книге « Жизнь и житие Войно- Ясенецкого, архиепископа и хирурга», упоминает о том, что в 1924 г., за десять лет до официально известного случая трансплантации (пересадки- авт.) чужеродной почечной ткани, он пересадил больному почку свиньи, то есть» произвел операцию, с которой отсчитывается эра пересадок почки в нашей стране»(67, 88). Но этот искуснейший хирург признавал себя лишь орудием в руках Бога. « Это вас Бог исцелил моими руками. Молитесь Ему»,- так говорил он пациентам, пытавшимся его « отблагодарить» (64, 30). При этом больных он благословлял. Перед каждой операцией- молился. А перед тем, как сделать на коже разрез, «трижды осенял крестным знамением операционное поле»(68, 86). А если прибавить, что операции его почти всегда были успешными и что сам он говорил, что « исцеляет он с помощью Господа Иисуса Христа»(69, 68), то хирургическая деятельность Святителя Луки была самой настоящей проповедью Православия. Хотя она и не звучала с церковного амвона… Христианские взгляды Святителя Луки заметны и при чтении основного его труда « Очерки гнойной хирургии». Например, его замечания, касающиеся подготовке больного к хирургическому вмешательству, с целью максимально уберечь его от психотравмы при виде операционной. « Наши врачебные задачи нередко вызывают необходимость причинять боль, но печально, если мы при этом черствеем и сознаем себя вправе причинять боль, а больных считаем обязанными терпеть ее» (70, 329)- вот один из ярких примеров того, чему пытался научить он читателей своей книги. Известно его утверждение о том, что для врача не должно быть понятия « случай», а перед глазами всегда должен быть живой, страдающий человек (63, 151). И долг врача- помочь этому человеку. Или, если это оказывается уже не под силу врачебному искусству- хотя бы выполнить до конца свой врачебный долг по отношению к нему.

Глубоко христианской была и личная жизнь Святителя Луки. Он отличался крайней нестяжательностью. Даже не брал традиционных в медицине со времен Гиппократа «приношений врачу» от больных (68, 52). Будучи архиепископом в Симферополе, « всегда ходил в чиненых рясах с прорванными локтями». А на предложение племянницы сшить новую одежду отвечал ей так: « латай, латай, Вера, бедных много»(69, 95), предпочитая потратить эти деньги на еду для бедствующих людей. Множество из них ежедневно приходили к дому, где жил Владыка, где их кормили обедом... И это милосердие архиепископа- хирурга было убедительней самых красноречивых, но не подкрепленных делами, проповедей.

За свои православные убеждения Святителю Луке пришлось заплатить 11 годами мытарств по тюрьмам и ссылкам. Енисейск, Красноярск, Архангельск- вот города, где не по своей воле побывал епископ- хирург. Ссылка в Архангельск была второй из его ссылок, и длилась три года- с 1931 по 1933 гг. Причиной ее послужило то, что « в Ташкенте Войно- Ясенецкий был несправедливо обвинен в пособничестве самоубийству одного психически ненормального ученого»(71, 10). В Архангельске он работал в качестве хирурга в так называемой « 2-й Советской амбулатории» (впоследствии поликлинике № 2 Ломоносовского района)(71, 10), а также занимался подготовкой к печати своего основного труда-« Очерков гнойной хирургии». « Ибо первое издание ставших классическими « Очерков гнойной хирургии» увидело свет в 1934 году, как раз после архангельской ссылки. А еще он занимался наукой- « катаплазмами» известной знахарки Вальневой, которые... есть ни что иное, как прообраз современных сорбентов и многокомпонентных мазей на водной основе, известных сегодня всем, кто занимается гнойной хирургией» (71, 10). Дом, по улице Петроградской (ныне Ломоносова), 126, не сохранился. В Архангельске он пробыл до ноября 1933 г. Хотя срок ссылки истек еще в мае этого года... По свидетельству одного из биографов Святителя Луки, « вторую свою ссылку он считал легкой»(64, 40). Хотя это несколько не соответствует тому, что писал о ней сам Святитель Лука в своих воспоминаниях: « в первый год жизни в Архангельске я испытывал большие затруднения в отношении квартиры и был почти бездомным. Не только врачи больницы, но, к удивлению моему, даже епископ Архангельский, встретили меня довольно недружелюбно» (63, 72). Конечно, вряд ли стоит осуждать их за это. Ведь в те времена человек, который бы осмелился проявить участие к судьбе ссыльного архиерея, тем более- осужденного по статье « за убийство», рисковал пострадать сам... Поэтому в период архангельской ссылки епископ Лука занимался исключительно врачебной и исследовательской деятельностью. «Здесь он разработал новый метод лечения гнойных ран. Его вызвали в Ленинград и лично Киров уговаривал его снять сан, после чего обещал тут же представить ему институт. Но Владыка не согласился даже на печатание своей книги без указания сана» (64, 40). Однако, « Очерки гнойной хирургии» все- таки вышли в 1934 году, выдержав два переиздания. По вполне понятным причинам, на обложке этой книги « имя епископа» не стояло. Хотя

давнее предчувствие автора о том, что он в это время будет епископом, сбылось. За этот труд Святитель Лука получил в 1946 г. Сталинскую премию 1 степени. Причем почти всю пожертвовал « в помощь детям, пострадавшим в войне»(64, 52).

Для нашего времени чрезвычайно актуален его опыт перенесения лишений. Известно, что они способны сделать человека озлобленным, безжалостным, мстительным. Но Святитель Лука, много выстрадав, сумел не превратиться в замкнутого мизантропа. Не следует думать, что он забыл то, что пережил «по острогам и ссылкам»(69, 85). Он не забыл ничего. Но при этом не разучился быть милосердным к больным. Известно, что когда началась Великая Отечественная война, он, будучи в очередной ссылке под г. Красноярском, «пришел к руководству райцентра и предложил свой опыт, знание, мастерство для лечения воинов Советской армии»(64, 48). Причем это не было попыткой получить свободу. Потому что заявление, сделанное в связи с этим архиепископом Лукой, кончалось потрясающими словами- « по окончании войны готов вернуться в ссылку» (69, 46). Стало быть, он, как врач, просто-напросто не мог оставаться в стороне при виде страданий людей, которым он мог бы помочь. С октября 1941 г. он стал консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. При этом много работал, совершая по пяти больших операций в день. Несмотря на то, что в это время ему было уже за шестьдесят, проводил в операционной по пять- десять часов ежедневно. Особое внимание уделял тяжелораненым (69, 49-50), которых нередко спасал от смерти.

Как бы повел себя современный человек, окажись он на месте Святителя Луки? Сказать трудно… Да, он не забыл того, что перенес по вине и по воле « воинствующих атеистов». Но все же- сумел простить им. А насколько это сложно- прощать обиды, может понять лишь тот, кому, превозмогая себя, приходилось это делать. Не разучился архиепископ Лука и « доверять людям» (69, 92). Сумел, несмотря ни на что, остаться честным человеком. А разве это- не подвиг?..

Одиннадцать лет, через мытарства тюрем и ссылок, пронес он верность избранному им жизненному пути. Он мог бы получить свободу, известность, возглавлять институт, который ему готовы были предоставить, ценой одной-единственной уступки. От него требовалось только снять сан, покаяться перед властью, отречься от Бога. Он предпочел вынести любые страдания, но не предал свою веру. Свобода пришла к нему лишь в 1942 году. В 1944 г. он становится архиепископом Тамбовским. В 1946 г .- архиепископом Крымским и Симферопольским. В это время из- за прогрессирующей потери зрения он уже не мог заниматься хирургической деятельностью.

Жизненный путь Святителя Луки завершился 11 июня 1961 года, в г. Симферополе. Определением Синода Украинской Православной Церкви от 22 ноября 1995 г. он был причислен к лику местночтимых святых Память его совершается 11 июня. В его житии, составленном протодиаконом В. Марущаком, приводятся случаи исцелений, совершенных по молитвам к нему.

Его творческое наследие крайне обширно. Это и труды по медицине. И проповеди, « из которых 750 записаны и составляют 18 томов машинописи»(64, 67). И написанная им с целью доказать истинность Православия неверующим и отступившим от веры людям, книга « Дух, душа, тело»(64, 56). И, наконец, автобиографические « Воспоминания», которые неоднократно переиздавались (например, в 1996 г. под названием « Я полюбил страдание...»). Много страданий выпало на долю Святителя Луки. Но, подобно митрополиту Вениамину, он знал, что терпит их за правое дело- за дело Божие. И иной судьбы для себя не хотел. На исходе своей жизни, в одном из писем к сыну, он написал-« даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался быв снова выступить на путь активного служения Церкви. А к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их»(63, 159).

В памяти людей он остался несгибаемым борцом за Православную веру. А еще- «чудесным доктором», с помощью Божией исцелявшим даже безнадежных больных. О нем сложено много легенд. Одну из них, не публиковавшуюся ни в одной из книг о нем, мне самой пришлось слышать от одной, ныне покойной, прихожанки Соломбальского храма. Эта женщина лечилась у Святителя Луки, вероятно, в период его архангельской ссылки. Ее воспоминания об архиепископе Луке были кратки, и сводились, в основном, к удивлению тем, что он был одновременно и врачом, и архиереем. Более интересной была легенда, которую она рассказала мне. Она относится к последним годам жизни архиепископа Луки (примерно к 1955- 1961 гг.), когда он окончательно потерял зрение. Несмотря на то, что это произошло, многие тяжелобольные люди, для которых надежда на его помощь оставалась последней надеждой, отказывались верить, что великий хирург уже ничем не сможет им помочь. Ведь «окружающие привыкли видеть в нем не слабого старика, а ученого, целителя, благодетеля, сильного своей наукой и своей верой» (69, 117). И они по- прежнему посылали ему письма, умоляя о помощи, прося совета. Слепому архиепископу эти письма читал его секретарь. А он диктовал для каждого больного ответы с рекомендациями, как им поступить. Причем те, кто следовал этим советам, исцелялись. Таким – искуснейшим врачом- хирургом и человеком, бесстрашно отстаивавшим свои убеждения, запомним Святителя Луку и мы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Люди, о которых пойдет сейчас речь, не причислены к лику святых. Но мы решили рассказать хотя бы о судьбах немногих известных нам современных не канонизированных церковных подвижников Архангельска. Делаем мы это для того, чтобы читателям стало понятным утверждение современной писательницы Т. Кудрявцевой о том, что « святые нас никогда не покидают»(55, 440). А также, чтобы подтвердить справедливость замечательных слов древнего грузинского поэта Руставели- « зло не вечно в этом мире, доброта же неизменна». Судьбы святых- это не сказочные «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», а запечатленная в веках память о реально существовавших людях, в чем- то подобных и близких нам. Они также, как и мы сейчас, вели неравный бой с окружавшим их злом. И, в одиночестве, в нищете, среди унижений, и даже погибая, все равно выходили из этой « невидимой битвы» победителями. Возможно, когда-нибудь и о нашем времени сложат легенды и песни. Возможно, что в истории нынешнего времени были или и сейчас есть люди, которых потомки назовут святыми. Поэтому давайте познакомимся с теми, кто, даже не будучи причислен к лику святых, оставил по себе светлый и добрый след в церковной истории Архангельска 20 века. С теми, память о которых не ушла вместе с ними, а осталась в людских сердцах.

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ

Архиепископ Антоний (Быстров) возглавлял Архангельскую епархию с 1921 по 1932 гг. Единственным доступным источником информации о нем в настоящее время служит изданный в 1957 г. в Джорданвилле и несколько раз переиздававшийся в России сборник протопресвитера Михаила Польского «Новые мученики Российские». Однако, там приводится только история ареста и гибели архиепископа.

К тому времени, когда архиепископ Антоний управлял Архангельской епархией, большинство храмов нашего города были закрыты, а то и разрушены. Поэтому кафедральным (главным) храмом Архангельска стала бывшая кладбищенская Ильинская церковь. Там и служил Владыка Антоний, « высокий, маститый человек с длинными седыми волосами и такой же бородой» (72, 100).

М. Польский дает яркую зарисовку того, что происходило в этом единственном городском храме в это время. « На церковной паперти стоял длинный ряд людей в старых потрепанных скуфейках, просивших милостыни. Это все священники, монахи и даже архиереи, сосланные сюда со всех концов России, а здесь просто выброшенные на улицу. Они не имеют права поступить на какую- либо оплачиваемую должность, и таким образом, обречены на

нищенство. Немногочисленное духовенство, уцелевшее от арестов, принимал их к себе на ночлег, чтобы защитить их от трескучего мороза»(72, 100). Архиепископ Антоний также, чем мог, помогал этим людям. И за это пострадал сам.

Разрушение Троицкого собора в Архангельске. Снимок 1930 г.

Сам он был арестован 5 января 1932 года, по обвинению « в поддержке контрреволюционного духовенства»(72, 102). В течение нескольких месяцев он находился в одной камере с уголовниками, которые отнеслись к нему с уважением. Сидя в тюрьме, Владыка Антоний читали объяснял этим людям Евангелие, которое у него было с собой. « Многие из них впервые ознакомились с Евангелием. Но он не только проповедовал. Своей кротостью, добротой Владыка показывал им пример высокой христианской жизни»(72, 103).

Тем временем следствие по его делу продолжалось. От архиепископа требовали, чтобы он признал свою вину. Он отказался. «В таком случае Ваше Высокопреосвященство будет сидеть здесь до тех пор, пока не признает себя виновным»,- сказал следователь (72, 103). Единственное, чем он мог бы купить себе жизнь и свободу, было согласие стать осведомителем (72, 103). Когда он не согласился на это, его перевели в сырую и тесную камеру, где в крайне суровых условиях содержались ссыльные украинцы. Там летом 1932 года, архиепископ Антоний умер от дизентерии. Место захоронения его неизвестно.

Приводимые сведения о нем крайне немногочисленны. Но даже их достаточно для того, чтобы не угасла память об этом честном и мужественном человеке.

ПРОТОИЕРЕЙ ДИМИТРИЙ ФЕДОСИХИН

Отец Димитрий Федосихин не был уроженцем Севера. Судя по данным послужного списка, он приехал в Архангельск из Тверской губернии. Имел жену, которую звали Варварой, и пятерых детей, в том числе дочь Елену.

Судя по рассказам о нем, отец Димитрий был духовным сыном и учеником Праведного Иоанна Кронштадтского, а также- монахом в тайном постриге. Постригся он по обету, после того, как стал терять зрение. Все усилия врачей того времени вылечить его оказывались напрасными. И тогда он дал обет принять монашество, если Бог вернет ему здоровье. Выздоровев, отец Димитрий исполнил свое обещание. Вместе с ним постриглась и его жена.

Это не единственная версия истории, объясняющей, почему он стал монахом. По другой, это произошло в один из приездов в наш город Иоанна Кронштадтского. Среди встречавших его людей оказался и отец Димитрий со своей матушкой. Подойдя к священнику, Иоанн произнес : « с этого дня ты ей- брат, а она тебе- сестра» (27, 85).

Вероятно, оба эти рассказа не противоречат друг другу, а взаимно друг друга дополняют. И отец Димитрий, действительно, дал свой обет во время болезни. Но решился исполнить его по благословению Иоанна Кронштадтского.

Внешне он оставался тем же солидным протоиереем, главой большой и дружной семьи. Внутренняя его жизнь для настайна. Известно, что он старательно скрывал ее от посторонних людей, маскируя ее юродством. В частности, знавшие его люди вспоминали, что иногда батюшка, встречаясь с тем или иным из своих духовных чад, словно в шутку толкал их. Обычно это предвещало ожидавшие их искушения.

В тридцатые годы о. Димитрия арестовали. Случайно в одной камере с ним оказался бывший послушник Соловецкого монастыря, которого позднее выпустили. Он рассказывал, что все сорок дней, которые они пробыли вместе в заключении, батюшка

Протоиерей Димитрий Федосихин

делился с ним скудным семейным пайком. Затем его сослали в Кустанай, где он принял схиму. На Север отец Димитрий уже не вернулся никогда…

ЕПИСКОП НИКОН И АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ

Судьбы этих людей оказались тесно взаимосвязаны. Поэтому поведем рассказ о них обоих вместе.

Епископ Никон (Пурлевский) возглавлял Архангельскую епархию с 1933 по 1937 годы. До этого он был епископом в Белгороде. Именно при нем в 1921 г. производилось «освидетельствование» и изъятие из городского Троицкого собора мощей Святителя Иоасафа Белгородского. При этом от него требовали подписать бумагу о том, что мощи изымаются якобы с согласия верующих. Он отказался. Тогда его избили так, что он находился без сознания в течение нескольких часов (72, 307). «Дальнейшая жизнь епископа Никона в Белгороде была сжиганием на медленном огне моральных истязаний. В мае 1923 г. он был вынужден участвовать на обновленческом соборе в Москве»(72, 307).

О том, кто такие обновленцы, а также о том, каким был их моральный облик, читатель помнит из рассказа о митрополите Вениамине… Впрочем, не стоит осуждать епископа Никона за этот вынужденный компромисс с совестью. На такие компромиссы шли во все времена люди, гораздо более мужественные, чем он. Можно вспомнить идеолога анархизма, пламенного революционера Михаила Бакунина, который, оказавшись в одиночке Алексеевского равелина, без всякой надежды на избавление оттуда, написал покаянную « Исповедь», адресованную царю Николаю 1. В « Исповеди» этой он величал себя не иначе, как «от искреннего сердца кающимся грешником и великим преступником»(73, 356). Было ли это лишь только притворным раскаянием в надежде вырваться на свободу? Или, может, дрогнула- таки несгибаемая душа этого мужественного человека, которому дважды выносился смертный приговор ?.. Что же говорить о людях двадцатого столетия, гораздо менее стойких, чем Бакунин?.. По отзыву непосредственного участника и очевидца событий двадцатых- тридцатых годов, близкого к обновленцам, А. Левитина- Краснова, «колебания и внутренняя неуверенность, апатия и усталость царили в эту трудную эпоху во многих сердцах» (60, 186). Он приводит пример астраханского епископа Филиппа, который, будучи арестован и привлечен к суду, пытаясь спасти свою жизнь, признал обновленческое Высшее Церковное Управление. В результате получил всего-навсего «условное» наказание. Однако, сделав это вопреки своей совести, епископ скрылся, оставив « истерическое письмо, в котором говорится: « ухожу в затвор. Бегу от мира сего вследствие усталости, расшатанности нервов». Разумеется, его отыскали и отправили в ссылку (60, 186).

Епископ Никон (Пурлевский)

Компромисс с обновленцами не спас и епископа Никона. В 1924 г. его арестовывают. С 1925 по 1926 годы он находится сперва в Бутырской тюрьме, а затем- в Соловецком концлагере (27, 86). С 1933 года он становится Архангельским епископом. По воспоминаниям старожилов, это был простой и очень доступный в обращении человек. Много выстрадав сам, он умел сострадать и другим. Охотно молился за больных, когда его об этом просили. Причем было замечено, что после этого больные выздоравливают. Поэтому архангелогородцы с любовью говорили о Владыке : «его молитвы Бог слышит»(27, 86).

В 1937 г. епископ Никон был переведен на архиепископскую кафедру в Казань. Здесь он был снова арестован. Обстоятельства его ареста известны по рассказу его келейника, иеромонаха Серафима (Шинкарева). Во время ареста епископ « помешался- вдруг стал говорить что-то непонятное»(27, 87) Но его все равно увели. Келейника не забрали вместе с ним лишь чудом. Он вернулся в Архангельск.

А архиепископа Никона расстреляли 27 декабря 1937 года. Вот и все, что известно о трагической судьбе этого человека.

А отец Серафим сделал много доброго по своем возвращении в Архангельск. Старые прихожане помнят и чтят его, как святого, который словно явился в двадцатое столетие из первых веков христианства. Среднего роста, сухонький, быстрый в движениях, в ореоле пышных волос, он, подобно монахам древности, отличался крайним нестяжанием. Ежедневной его пищей был горшок каши, который он сам приготовлял в русской печке. Денег у него не водилось никогда- он раздавал их тем, кто в них нуждался. Строгий к себе, он требовал серьезного отношения к христианским обязанностям и от других. Особенно не любил пустых и бесполезных разговоров (74, 16). Между прочим, усилиями отца Серафима был произведен ремонт Ильинского собора, а позднее- и храма Всех Святых, возвращенного верующим в послевоенные годы.

В 1947 году игумен Серафим Шинкарев был переведен в Загорск, в Троице- Сергиеву Лавру, где долгие годы был духовником. Умер он в декабре 1979 года

Иеромонах Серафим (Шинкарев). Снимок 1937 г.

ИЕРОМОНАХ ИГНАТИЙ

Этого человека в тридцатые-сороковые годы знал весь Архангельск. Знал, как юродивого. Часто можно было встретить на городских улицах странную фигуру в ватнике, грубых солдатских сапогах и шапке- ушанке. Этот «костюм» он носил в любое время года. Иногда еще надевал на руки белые шерстяные носки…

Звали странного человека Игнатием. Это его монашеское имя. Фамилия его, а также то, как звался он в миру, неизвестны. Но именно как юродивого Игнатия его и знали люди. Правда, мало кому было известно о нем то, кем он являлся в действительности. Например, то, что это ссыльный иеромонах. Вдобавок-настоятель маленького тайного храма, который находился в районе современного онкодиспансера. В то время это была городская окраина, прозывавшаяся в народе « Шанхаем»… Были у этого храма свои прихожане, хранившие от всех тайну его существования. Благодаря одной из них-монахине Елевферии (Неверовой), а также старушке. бывшей медсестре онкодиспансера, С.Г. Анненковой, и известно то, что мы знаем об о. Игнатии.

Судя по воспоминаниям этих людей, отец Игнатий обладал даром прозорливости. Хотя скрывал его за поступками, которые на первый взгляд казались безумными. Известны примеры его сбывшихся предсказаний. Например, того, которое он сделал своей квартирной хозяйке Анне, которая считала его юродство просто-напросто « дурачеством». Анна была крещена, нок своим христианским обязанностям относилась весьма равнодушно. Не раз отец Игнатий пытался напомнить ей о том, что человеку нельзя ограничиваться исключительно заботами о земном благополучии, забыв при

Иеромонах Игнатий

этом о более важном- своей душе. Он говорил ей: «грустно мне это видеть, Анна, только ведь с твоего дома начнется разрушение». Но она не считала нужным задуматься над его словами, откладывая покаяние на неопределенное « потом».

Как- то раз, в день своего рождения. Анна пригласила гостей. И вот, когда пришло время садиться за стол, отец Игнатий вдруг, на глазах у всех, полез на печку. Анна звала его к столу. Но он ответил ей: « сперва поминки надо справить» Снова и снова повторяла Анна свое приглашение, но в ответ с печки слышалось только : «нет, сперва поминки...» Объяснив гостям поступок отца Игнатия, как очередную его « блажь», Анна принялась их угощать. Под конец, взяв блюдо с нарезанным пирогом, она принялась обходить гостей. И вдруг побледнела, согнувшись с криком боли. Ее успели уложить на кровать, где Анна через несколько минут скончалась. Внешне безумный поступок отца Игнатия оказался предсказанием о ее внезапной кончине среди развеселого пированья.

Размышляя о страшной смерти Анны, стоит призадуматься. Разве в те годы не вели себя, подобно ей, многие другие люди? Известен плакат тех времен, хранящийся в местном краеведческом музее. На нем- перед гордой, красивой женщиной в красной косынке стоит с умильной улыбочкой жалкий попик, зазывая ее в церквушку с покосившимся крестом на главке. Внизу подпись : « тянет поп к прежнему. Да где ж ему!» Радуясь, что « близится эра светлых годов», где не находилось места Богу, кто мог предвидеть, что вскоре нагрянет не радость, а беда- разразится война? Но об этой надвигающейся беде знал иеромонах Игнатий.

Одна из старожилок нашего города (К.А. Неверова) вспоминала, как перед войной он зашел к ней и попросил хлеба. Она дала ему буханку. К удивлению хозяйки, он стал нарезать ее небольшими кусочками. Именно такого размера были в Архангельске в годы войны хлебные пайки (27, 82). В другой раз, уже вовремя войны, придя к ней же, он попросил « собери-ка мне, молодица, белья в узелок, чтоб неприбранному лежать не пришлось». Она дала ему кое- какие вещи, и он, подхватив узелок, направился к двери. Но на пороге вдруг оглянулся и пристально, с болью во взгляде, посмотрел на нее. Через несколько дней Неверовым пришла с фронта « похоронка»- погиб брат К.А. Неверовой, младший лейтенант Василий Неверов…

Между прочим, отец Игнатий предсказал перевод о. Серафима (Шинкарева, о котором мы рассказывали выше) из Архангельска в Троице-Сергиеву Лавру. С. Г. Анненкова вспоминала, как он пришел в Свято-Ильинский собор с мешком, полным всевозможных посудин. Содержимое мешка высыпал у ног о. Серафима. А потом принялся аккуратно расставлять принесенные плошки. Напомним, что первое послушание, которое получил в Лавре о. Серафим, было послушание эконома. Стало быть, по хозяйственной части. А позднее, когда игумен Серафим уже служил во Всесвятском храме, отец Игнатий пришел туда, взял веник, и со словами: « пора, пора тебе отсюда», стал мести пол перед о. Серафимом. Вскоре тот действительно был переведен из Архангельска в Загорск.

Быть юродивым в тридцатые годы, в разгул « воинствующего атеизма», было далеко не так легко, как может показаться сейчас современным людям. И отец Игнатий сполна изведал мытарства и в лагере, и в психбольнице. Но своего странного подвига все- таки не оставил.

Если многие знали о. Игнатия, как юродивого, то мало кому он был известен, как священник и духовник. Также мало кому известно, что именно благодаря этому человеку в нашем городе не прерывались традиции женского монашества. Потому что старейшая архангельская монахиня, матушка Елевферия (о которой мы расскажем немного позднее) проходила послушнический искус именно под его руководством. Правда, за годы знакомства с нею, я считала неуместным спрашивать ее, в чем заключалось его духовное руководство. Поэтому не могу сказать- в чем именно оно заключалось.

О том, чему учил о. Игнатий своих духовных детей- неизвестно. Однако, сохранились воспоминания о том, что иногда он прибегал к внешне безумным поступкам, чтобы наставить на ум заблуждающихся людей. Например, однажды он явился в Свято- Ильинский собор, неся на плечах мешок, полный мусора, из которого на свежевымытый пол сыпались то щепка, то ржавая железка… Естественно, церковные уборщицы принялись бранить его- зачем-де сорит в святом месте… А он идет себе по храму, как ни в чем не бывало, оставляя за собою мусор. И тут женщины призадумались. Оказывается, незадолго до появления о. Игнатия между ними возникло какое- то несогласие.

Слово за слово- и разгорелась ссора. А разве конфликты между людьми не столь же недопустимы, как грязь и мусор в храме? Поняли они это и стали мириться. Глядь, а батюшка, улыбаясь, уже вынес мешок с мусором за церковный порог…

Иеромонах Игнатий покинул наш город в конце сороковых годов, когда истек срок его ссылки. Куда он уехал- неизвестно. По воспоминаниям о нем С. Г. Анненковой, откуда-то со средней полосы России приехали две или три женщины, его духовные дочери, и увезли его. Дальнейшая судьба его нам неизвестна. Недолгим было его вынужденное пребывание в нашем городе. Однако он все- таки успел оставить яркий, незабываемый след в памяти его старожилов.

ИНОКИНЯ ЄВДОКИЯ

Фамилия ее и имя, которое она носила в миру, неизвестны. Известно, что она была послушницей Холмогорского Успенского женского монастыря. Однако, судя по послужным спискам, имя Евдокии носило несколько сестер этой обители. Поэтому сказать, кем именно из них была та, о которой- наш нынешний рассказ- достоверно неизвестно . Известно только прозвание, которое дали ей знавшие ее архангелогородцы. Они называли ее ласково- « Дунюшка»…

После закрытия Холмогорского монастыря в 1920 г. « Дунюшка» перебралась жить в Архангельск. Здесь снимала угол за печкой в первой деревне в Соломбале. Все свое немудреное добро носила, как говорится ,«с собою да на себе». Жила милостыней. Стояла у двери Ильинского собора. Руки она не протягивала никогда. Но люди знали ее нужду и сами подавали ей- кто сколько мог.

Возможно, современному человеку окажется трудно понять то, что такую полную лишений жизнь, Евдокия избрала добровольно. В начале двадцатых к« Дунюшке», тогда еще молодой и красивой, сватались несколько мужчин. Естественно, они обещали ей любовь, довольство и достаток. Но она отказала всем, не считая возможным изменить иноческим обетам. « Лучше умру, но не предам Господа. Я – Его невеста, других мне не надо».

Безусловно, менталитет людей даже недавнего прошлого современным людям может оказаться непонятным. В самом деле, почему бы Евдокии было не выйти замуж, если монастырь, где она жила, разорили? Чем одиночество и нищета лучше тихого счастья у семейного очага? Поэтому попытаемся объяснить поступок инокини Евдокии тем, что она глубоко сознавала свою ответственность перед Богом. И, как в нормальных семейных отношениях обязательной считается верность супругов друг другу, так и монахиня, «невеста Христова» не имеет права изменить своим обетам по отношению к Богу. А измена Богу для верующего человека была равносильна смерти. В этом- то и заключается причина того, почему инокиня Евдокия предпочла замужеству жизнь, полную лишений.

Добровольное мученичество « Дунюшки» было вознаграждено еще при ее жизни. Было замечено, что беды обходят стороной тех, кто делает ей добро. Одна женщина (К.А. Неверова) пустила ее пожить в свой домик. Было это во время Великой Отечественной войны. Как раз в это время фашистские самолеты бомбили Архангельск. Одна бомба упала в пяти метрах от домика, где поселилась Евдокия. От взрыва разбились стекла, попадала с полок посуда. Но, к удивлению всех, старенькое деревянное строение уцелело. Правда, не желая славы от людей, сразу же по приезде хозяйки, Евдокия покинула гостеприимный домик и стала вести прежнюю скитальческую жизнь.

Инокиня Евдокия

Умерла она в послевоенные годы во флигеле на улице Логинова (тогда ул. Пролетарской). Перед смертью рассказала ухаживавшей за ней ссыльной монахине Магдалине, что за ее душой пришли святые. Правда, кто именно- этого поведать ей угасавшая « Дунюшка» уже не успела…(27, 89- 90).

ПРОТОИЕРЕИ ВАСИЛИЙ ГОЛЬЧИКОВ И НИКОЛАЙ ВОТЧИНСКИЙ

Судьба отца Василия Гольчикова похожа на тысячи подобных судеб священников из разных мест России. И, на первый взгляд, в ней нет ничего выдающегося. Хотя это только кажется. Ведь далеко не каждый смог бы выдержать все те испытания, которые выпали на долю этого простого батюшки из Лешуконского района.

Родился отец Василий в 1884 г. в одном из сел Лешуконья, в семье мелкого торговца Олимпия Гольчикова. Кончил церковно- приходскую школу. А потом в течение 13 лет учительствовал в этом же селе. Был женат на доброй, простой женщине, Анне Артемьевне. Любил читать книги, и впоследствии удивлял собеседников широтой своего кругозора. В 1914 году Василий Гольчиков принял сан священника и был направлен в мезенское село Кимжа. Церковь Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы), в которой он служил, цела и поныне. Она является памятником деревянного зодчества конца 18 века. Отец Василий был последним священником, служившим в этом храме…

В мае 1935 года отца Василия арестовали. Обвиняли его в «создании контрреволюционной группировки церковников». Однако, даже из его следственного дела становится очевидной нелепость этого обвинения. В Кимже не только не было никаких «группировок», но и батюшка был лояльным к Советской власти человеком. Когда 5 марта 1935 г. местные жители собрались на стихийную сходку возле храма, чтобы выразить недовольство новыми порядками, священник в этой сходке не участвовал. А когда узнал о ней, сказал : «не надо было этого делать».

Единственная вина его была в том, что он исполнял свой долг священника- утешал людей, поддерживая в них веру. Ведь именно к нему шел народ за помощью, за советом. В результате в его следственном деле появилась формулировка- «кимженский поп внедрял в массы о необходимости верить в Бога, что может освободить от советского гнета».

Невиновность о. Василия была очевидной. Но все- таки его осудили, дав три года лагерей. Срок от отбывал в Карагандалаге.

Вернувшись, он забрал семью, ютившуюся в Кимже по чужим углам, и переехал в Архангельск. Здесь его ждали новые испытания. Единственным местом, куда он смог устроиться, оказалась организация, ведавшая уборкой города. И вот бывший учитель и священник стал возчиком. В течение десяти лет, летом и зимой, в любую погоду, то на телеге, то на санях возил он дрова, мусор, а часто и бочку с нечистотами… Даже впоследствии получил медаль « За доблестный труд». За это время умерла его жена, выросли дети. Сменяли друг друга события- радостные и горестные. И уже не оставалось надежды, что когда-нибудь о. Василий снова будет служить в храме Литургию…

Его стойкости в этом повседневном мученичестве стоит удивляться. Ведь шли годы. И уже приближалась старость. А бывший батюшка все возил по городу грязь да нечистоты...Возможно, у другого на его месте родился бы вопрос, обращенный к Небу- «доколе»?.. А он вытерпел все до конца, ни разу не возроптав на Бога, ни разу не пожаловавшись на жестокую судьбу. Его вера была « сильнее бедствия земного».

Только в 1946 г. отец Василий снова стал священником в Соломбальском храме Святителя Мартина. В нем прослужил до 1953 г. Хотя это было лишь продолжением его крестного пути. Ведь, как « служитель культа» он не раз подвергался насмешкам и клевете. И в таких случаях его поддерживал другой священник, служивший вместе с ним- отец Николай Вотчинский.

Отец Николай Вотчинский

Внешность этого человека располагала к себе с первого взгляда. Был он высокого роста, с большим красным носом (у него была доброкачественная опухоль носа, по поводу которой его впоследствии прооперировали в онкодиспансере), с немного удивленным взглядом добрых глаз. Особенно любили его дети, которые нисколько его не боялись. Кстати, он великолепно находил общий язык с детьми. Охотно крестил их, причем без всякой платы. Одна женщина рассказывала, как отец Николай тайно крестил на дому ее маленького сына. В качестве « платы» батюшка попросил, чтобы она собрала в дом всех, кто бы хотел креститься. И Таинство Крещения совершил над ними, не взяв за это ни копейки.

Судьба его была аналогична судьбе отца Василия. Он также был образованным, хотя очень простым в обращении человеком. Также прошел через все круги лагерного ада. Более 20 лет длились его мытарства по тюрьмам и ссылкам. Но удивительно- при этом он не сломился. Не ожесточился душой. Напротив, имел редкий дар всевозможными шутками и прибаутками смешить, утешать тех, кто нуждался в утешении.

Вот один из его рассказов про лагерные мытарства. Он известен благодаря воспоминаниям медсестры онкологического диспансера, С.Г. Анненковой. Однажды она услышала веселый смех в палате, где лежал о. Николай. Впервые она, медработник с большим стажем, слышала, чтобы в онкодиспансере так смеялись. Оказывается, происходило это благодаря отцу Николаю, который подбадривал соседей по палате. Он даже о страшном умел рассказать смешно. Пожалуй, таким даром обладал только протопоп Аввакум, написавший в 17 веке автобиографическое « Житие», в котором со своеобразным горьким юмором поведал о тех гонениях, что довелось ему перенести. Аналогично рассказывал о своих мытарствах и отец Николай Вотчинский:

- Дали мне лопату, послали дорогу чистить. Да она, злодейка, не хочет слушаться…Беда! Надзиратель, и тот не выдержал: «Да что же мне с тобою, поп, поделать?!» Привели меня тогда в барак, где рукавицы шили, а там их на столе, раскроенных, вот такая гора… « Вот ,- говорят, -поп, это твой последний шанс. Сошьешь 15 пар за день, пожалуй, жив останешься» А я с иглой управляться мастер не лучше, чем с лопатой… Что делать? Стал я молиться: «Господи! Один Ты моя надежда- помоги сшить эти рукавицы. Иначе конец мне». Поплакал- поплакал, да и давай иглой ковыряться. И ведь услышал Господь. Не 15, а 30 пар дал сшить. И так- весь остальной срок».

Конечно, веселость о. Николая во многом была мнимой. Но он понимал- как священник, он обязан утешать людей, вселять в них надежду и мужество. И если не быть, то хотя бы казаться самым сильным и стойким. Даже тогда, когда у самого сердце « рвется и плачет» от горя.

Отец Василий и отец Николай прослужили в Соломбальском храме долгие годы. Умерли они в одном и том же году- 1966. Могилы их сохранились. Скромный черный гранитный памятник над местом захоронения отца Василия поставили дети. Они не стали священнослужителями, как он. Но, подобно своему отцу, выросли честными и трудолюбивыми людьми. А над могилой отца Николая Вотчинского стоит простой деревянный крест.

Они оставили по себе нечто более важное, чем те помпезные памятники, которыми во все времена « сильные мира сего» надеялись сохранить свои имена бессмертными на земле. Они оставили о себе добрую память в сердцах людей. Такую память, какую оставляют «на земле живых» только праведники.

МОНАХИНЯ ЕЛЕВФЕРИЯ

Матушка Елевферия родилась в 1915 г. в селе Ровдино, в семье крестьян- середняков. Звали ее тогда- Анастасией, Настенькой Неверовой. Когда ей было лет 14, она вместе со старшей сестрой Клавдией приехала в Архангельск, где и выучилась на повара. Поваром в воинской части, а затем продавцом проработала всю жизнь до ухода на пенсию. Одно время даже разводила на продажу певчих птичек- канареек…

Читатель вправе задать вопрос- где же тут подвижничество? Чем отличалась эта женщина от множества ее современниц? Ведь, в отличие от святых прошлого, она не уходила в лес, чтобы вести отшельническую жизнь. Не молилась продолжительное время. Не имела и дара прозорливости. Так что ж такого выдающегося совершила она?

Монахиня Елевферия

Подвиг монахини Елевферии- это подвиг верности избранному с юных лет жизненному пути. Для нее им стала жизнь монашеская. Даже несмотря на то, что ее жизненные ценности могут оказаться непонятными для кого- то, таких людей, безусловно, стоит уважать. Она пришла в Церковь в тридцатые годы, во время гонений. Пришла, чтобы остаться там навсегда, невзирая на насмешки и доносы. Духовным отцом ее был тот самый иеромонах Игнатий, о котором шла речь выше. В 1941 году Настенька Неверова однажды и навсегда сделала свой жизненный выбор между мирской и монашеской жизнью. Она стала послушницей. Постригa ей пришлось ждать всю ее долгую жизнь, сорок два года. Он состоялся лишь за год до ее смерти- в 1996 году. При этом ей было дано имя Елевферия, по-гречески означающее « свобода»…

Ее сокровенная, внутренняя жизнь была гораздо богаче той, которую она вела « в миру». Она спасала от уничтожения выброшенные иконы. Не боясь доносов и преследований, встречалась с монахинями из разоренных монастырей, ссыльными священниками, руководствуясь в духовной жизни их советами. Работая в воинской части, неукоснительно выполняла свое молитвенное правило, хранила целомудрие и чистоту. Известно, что ей, красивой, общительной девушке, делали предложение 11 раз. Пытались

добиться ее любви и силой. А ведь она была даже не монахиней, а всего-навсего послушницей, не связанной никакими обетами. Кто знает, как повела бы себя на ее месте другая девушка. Она же осталась верной тому, что выбрала для себя однажды и на всю жизнь, ни разу не пожалев об этом выборе.

В жизни монахиня Елевферия « не казалась святой». И даже внешне совсем не напоминала монахиню, как ее обычно представляют люди. Не напускала на себя ни сурового вида, ни молчаливой замкнутости. Некоторых смущал ее живой, по-детски непосредственный, общительный нрав. А также то, что она часто улыбалась. Ведь, по мнению большинства, монах должен непременно выглядеть угрюмым и печальным. Но она, вопреки молчаливому осуждению , предпочитала « оставаться собой», не стремясь угождать молве. Искренность была одной из основных черт ее характера. Лгать она не умела и не хотела.

Ее внутренний мир остался для нас загадкой. Но для тех, кто знал, для тех, кто и поныне помнит ее, она была примером того, как можно, живя среди мира и нося светскую одежду, оставаться монахиней в душе. Учеников у нее, можно сказать, не было. Хотя благодаря ей в нашем городе не пресеклась традиция женского монашества.

Но она являлась не только продолжательницей монашеских традиций в Архангельске, а и хранителем памяти. Благодаря ей до нас дошли воспоминания об епископе Никоне, инокине Евдокии, протоиерее Димитрии и иеромонахе Игнатии. Она- практически единственная, кто сумел не только сберечь память об этих людях, но и решился передать ее потомкам. Поэтому мы посчитали своим долгом постараться сохранить память и о ней.

Наш рассказ о церковных подвижниках Архангельской области закончен. Но это не значит, что тема подвижничества на Севере исчерпана. Сколько еще осталось в давнем и недавнем прошлом Архангельской земли неизвестных пока что судеб. Они лишь ожидают людей, которые сделают их не достоянием архивов, погребенным « во тьме забвения», а поведают о них тем, кто захочет приобщиться к славной памяти о прошлом своей Родины. Но это уже- тема для других книг, которые, как верится, еще появятся на свет. Старым людям- на утешение. Молодым- в назидание. А Архангельской земле нашей- на славу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловецкий Патерик. М.: Синодальная библиотека, 1991.

2. Иеромонах Никодим (Кононов). Архангельский Патерик. С-Пб.: 1901.

3. В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988.

4. Архимандрит Алипий, архимандрит Исайя. Догматическое богословие. Изд-е Троице- Сергиевой Лавры, 1994.

5. Святитель Игнатий Брянчанинов. Сочинения, т. 5. Приношение современному монашеству. М.: Правило Веры, 1993.

6. Жития русских святых. Сентябрь- декабрь. Изд-в Введенской Оптиной пустыни, 1993.

7. А.И.Климов., В. П. Лизунов. Небесные покровители города. Архангельск, изд-во ПГУ, 1998.

8. Житие Савватия и Зосимы, Соловецких чудотворцев. М.: Мед. энциклопедия, 1991.

9. Круглый год. Народный календарь. С-Пб.: Агромпромиздат, 1997.

10. Жития русских святых. Книга вторая. Изд- е Свято- Троицкого Ново- Голутвина монастыря, 1993.

11. Канонизация святых. Материалы Поместного Собора Русской Православной Церкви, посвященного юбилею 1000-летия Крещения Руси, 1988 г.

12. Византийские легенды. Л.: Наука, 1972.

13. В. П. Лега. Современная западная философия. Изд- е ПСТБИ, М.: 1997.

14. Жигия русских святых. Книга 6. Изд-е Свято- Троицкого Ново- Голутвина монастыря, 1993.

15. Жития русских святых. Январь- апрель. Изд-е Введенской Оптиной пустыни, 1994.

16. Троицкий патерик. Изд-е Троице- Сергиевой Лавры, 1992.

17. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Репринтное издание. Вологда, 1880.

18. Е. Суворов. Угодник Божий Кирилл Вельский. ((Вера, № 338 (12 выпуск), 1999. с.8.

19. В.И. Буганов, А.П. Богданов. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М.: Политиздат, 1991.

20. Жития русских святых. Книга четвертая. Изд-е Свято- Троицкого Ново- Голутвина монастыря, 1993.

21. Житие и чудеса святого Артемия, Веркольского чудотворца. С – Пб .:, 1900.

22.Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Октябрь. С - Пб:., 1992.

23. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения .- Горький: Волго- Вятское кн. изд-во, 1988.

24. Православные русские обители. С-Пб.: Воскресение, 1994.
25. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Выпуск 2. Архангельск, 1895.
26. Житие Преподобного Антония, Сийского Чудотворца. Изд-е Свято- Троицкого Антониево- Сийского монастыря, 1999.
27. Пащенко Е.В. Очерки о монастырях и храмах Архангельской области 17-20 вв. Архангельск, изд-во АГМА, 1999.
28. Архимандрит Лазарь. О монашестве. Изд-е Московского подворья Успенского Псково- Печерского монастыря, 1995.
29. Жития русских святых . Книга пятая. Изд- е Свято- Троицкого Ново- Голутвина монастыря, 1993.
30. Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Лествица, 1997.
31. Заветы инокам. М.: изд -е Сретенского монастыря, 1997.
32. А. Иконникова. Царицы и царевны из дома Романовых. М.: Народная книга, 1991.
33. Архангельские епархиальные ведомости. № 10 (от 15 мая 1893).
34. А.В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М.: Терра, 1992.
35. М.В. Толстой. Рассказы из истории Русской церкви. Изд-е Валаамского монастыря, 1991.
36. Н. Тальберг. История Русской Церкви. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997.
37. Н. Федоров. Непокорный игумен. ((Правда Севера, 30 декабря 1999.
38. Р.Г. Скрынников. Святители и власти. Лениздат, 1990.
39. Соловецкий православный церковный календарь 1998 г. Изд-е Соловецкого монастыря, 1998.
40. С.В. Максимов. Год на Севере. Архангельск, Северо- Западное кн. изд-во, 1984.
41. А. Новиков. Две жизни Ущельского монастыря. ((Звезда, 22 мая 1996.
42. Е.В. Пащенко. Женские монастыри Архангельской губернии. Архангельск, изд-во АГМА, 1999.
43. Краткая история Соловецкого монастыря. С - Пб.: 1899.
44. Никон на Севере. Онега, 1992.
45. Э. Д. Вартаньян. Из жизни слов. М.: Детгиз, 1960.
46. Е. Поселянин. Чудотворные иконы Матери Божией. Изд-е Свято-Троицкого Голутвина монастыря, 1993.
47. Минея- Октябрь. Житийные справки. Изд-е Московской Патриархии, М.: 1980.
48. Жития русских святых. Книга третья. Изд-е Свято- Троицкого Ново- Голутвина монастыря, 1993.
49. Иеромонах Иоанн (Колгоривов). Очерки по истории Русской святости. Брюссель, 1961.

50. Святитель Димитрий Ростовский. Уроки благочестия. М.: Благовест, 1997.
51. Е. Поселянин. Русская Церковь и русские подвижники 18 века. С-Пб.: 1905.
52. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М.: 1998.
53. Пащенко Е.В. Дивный пастырь Кронштадтский.((Архангельский епархиальный вестник, 1996, № 4.
54. А.В. Круглов. Молитвенник земли Русской. М.: 1913.
55. Православные святые. С-Пб., «Респекс».: 1996.
56. Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского. ((ЖМП. № 10, 1990
57. В. Родин. В лике святых. ((Правда Севера, 21 августа 1997.
58. Дело митрополита Вениамина. М.: «Тритэ», 1991.
59. Протоиерей В. Цыпин. История Русской Церкви. М.: Изд-е Валаамского монастыря, 1997.
60. А. Левитин- Краснов, В. Шавров. Очерки по истории русской церковной смуты. Изд- е Крутицкого подворья, М.: 1996.
61. Протоиерей М. Чельцов. Воспоминания «смертника» о пережитом. М.: 1995.
62. Православные чудеса в 20 веке. М.: «Трим», 1993.
63. Архиепископ Лука (Войно- Ясенецкий). Я полюбил страдание...М.: 1996.
64. Протодиакон В. Марущак. Святитель- хирург. М.: Даниловский благовестник, 1997.
65. Т.И. Грекова. Болезнь и смерть- зло или благо? М.: Политиздат, 1983.
66. Т.И. Грекова. Два служения доктора Войно- Ясенецкого.((Наука и религия. № 8, 1986.
67. М. Поповский. Жизнь и житие Войно- Ясенецкого, архиепископа и хирурга. ((Октябрь, № 2, 1990.
68. Академик АМН СССР И. Кассирский. Воспоминания о профессоре В.Ф. Войно- Ясенецком.((Наука и жизнь, № 5, 1989.
69. М. Поповский. Жизнь и житие Войно- Ясенецкого, архиепископа и хирурга. ((Октябрь, № 4, 1990.
70. В. Ф. Войно- Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии. М.: Медгиз, 1956.
71. С.П. Глянцев. Сослан по статье « За убийство».(Правда Севера, 30 сентября 1999.
72. Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Часть 2. Джорданвилль, 1957.
73. Алексеевский равелин. Книга 1. Лениздат, 1990.
74. В память вечную. ((Вера, № 303, 1998.

ПАЩЕНКО Є.В.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАТЕРИК

очерки о церковных подвижниках
Архангельской области
14-20 вв.

Лицензия ЛР № 021308 от 20.10.98
Подписано в печать 25.01.00
Формат 80×64/16 Усл.-печ.л. 9,3
Заказ № 100 , тираж 200

Издательский центр АГМА

г.Архангельск, пр.Троицкий, 51, каб. 330
Телефон (8182) 49-34-91